

В. А. КРЕМЕНЮК

**ПОЛИТИКА
США**

**В
РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАНАХ**

**ПРОБЛЕМЫ
КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ
1945-1976**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
И КАНАДЫ**

В. А. КРЕМЕНЮК

**ПОЛИТИКА
США**

**В
РАЗВИВАЮЩИХСЯ
СТРАНАХ**

**ПРОБЛЕМЫ
КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ
1945-1976**

Под редакцией В. С. Руднева

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
МОСКВА 1977**

Кременюк В. А.

К79 Политика США в развивающихся странах. Проблемы конфликтных ситуаций. 1945—1976. М., «Междунар. отношения», 1977.

224 с. (Ин-т США и Канады АН СССР)

В книге исследуются основные направления и главные этапы политики США по отношению к острым конфликтным ситуациям в странах Азии, Африки и Латинской Америки в послевоенный период, а также особенности этой политики в период разрядки международной напряженности. Автор показывает, как активная борьба СССР против вмешательства во внутренние дела развивающихся стран, за политическое решение международных конфликтов содействует постепенному созданию нового политического климата в мире.

Книга представляет интерес для читателей, интересующихся проблемами международных отношений.

К $\frac{11105-009}{003(01)-77}$ 7-77

32И

Национально-освободительное движение народов Азии, Африки и Латинской Америки выступает на нынешнем этапе общего кризиса капитализма как активный и динамичный фактор антиимпериалистической борьбы и социального прогресса. Оно оказывает большое влияние на соотношение сил на мировой арене в пользу мира, демократии и социализма.

В своих работах и выступлениях В. И. Ленин неоднократно указывал на потенциально высокое значение национально-освободительного движения угнетенных народов для мирового революционного процесса. В «Докладе о тактике РКП» на III конгрессе Коммунистического Интернационала он, в частности, говорил: «Движение в колониальных странах все еще рассматривается, как незначительное национальное и совершенно мирное движение. Но это не так. С начала XX столетия в этом отношении произошли большие изменения, а именно: миллионы и сотни миллионов, — фактически громаднейшее большинство населения земного шара, — сейчас выступают как самостоятельные активные революционные факторы. И совершенно ясно, что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»¹.

Дальнейший ход истории и в особенности «взрыв» национально-освободительной борьбы после второй мировой войны полностью подтвердили эту ленинскую оценку. Великая победа советского народа над фашизмом, образование мировой социалистической системы и рост ее могущества создали благоприятные условия для перехода национально-освободительного движения колониальных народов к решающей фазе борьбы за независимость. В речи на торжественном собрании, посвященном тридцатилетию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Генеральный секретарь ЦК

КПСС Л. И. Брежнев отмечал, что «уже в первые послевоенные годы усилился процесс распада колониальных империй, который завершился крахом колониализма»².

Пробуждение к сознательной политической жизни отсталых, угнетенных в прошлом народов, их активная, в том числе и вооруженная борьба за достижение политической независимости, быстрый процесс деколонизации под давлением этой борьбы, при активной помощи и поддержке Советского Союза и других стран социалистического содружества, выход на мировую арену большого числа освободившихся государств и рост их самостоятельного значения в мировой политике — все это оказало и продолжает оказывать большое влияние на расстановку сил в мире. «Окидывая взглядом картину современного мира, — заявил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — нельзя не обратить внимания на такой важный момент, как серьезное усиление влияния государств, которые еще недавно были колониями или полуколониями.

О большинстве из них можно определенно сказать, что они с нарастающей энергией отстаивают в противоборстве с империализмом свои политические и экономические права, стремясь закрепить свою независимость, поднять уровень социального, экономического и культурного развития своих народов»³.

КПСС и Советское государство, основываясь на ленинской оценке роли национально-освободительного движения в мировом революционном процессе, проводят политику укрепления сотрудничества со странами, освободившимися от колониальной зависимости. Советский Союз оказал решающую поддержку борьбе народов против колониального господства; он осуществляет дружественную помощь молодым государствам в укреплении их суверенитета и усилении независимости, в развитии экономики и культуры, поддерживает их в противостоянии политике неоколониализма. Этот принципиальный курс Советского государства закреплен в Программе КПСС, в решениях партийных съездов, в особенности XXIV и XXV съездов КПСС, в постановлениях ЦК партии, в других партийных документах.

Ликвидация отсталости развивающихся стран связана не только с освобождением от внешней зависимости, с борьбой против неоколониализма. На нынешнем этапе все большее значение для освободительных процессов приобретают внутренние социально-классовые противо-

речия в самих развивающихся государствах. «Отношение Советского Союза к сложным процессам в развивающихся странах четкое и определенное, — отмечается в этой связи в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии. — Советский Союз не вмешивается во внутренние дела других стран и народов. Уважение священного права каждого народа, каждой страны избирать свой путь развития — незыблемый принцип ленинской внешней политики. Но мы не скрываем своих взглядов. В развивающихся странах, как и повсюду, мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости и относимся к ним, как к своим друзьям и товарищам по борьбе»⁴.

Отношение империалистических государств и в первую очередь их лидера — Соединенных Штатов Америки к национально-освободительному движению определяется главным образом соображениями борьбы за выживание перед лицом неотвратимых исторических перемен, перехода человечества от капитализма к социализму. Развал колониальной системы империализма и освобождение народов существенно сокращают возможности капитализма противостоять поступательному ходу истории, процессам освобождения человечества от эксплуатации и угнетения. Поэтому империализм в послевоенные годы приложил немалые усилия в борьбе против национально-освободительного движения в колониях и полузависимых странах. Он стремится и на нынешнем этапе, после завоевания политической самостоятельности большинством этих стран, изменить антиимпериалистический характер освободительных революций, подавить передовые революционные силы, сохранить систему зависимости стран Азии, Африки и Латинской Америки и поставить их ресурсы на службу своим глобальным интересам.

В стратегии империализма политика Соединенных Штатов занимает особое положение. Правящие круги США возглавили борьбу колониальных держав против национально-освободительного движения и приняли непосредственное участие в подавлении освободительных революций в Индокитае, на Ближнем Востоке, в Корее, Доминиканской Республике, Конго, Пуэрто-Рико и в других странах. Методами их борьбы против освободительного движения народов в послевоенный период становятся вооруженные интервенции, организация военно-политических блоков, направленных как против стран социа-

лизма, так и против революционных движений, использование косвенных средств для вмешательства во внутренние дела стран Азии, Африки и Латинской Америки. Среди этих методов неокOLONиальной политики США особо следует выделить их действия в отношении конфликтных ситуаций в развивающихся странах.

Политические конфликты, и особенно такая их разновидность, как вооруженные столкновения, занимают видное место в жизни развивающихся стран. В конфликтах с колониализмом происходила борьба народов за национальную независимость. Конфликты между разными социальными и политическими группировками в пределах одной нации весьма характерны для процессов становления новых государств, их политического и общественного устройства. Политические и вооруженные конфликты между отдельными освобожденными государствами сопровождают и процессы формирования их территории и национально-этнического состава. Продолжающаяся агрессивная политика империалистических стран в Азии, Африке и Латинской Америке порождает новые конфликты между развивающимися и империалистическими государствами. Связь этих конфликтов с главными международно-политическими противоречиями неоднократно приводила к острым катаклизмам, чреватых угрозой локальных или глобальных столкновений.

Агрессивная политика Соединенных Штатов оказала огромное воздействие на развитие и эволюцию политических и вооруженных конфликтов в развивающемся мире. Правящие круги США рассматривают эти конфликты как прямое продолжение глобальной борьбы между миром социализма и миром капитализма и определяли свое отношение к ним в послевоенный период на основе идеологии антикоммунизма. В то же время в конфликтах между колониальными державами и национально-освободительным движением они видели возможность усиления собственных позиций в странах Азии и Африки за счет ослабления господства европейских колониальных держав. В конфликтах внутри отдельных развивающихся стран и между ними они видят также возможность ослабления единства развивающихся государств, разрушения антиимпериалистического фронта в Азии, Африке и Латинской Америке. В условиях конфронтации двух мировых систем для правящих кругов США вмешательство в конфликты в развивающихся

странах представляло и возможность демонстрации силы в глобальном масштабе.

Действия американского империализма по отношению к конфликтным ситуациям в странах Азии, Африки и Латинской Америки сыграли роль одного из важнейших источников напряженности на международной арене. В течение 60-х годов эти действия нередко приводили к возникновению острых международных кризисов, которые угрожали всеобщему миру и безопасности. Несмотря на поворот от «холодной войны» и конфронтации к разрядке напряженности и сотрудничеству, наступивший в первой половине 70-х годов в результате перемен в соотношении сил на мировой арене и под воздействием активной миролюбивой политики Советского государства, правящие круги США не оставили попыток использовать конфликтные ситуации в развивающихся странах для достижения своих целей. «Мы не имеем права забывать о том, — говорил в своем выступлении на Всемирном конгрессе миролюбивых сил в Москве Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — что до сих пор в различных концах планеты вспыхивают войны, гибнут люди, разрушаются города, заводы, села, уничтожаются культурные ценности. Это войны, которые политики привыкли именовать локальными, то есть войны, ограниченные сравнительно узкими рамками какого-то географического района. Опыт показывает, что они в современных условиях, как правило, возникают там и тогда, где и когда предпринимаются попытки сил империализма и реакции насильственно подавлять освободительное движение народов, мешать свободному и независимому развитию государств, избравших прогрессивный путь внутреннего развития и антиимпериалистический курс во внешней политике»⁵.

Проблемы обеспечения стабильных политических условий для дальнейшего развития социального прогресса в общемировом масштабе превратились теперь в одну из неотложных задач мировой политики. В этом направлении на основе Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, и Программы дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, принятой XXV съездом КПСС, активизируется внешнеполитическая деятельность Советского государства. Международное коммунистическое и рабочее движение, как показывают итоги Конференции коммунистиче-

ских и рабочих партий Европы в Берлине, принципиально и последовательно рассматривает борьбу за разрядку как важный вклад в создание таких международных условий, которые способствуют социальному прогрессу. Большинство развивающихся стран, отмечается в документе конференции «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе», «вносит активный вклад в борьбу за мир, безопасность, разрядку и сотрудничество на равноправной основе, за создание справедливой системы международных политических и экономических отношений, в борьбу против империализма, колониализма, неоколониализма и всех форм господства и эксплуатации»⁶.

Страны социалистического содружества, коммунистические и рабочие партии в капиталистических государствах, все прогрессивные и миролюбивые силы отстаивают принципы уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела других стран, добиваются устранения агрессии и войны из сферы отношений между государствами, полного и всеобщего разоружения, ликвидации отсталости стран Азии, Африки и Латинской Америки. В этой борьбе крепнет солидарность отдельных потоков мирового революционного процесса. «С подавляющим большинством государств, возникших в результате слома колониальной системы, — заявил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — нас объединяет глубокая приверженность к миру и свободе, отвращение к любым формам агрессии и господства, к эксплуатации одной страны другой»⁷.

Политика правящих кругов США в отношении острых конфликтных ситуаций в развивающихся государствах, как это показывают события в Чили, Анголе, Ливане и других странах, остается одним из главных источников международно-политической напряженности. Она оказывает влияние не только на отношения между империалистическими и развивающимися странами, на обострение обстановки внутри отдельных государств Азии, Африки и Латинской Америки, но и на отношения между двумя мировыми системами. На эту сторону действий США в конфликтных ситуациях в развивающихся странах обратил внимание Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии, говоря о советско-американских отношениях. «Не секрет, — отмечал он, — что определенные сложности свя-

заны и с теми аспектами политики Вашингтона, которые угрожают свободе и независимости народов, представляют собою грубое вмешательство в их внутренние дела на стороне сил угнетения и реакции. Мы выступали и будем выступать против таких действий»⁸.

В советской научной литературе, в трудах видных советских исследователей проблем национально-освободительного движения (К. Н. Брутенц, Б. Г. Гафуров, Е. М. Жуков, А. А. Искендеров, В. Г. Солодовников, В. Л. Тягуненко, Р. А. Ульяновский и др.) глубоко и всесторонне исследуются вопросы современных национально-освободительных революций и основные проблемы развивающихся стран. Большое внимание уделяется советскими исследователями и общим проблемам политики США в отношении развивающихся стран⁹. Вместе с тем конфликты в этих странах, как особое явление, до последнего времени сопровождающее процессы политического развития освободившихся государств, исследованы пока еще недостаточно, хотя и советские и зарубежные марксистские исследователи национально-освободительного движения уделяют этим проблемам известное внимание. В изучение «конфликтной» проблематики значительный вклад внесли работы советских ученых: В. В. Журкина, Г. И. Мирского, Ю. Я. Михеева, Е. М. Примакова и некоторые коллективные труды, в которых рассматривается широкий спектр проблем, относящихся к политике Соединенных Штатов в острых международных кризисных ситуациях, тщательно проанализированы закономерности перерастания некоторых конфликтных ситуаций в развивающихся странах в международно-политические кризисы глобального масштаба вследствие агрессивного курса американского империализма на мировой арене¹⁰.

В настоящей книге исследуется политика США в отношении конфликтов внутри развивающихся стран и между ними в 1945—1976 годах как определившееся самостоятельное направление американского внешнеполитического курса. Это направление, решая важнейшие задачи стратегии США в Азии, Африке и Латинской Америке, вместе с тем постоянно оказывало большое влияние на общие позиции американского империализма на мировой арене, а также на состояние международных отношений. Автор стремился рассматривать генезис и эволюцию этого направления во внешней политике США

на широком историческом фоне послевоенного периода, в течение которого, с одной стороны, произошли определенные перемены в характере конфликтов в развивающихся странах, а с другой — некоторые сдвиги в политическом курсе Соединенных Штатов в этих конфликтных ситуациях под влиянием изменений в общем соотношении сил на мировой арене. Такое сопоставление этих двух важных процессов, во многом определяющих главные направления внешнеполитического курса США, позволит наилучшим образом раскрыть исследуемую тему.

Автор выражает свою благодарность В. И. Гантману, Ю. П. Давыдову, В. Ф. Петровскому, В. С. Рудневу, Р. А. Тузмухамедову и другим товарищам, оказавшим ему помощь в разработке данной темы исследования и при написании книги.

**ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИЗМА—ИСТОЧНИК
НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТОВ
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ**

Конфликты в странах Азии, Африки и Латинской Америки тесно связаны с острыми социальными и политическими противоречиями, отражают характер и степень антагонистичности борьбы в этих странах и являются ее прямым продолжением. В этой борьбе главными противостоящими сторонами являются империализм, выступающий в союзе с реакционными силами, и национально-освободительное движение, силы прогресса, демократии и национальной независимости. Как отмечается в документе «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году, «в борьбе против национально-освободительного движения империализм, с одной стороны, упорно защищает остатки колониализма, а с другой, — старается воспрепятствовать методами неоколониализма экономическому и социальному прогрессу развивающихся государств, стран, завоевавших национальный суверенитет...

Используя военно-политические блоки и базы на чужих территориях, экономический нажим и торговую блокаду, империализм сохраняет напряженность в ряде районов мира. Он оказывает финансовую и политическую поддержку реакционным организациям, усиливает политическое давление. Вооруженные интервенции, жестокие репрессии. — особенно там, где борьба приобретает наиболее острые формы и где революционные силы сражаются с оружием в руках, — контрреволюционные заговоры, реакционные и фашистские перевороты, провокации и шантаж — все пущено в ход империализмом»¹.

Такая оценка характера борьбы в развивающихся странах имеет основополагающее значение. Она показы-

вает, что политические и вооруженные конфликты в этих странах прямо связаны с решением основных вопросов национально-освободительного движения: выбор пути экономического и социального развития, формы и степень зависимости освободившихся государств от империализма, их международно-политическая ориентация и т. п. Следовательно, в своей основе конфликты в развивающихся странах имеют классовый характер и отражают процессы размежевания классовых сил в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Вместе с тем на расстановку сил в освободившихся государствах большое влияние оказывают и проблемы, казалось бы, лежащие в стороне от главных направлений борьбы. В некоторых из этих стран еще не сложились стабильные формы государственного управления и общественного устройства, сложен и пестр социальный, этнический и религиозный состав населения, не урегулированы территориально-пограничные проблемы. Не прекращается напряженная борьба за власть между отдельными влиятельными группировками правящих кругов — армией, племенной и феодальной верхушкой, крупной национальной буржуазией. Специфичен социальный фон в большинстве развивающихся стран: крайняя нищета «низов», огромный разрыв в уровнях дохода между «низами» и «верхами». Определенное воздействие на умонастроения масс оказывают и такие факторы, как национализм и деятельность левацких псевдореволюционных группировок. Все это создает обстановку неустойчивости в развивающихся странах и содействует частому перерастанию неурегулированных внутренних и международных проблем в вооруженные столкновения.

Политическая неустойчивость в странах Азии, Африки и Латинской Америки и связанные с ней конфликты дают возможность империализму и его союзникам отвлечь широкие демократические слои от насущных задач борьбы за достижение подлинной независимости и направить их внимание на столкновения по второстепенным вопросам. Эта неустойчивость служит предлогом для идеологов империализма выдвигать антинаучные, пропагандистские тезисы о низком уровне развития как источнике угрозы международному миру² и одновременно во многом облегчает правящим кругам империалистических государств применение вооруженной силы против национально-освободительного движения. Она

позволяет им также более активно опереться в борьбе против прогрессивных преобразований на реакционные круги, побуждает использовать свое военно-техническое преимущество и финансовые средства для разгрома сил, выступающих с антиимпериалистических позиций.

Таким образом, проблема конфликтов в развивающихся странах — одна из важнейших в политике империализма по отношению к национально-освободительному движению. Поэтому при анализе этой политики, и в особенности политики Соединенных Штатов Америки по отношению к конфликтным ситуациям в развивающихся странах, в первую очередь следует разобраться в природе этих ситуаций, их движущих силах и тех общих чертах, которые позволяют империализму и неоколониализму активно использовать эти ситуации для борьбы против национально-освободительного движения. Важное значение в связи с этим приобретает вопрос об источнике конфликтов и о путях его воздействия на политическую обстановку в Азии, Африке и Латинской Америке.

В итоговом документе «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе» Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, состоявшейся в Берлине 29—30 июня 1976 г., дана принципиальная оценка источника напряженности и конфликтов в развивающихся странах. «Политика империализма, неоколониализма и все формы угнетения и эксплуатации, — отмечается в документе, — остаются главной угрозой миру, независимости и равноправию народов. В то же время неравномерное экономическое развитие, неравноправные экономические и политические отношения представляют источник напряженности и конфликтов и являются серьезной преградой на пути к независимости и социальному прогрессу»³. Эта оценка раскрывает характер источника напряженности и конфликтов и его основные формы проявления: угроза миру, борьба против независимости и равноправия народов, стремление сохранить неравноправные экономические и политические отношения.

Политика империализма, играющая роль источника напряженности и конфликтов в развивающихся странах, осуществляется в нескольких главных направлениях. Это, во-первых, прямая вооруженная агрессия против национально-освободительного движения и отдельных разви-

вающихся стран и, во-вторых, вмешательство во внутренние дела стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также в отношения между ними, неоднократно приводившее к возникновению войн и конфликтов.

Наиболее опасное для международного мира и безопасности направление этой политики — вооруженная агрессия империализма, в результате которой возникали колониальные и неоколониальные войны, происходили нападения на независимые государства.

Вооруженная борьба колониальных держав против национально-освободительного движения в послевоенные годы породила ряд *колониальных войн*. Целью колонизаторов в такого рода войнах и конфликтах было сохранение колониального статуса с помощью вооруженного подавления сил, выступавших за национальную независимость. Колониальные войны велись в Индокитае, Малайе, Индонезии, Алжире, на Мадагаскаре, в Камеруне и в других странах. Можно насчитать свыше 20 колониальных войн в период после второй мировой войны.

По мере того как крепло национально-освободительное движение, увеличивалось число независимых государств, происходили дальнейшие сдвиги в мировом соотношении сил, затяжные колониальные войны типа войны Франции в Индокитае или Англии в Малайе закончились поражением империализма и ликвидацией колониальной системы. В первой половине 60-х годов эпоха колониальных войн в основном была завершена. Исключение составили войны салазаровской Португалии против национально-освободительного движения народов Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау, которые длились до антифашистского государственного переворота в Португалии в апреле 1974 года.

В некоторых случаях колониальные державы в борьбе против национально-освободительного движения под влиянием перемен в соотношении сил на мировой арене и в колониях модифицировали методы своей политики. В частности, убедившись в невозможности сохранения прежних колониальных режимов, они были готовы передать власть проимпериалистическим кругам и группировкам компрадорской буржуазии в колониях, применяя одновременно вооруженную силу для разгрома наиболее радикальных течений в национально-освободительном движении (Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Кения, Малайя). Иногда модификация целей и методов борьбы колониаль-

ных держав происходила в ходе войны. Например, в начале войны Франции в Индокитае была направлена на восстановление колониального режима в том виде, в каком он существовал до второй мировой войны. С 1949 года, после того как Франция признала независимость баодаевского Вьетнама, французские войска уже сражались в поддержку неоколониального режима.

Эта модификация привела к возникновению ряда *неоколониальных войн* империалистических держав против освободительных движений и суверенных независимых государств. В этих войнах наряду с традиционными колониальными державами активное участие принимают и США. Наиболее показательным примером неоколониальных войн является многолетняя агрессия Соединенных Штатов в Индокитае, завершившаяся сокрушительным поражением агрессоров и марионеточных режимов.

Усиление международных позиций стран социалистического содружества, активная дипломатическая, экономическая и военная поддержка развивающихся государств со стороны Советского Союза, борьба всех миролюбивых сил против агрессивной политики империалистических государств — все эти факторы значительно сузили возможности империализма в области прямой вооруженной борьбы с национально-освободительным движением. По инициативе Советского Союза и при поддержке других социалистических государств, развивающихся стран ООН приняла ряд важных решений, закреплявших права народов на национальную независимость и ограничивавших возможности империалистических держав применять вооруженную силу против суверенных стран Азии, Африки и Латинской Америки. В 1960 году по инициативе СССР XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, в которой зафиксировано право всех народов на борьбу против колониализма во всех его формах и проявлениях. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета, принятая в 1965 году по инициативе Советского Союза XX сессией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, подтвердила право освободившихся государств на борьбу против любых попыток агрессии со стороны империализма и неоколониализма.

Однако и после завоевания политической независимости бывшими колониальными и зависимыми странами агрессивная политика империализма в развивающихся странах не прекратилась (см. табл. 1).

«Силы агрессии и милитаризма хотя и потеснены, но не обезврежены, — отмечал в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — За послевоенные годы они развязали более 30 войн и вооруженных конфликтов разных масштабов»⁴.

Особое значение в борьбе против агрессивной политики империализма и неоколониализма приобрела помощь Советского Союза и других социалистических стран развивающимся государствам в усилении их способности к защите своего суверенитета и независимости. По просьбе правительств освободившихся стран Советский Союз оказывал им необходимую материально-техническую помощь, сыгравшую существенную роль в отражении агрессии. Помощь со стороны Советского Союза позволила революционной Кубе разгромить контрреволюционеров на Плайя-Хирон в 1961 году, арабским народам отразить израильскую агрессию в 1967 и 1973 годах, народу Гвинеи отстоять свою независимость во время неоднократных нападений португальских войск в 1971—1973 годах.

Советский Союз и другие социалистические государства оказали большую помощь Анголе в разгроме агрессии ЮАР и империалистических наемников в 1975 — 1976 годах.

Активная и всесторонняя поддержка СССР и всего социалистического содружества помогла народам Индокитая отстоять с оружием в руках свою независимость в войне с американским империализмом. Полная победа вьетнамского народа в этой войне против агрессии США, за спасение родины, отмечал в своем выступлении на XXV съезде КПСС Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан, «неотделима от мощной поддержки, всесторонней, огромной, ценной и эффективной помощи Советского Союза»⁵. Советское государство проводит последовательную и принципиальную политику помощи народам развивающихся стран, отстаивающим свободу и независимость перед лицом империалистической агрессии. «Наша партия, — заявил на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — оказывает и будет

Таблица 1

Страны	Годы	Стороны—участники конфликта
Индонезия	1945—1949	Индонезийская Республика - Нидерланды
Индокитай	1945—1954	ДРВ, силы освобождения Лаоса и Камбоджи Франция
Бирма	1945—1947	Антифашистская лига народ- ной свободы Великобритания
Малайя	1945—1957	Освободительная армия Великобритания
Мадагаскар	1947—1948	Демократическое движение за малагасийское возрождение Франция
Пуэрто-Рико	1950	Движение за независимость США
Тунис	1952—1956	Фронт национального освобож- дения Франция
Кения	1952—1956	Силы национального освобож- дения Великобритания
Марокко	1952—1956	Силы национального освобож- дения Франция
Алжир	1954—1962	Фронт национального освобож- дения Франция
Кипр	1955—1959	Прогрессивная партия трудово- го народа (АКЭЛ), Националь- ная организация борцов-кипри- отов (ЭОКА) Великобритания
Камерун	1955—1962	Союз народов Камеруна Франция и Великобритания
Оман	1955—1963	Силы национального освобож- дения Великобритания
Египет	1956	Египетская республика Англия, Франция, Израиль
Испанское Марокко	1957—1958	Силы национального освобож- дения Испания

Страны	Годы	Стороны—участники конфликта
Ливан	1958	Ливан США
Иордания	1958	Иордания Великобритания
Ньясаленд	1959	Силы национального освобождения Великобритания
Конго (Леопольд-виль)	1960—1962	Республика Конго Бельгия, США (под флагом ООН)
Ангола	1961—1974	Народное движение за независимость Анголы (МПЛА) Португалия
Южный Вьетнам	1961—1973	Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) США
Тунис	1961	Республика Тунис Франция
Индия (Гоа, Диу, Даман)	1961	Индия Португалия
Индонезия (Западный Ириан)	1962—1963	Индонезийская Республика Нидерланды
Бруней	1962	Силы национального освобождения Великобритания
Куба	1962	Республика Куба США
Гвинея-Бисау	1963—1974	Африканская партия независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Португалия
Южный Йемен	1964—1967	Национальный фронт Великобритания
Панама	1964	Патриотическое движение США
Мозамбик	1964—1974	Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) Португалия

Страны	Годы	Стороны—участники конфликта
Доминиканская Республика	1965	Патриотические силы США
Зимбабве (Родезия)	1967—...	Африканский национальный конгресс (АНК), Союз африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) Расистский режим
Чад	1968—1970	Фронт национального освобождения (ФРОЛИНА) Франция
Намибия	1969—...	Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) ЮАР
Камбоджа	1970	Национальный единый фронт Камбоджи (НЕФК) США, сайгонский режим
Лаос	1971—1973	Патриотический фронт США, сайгонский режим
Ангола	1975—1976	Народная Республика Ангола ЮАР

оказывать поддержку народам, которые сражаются за свою свободу»⁶.

Вместе с тем Советское государство на основе Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, развернуло активную борьбу на международной арене за ликвидацию военных очагов напряженности и их политическое решение, против любых акций агрессии и произвола, за отказ от применения силы или угрозы ее применения для решения спорных вопросов. В Программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов XXV съезд КПСС призвал миролюбивые государства сосредоточить усилия на устранении остающихся военных очагов, вести дело к обеспечению безопасности в Азии, считать одной из важнейших международных задач полную ликвидацию всех остатков системы колониального угнетения, ущемления равноправия и независимости народов, всех очагов колониализма и расизма. Этот курс Советского Союза полу-

чил полную поддержку прогрессивных сил во всем мире, служит важным фактором дальнейшего ограничения политики агрессии против развивающихся стран.

«Позиции империализма, природа которого не изменилась, в результате сдвигов в соотношении сил ослабли, — отмечается в итоговом документе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Берлине. — Это находит свое выражение в том, что он уже не в состоянии ни перечеркнуть исторические завоевания социализма, ни остановить продвижение вперед прогрессивных сил, движение за освобождение и независимость народов»⁷. Однако и в новых условиях международной обстановки империалистические государства все же способны на отдельные агрессивные акции против освободившихся стран. В частности, серьезным источником новых конфликтов могут служить, как отмечается в итоговом документе, экономические противоречия между капиталистическими монополиями и развивающимися странами, стремление империализма сохранить неравноправные отношения и в этой области.

К примеру, в последние годы осложнились отношения между участниками Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и международными монополиями. Рост финансового могущества нефтедобывающих стран, их стремление к увеличению доли в прибылях нефтяных концернов и монополий привели к тому, что руководство стран — членов ОПЕК начало активное наступление на позиции международного капитала. В условиях разразившегося на Западе энергетического кризиса это вызвало конфликт между нефтедобывающими государствами и развитыми капиталистическими странами. На возможные масштабы и остроту этого конфликта указывает то, что в качестве ответных мер, которые обсуждались в США, выдвигались предложения о вооруженном вторжении в районы нефтедобычи Персидского залива. В широко известном интервью журналу «Бизнес уик» в январе 1975 года государственный секретарь Соединенных Штатов Г. Киссинджер пытался пригрозить арабским странам военными акциями⁸.

Политика прямой вооруженной агрессии является важной частью *военно-политической стратегии* империализма, направленной на обеспечение его позиций в Азии, Африке и Латинской Америке. Она представляет прямую угрозу безопасности развивающихся стран. Укрепление

обороноспособности, готовность к отпору агрессии со стороны империализма становятся в связи с этим одними из главных задач молодых государств, в особенности тех из них, кто избрал прогрессивный путь общественного развития.

Но и другие формы осуществления военно-политической стратегии империализма — военное присутствие, втягивание развивающихся стран в агрессивные военные блоки, активная военная помощь зависимым режимам и т. п. — также оказывают большое влияние на состояние конфликтности в развивающемся мире. Гонка вооружений, накопление все больших запасов оружия, сохранение иностранных военных баз и иностранных вооруженных сил на территории других государств, империалистический нажим и вмешательство во внутренние дела других стран — все это, отмечается в итоговом документе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, представляет собой источники прямой угрозы для мира, безопасности и сотрудничества между государствами.

Политика втягивания стран Азии, Африки и Латинской Америки в *военно-политические блоки* в течение некоторого времени приносила свои плоды. В 1947 году под эгидой США была образована Организация американских государств (ОАГ), объединившая под руководством Вашингтона латиноамериканские страны. В 1954—1955 годах по инициативе США были созданы блоки СЕАТО и Багдадский пакт (позднее переименован в СЕНТО), в которых помимо империалистических держав участвовали и некоторые страны Азии — Турция, Иран, Пакистан, Филиппины, Таиланд. В 60-х годах в Африке Франция создала Афро-Малагасийский союз, объединивший под ее руководством ряд бывших французских колоний; в Азии появился Азиатско-Тихоокеанский совет (АЗПАК). В начале 70-х годов Великобритания создала под своей эгидой военный блок в составе Австралии, Новой Зеландии, Малайзии и Сингапура (АНЗЮК). Империалистические государства заключили также ряд двусторонних соглашений военного характера с развивающимися государствами.

Военные союзы империалистов направлены не только против Советского Союза и других социалистических стран. Они используются и против прогрессивных неприсоединившихся государств Азии и Африки, против осво-

бодительных движений. Большое значение имеет и то, что эти союзы и договоры применялись империалистическими государствами в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела народов, как, например, договор СЕАТО — для агрессии США в Индокитае. В то же время империалистические державы, в частности США, использовали союзные договоры для инспирирования военных переворотов в зависимых странах (например, в 1957 г. в Таиланде, в 1958 г. в Пакистане).

Идеология и политика антикоммунизма, проникнув во внутривнутриполитическую жизнь стран, принявших участие в антикоммунистических блоках, проявлялись в преследованиях прогрессивных элементов, борьбе против коммунистических и рабочих организаций, обострении внутривнутриполитической обстановки. Опора империалистических государств на наиболее реакционные силы и снабжение их оружием, идеологическое оправдание репрессий против прогрессивных организаций под предлогом борьбы против коммунизма вели в конечном счете к сгущению атмосферы насилия в развивающихся странах, появлению тенденций к авторитарным методам правления, созданию военных режимов и диктатур.

Однако политика включения развивающихся стран в антикоммунистические военные блоки терпит провал: практически парализован блок СЕНТО, внутренние противоречия подтачивают ОАГ, в 1975 году члены СЕАТО заявили о самороспуске блока. Во многих развивающихся странах, участвующих в империалистических блоках, усиливаются настроения в пользу дальнейшего развития на путях неприсоединения.

С политикой привязывания развивающихся стран к военно-политическим блокам тесно связана их *милитаризация*. Уже с начала 50-х годов экспорт вооружений в развивающиеся страны приобрел широкие масштабы. В 1945—1968 годах Соединенные Штаты продали и вывезли в зарубежные страны вооружения на сумму около 50 млрд. долл., Англия — 5 млрд., Франция — 3 млрд. долл.⁹. Стоимость экспорта оружия в развивающиеся страны в среднем почти в 10 раз превышает объем экономической помощи этим странам со стороны капиталистических государств¹⁰. По подсчетам Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, на развивающиеся страны приходится до 90% мировой торговли оружием, которая составляет около 3%

стоимости мирового торгового оборота. Эти подсчеты включают только официальную торговлю оружием, кроме которой ведется еще и подпольная, составляющая по стоимости около половины официальной¹¹.

США занимают первое место среди поставщиков вооружений в страны Азии, Африки и Латинской Америки. На специальных слушаниях в конгрессе по вопросам международной торговли оружием в марте 1970 года объем мировой торговли вооружением на капиталистическом рынке оценивался в 2,5 млрд. долл. ежегодно. Из этой суммы американский экспорт вооружений составлял 1,7 млрд. долл. (1,3 млрд. — за наличный расчет или в кредит, а 0,4 млрд. — в виде безвозмездной помощи)¹². С тех пор эти показатели значительно возросли: только за 1970—1974 годы стоимость экспортируемых из США вооружений оценивалась в 20 млрд. долл.¹³ Резко увеличен в последние годы вывоз американского оружия в страны Персидского залива.

Торговля вооружением с развивающимися странами сопровождается конкуренцией между поставщиками. В частности, в 70-е годы обострилась конкуренция между Францией и США. Франция выступила на рынке оружия как поставщик тяжелых видов вооружения (самолеты, танки, вертолеты, бронетранспортеры и т. п.), потеснив позиции США в таких странах, как Малайзия, Ливан, Греция, Турция, Пакистан, некоторые латиноамериканские государства¹⁴. Конкуренция из-за рынков сбыта вооружений между развитыми капиталистическими странами (активное участие в ней принимает и Англия) ведет к гонке вооружений в развивающихся странах.

Масштабы этой гонки вооружений определяются не только объемом поставок оружия. Империалистические государства направляют в развивающиеся страны все больше современной техники, обладающей большой разрушительной силой, в частности сверхзвуковую авиацию, ракетное оружие и т. п.¹⁵

Это грозит опасными последствиями всеобщему миру и безопасности, а также ростом числа жертв вооруженных столкновений в развивающихся странах. Как показывают некоторые подсчеты, общее количество погибших и раненых во всех вооруженных конфликтах, происшедших в странах Азии, Африки и Латинской Америки после 1945 года (включая гражданскую войну в Китае), уже превышает число жертв второй мировой войны¹⁶.

Экспорт вооружений, рост вооруженных сил, усиление роли милитаристских элементов в некоторых развивающихся странах и, соответственно, тенденции к решению многих острых политических проблем военным путем не могли не привести к увеличению числа вооруженных конфликтов. Отдельные буржуазные ученые и публицисты указывают на тесную связь между экспортом вооружений в развивающиеся страны и ростом числа конфликтов. Например, в журнале «Экспресс» отмечалось, что 95% вооруженных конфликтов в послевоенные годы произошло в развивающихся странах и «90% торговли вооружениями — случайно ли! — приходится на торговлю развитых стран именно с ними»¹⁷. Некоторые американские ученые и публицисты (Р. Барнет, Дж. Тайер, Р. Лэпп и др.) также усматривали в политике милитаризации одну из причин роста числа конфликтов.

Одним из важных аспектов этой политики является рост локального экспансионизма со стороны отдельных военных режимов. Большую роль в этом сыграла политика военной помощи США. «Имеются районы, — отмечала в этой связи «Нью-Йорк таймс», — в которых американская военная помощь превышает текущие нужды и порождает милитаристские машины»¹⁸. В 70-е годы стратегия создания «опорных пунктов» для своего внешнеполитического курса в виде сильных в военном отношении военно-бюрократических режимов, которым предназначается роль «полицейских» в соответствующих регионах развивающегося мира, становится основой политики США в отношении развивающихся стран. Выдвинутая в ходе войны во Вьетнаме, эта стратегия была названа «вьетнамизацией». США намерены по-прежнему оказывать крупную военную помощь Израилю, Южной Корее, Бразилии, предполагая перепоручить им часть жандармских функций в борьбе против освободительных движений. Усиление этих проимпериалистических стран представляет прямую угрозу государствам, идущим по пути прогрессивных преобразований, а также другим соседним развивающимся государствам и ведет к созданию напряженной обстановки, усилению гонки вооружений, росту масштабов вооруженных сил и вооружений в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Проблемы прекращения гонки вооружений теперь находятся в центре внимания мировой общественности. Советский Союз и другие социалистические страны, боль-

шинство развивающихся государств выступают за полное прекращение гонки вооружений, за разоружение. Эта позиция отвечает подлинным интересам народов, встречает поддержку среди широких масс. Советское государство готово участвовать и в поисках решения проблемы прекращения гонки вооружений в «горячих точках» развивающегося мира, в частности на Ближнем Востоке. «Но, — подчеркнул Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — разумеется, только в тесной увязке с общим урегулированием на Ближнем Востоке. Решать ее до такого урегулирования значило бы ставить на одну доску агрессора и его жертвы»¹⁹.

Таким образом, военно-политическая стратегия империализма оказывает прямое и косвенное воздействие на возникновение конфликтных ситуаций в развивающихся странах и рост их числа в послевоенные годы. Это, в свою очередь, позволяет империалистическим государствам активно использовать эти и другие конфликтные ситуации для достижения целей неокOLONиальной политики.

Использование империализмом и неокOLONиализмом конфликтных ситуаций в развивающихся странах происходит по-разному. С одной стороны, империалистические государства стремятся воспользоваться обострением некоторых внутренних проблем для усиления позиций реакционных проимпериалистических группировок и ослабления прогрессивных демократических сил, избегая при этом открытого вмешательства во внутренние дела этих стран. С другой — они используют международные конфликтные ситуации в Азии, Африке и Латинской Америке в целях разъединения развивающихся стран, натравливания своих союзников и зависимых режимов на прогрессивные государства, создавая одновременно внешнее прикрытие для их агрессивных действий: демонстрацию силы, военную помощь, поддержку в ООН и т. п. Но суть этой политики едина: использовать конфликтные ситуации и противоборство в них сил разной ориентации для сохранения общей зависимости развивающихся стран от империализма, сталкивания их на капиталистический путь развития.

Процессы деколонизации вызвали быстрое и решительное размежевание политических сил в развивающихся

ся странах, что вело к обострению внутренних социально-политических противоречий. Если в борьбе против колониального господства в развивающихся странах, как правило, возникал широкий антиколониальный фронт, включавший рабочий класс, крестьянство, средние слои (мелкую городскую буржуазию, прогрессивную интеллигенцию, в том числе прогрессивное офицерство), а также национальную буржуазию, то после завоевания независимости в расстановке сил внутри этих стран происходят значительные изменения. Когда встает вопрос о пределах развития освободительной революции, о выборе пути дальнейшего социально-экономического развития, становятся господствующими определенные противоречия, существовавшие еще внутри антиколониальной коалиции. Эта особенность современного этапа в национально-освободительном движении была отмечена XXIV съездом КПСС. Как подчеркивал на съезде Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, **«борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерасти в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических»**²⁰.

Крупная национальная буржуазия, феодально-племенная верхушка, часть высшего чиновничества и офицерства, сложившиеся при колониальном режиме, в целях укрепления своей власти ищут компромисса с иностранным капиталом, готовы к союзу с империализмом против прогрессивных преобразований. Эти группировки, как правило, еще слишком слабы, чтобы в одиночку подавить противостоящие им силы. Разгром левых, революционно-демократических группировок, всех прогрессивных сил и переход на капиталистический путь развития становятся целью крупной национальной буржуазии, других правых элементов и империалистических стран. На эту эволюцию позиций национальной буржуазии и близких ей слоев обращали внимание многие видные деятели национально-освободительных революций в развивающихся странах, в частности Г. А. Насер²¹.

Силой, которая может противостоять политической линии крупной национальной буржуазии, защитить завоевания освободительной революции, является рабочий класс. Однако в развивающихся странах большинство населения составляют крестьянство и различные промежуточные слои, а рабочий класс даже в тех странах, где он уже сформировался, еще слаб в политическом и орга-

низационном отношении. В некоторых странах он только зарождается. В подавляющем большинстве освободившихся государств рабочий класс объективно не смог стать вождем национально-освободительных революций. В этой роли чаще выступали средние городские слои: мелкая буржуазия, прогрессивная интеллигенция, в том числе офицерство. Во многих случаях, как это было в 1952 году в Египте, в 1958 — в Ираке, в 1962 году — в Йемене и т. д., антиимпериалистические революции совершались армией. Средние городские слои продолжают играть активную политическую роль в освободившихся государствах и после завоевания независимости.

Эти слои не имеют единой социально-экономической основы, а поэтому способны относительно легко в зависимости от политической и экономической конъюнктуры, под воздействием внешнего фактора менять свою политическую ориентацию, шарахаться от ультрареволюционных до шовинистических позиций, скатываться к террору как против консервативных, реакционных, так и против подлинно революционных сил (как это было в Индонезии после 1965 г., в Чили после переворота 1973 г.). Неустойчивость средних слоев (при их активной политической роли) усиливается и неустойчивостью низших слоев городского и сельского населения. Аграрное перенаселение, рост безработицы в городах приводят к тому, что «скапливается колоссальная масса люмпенов, фактически выброшенных из привычной социальной среды и не допущенных в иную. Такого рода социальные «нарывы» создают огромную экономическую и политическую неустойчивость»²².

Политическая неустойчивость средних и низших слоев населения в обстановке нестабильной экономической конъюнктуры усиливается и рядом острых внутривнутриполитических проблем, доставшихся развивающимся странам в наследство от колониализма или объясняемых спецификой их истории. К этим проблемам можно отнести религиозную и межобщинную вражду, ксенофобию, кастовые пережитки, межплеменную и этническую разнь и т. п. Эти противоречия обычно тесно переплетены с социально-политическими противоречиями и поэтому неизмеримо усиливают диапазоны возможных скачков внутривнутриполитической нестабильности, дают возможность заинтересованным группировкам внутри и вне развивающихся стран с относительной легкостью прибегать к обостре-

нию обстановки, разжиганию различных этнических конфликтов для решения задач борьбы против прогрессивных сил.

Социально-политической борьбой между противостоящими классами (при всей их относительной неразвитости) и политическими группировками, а также неустойчивостью общего положения в развивающихся странах стремится воспользоваться империализм. Его задача — обеспечить в этих странах господство ориентирующихся на США политических сил и группировок, создать стабильные проимпериалистические режимы. Совокупность условий, в которых происходит борьба, — от общего низкого уровня социально-экономического развития до массы неурегулированных этнических проблем — содействует применению наиболее реакционных, экстремистских форм и методов решения этой задачи. Правый экстремизм (расизм, фашизм), крайний национализм (шовинизм, ксенофобия, коммунализм и т. п.), *внутренние реакционные перевороты, установление антинародной диктатуры*, террор и преследования прогрессивных сил используются правыми проимпериалистическими группировками в качестве основного средства борьбы за удержание власти.

Империалистические государства приложили немало усилий для создания и расширения числа зависимых режимов в развивающихся странах. В особенности активно проводили эту политику Соединенные Штаты Америки. В конце 40-х годов они поддерживали проамериканскую буржуазию на Филиппинах в борьбе против движения хуков, создали режимы Ли Сын Мана в Южной Корее и Чан Кай-ши на Тайване, организовали переворот в Таиланде и приход к власти Сарита Танарата в 1957 году, переворот в Иране против правительства Моссадыка в 1953 году, поддержали диктатуру в Парагвае в период вооруженной борьбы в 1947 году, свергли правительство Арбенса в Гватемале в 1954 году и т. д. Репрессивные антинародные режимы превратились в важную политическую силу неоколониализма, противостоящую революционно-демократическим преобразованиям, в опору его политики.

Насильственные методы борьбы империализма и реакционных группировок вызвали вооруженный отпор со стороны революционно-демократических сил. Вырванная из традиций вооруженной борьбы против колониализма

деятельность революционно-демократических группировок не избежала влияния особенностей, определяющих и на нынешнем этапе характер и способы политической борьбы в развивающихся странах. Под впечатлением от успехов вооруженной борьбы народов Индокитая, Алжира, Кубы и ряда других стран революционные партии и группировки идут на организацию вооруженного сопротивления неокOLONиальным режимам, партизанского движения в сельских районах и в городах. Важное значение для них приобретает теория партизанской и национально-освободительной войны, разработанная классиками марксизма-ленинизма и обогащенная опытом партизанской борьбы советского народа в Великой Отечественной войне. Большим вкладом в развитие этой теории в специфических условиях антиколониальных революций является обобщение опыта военных и партийных руководителей ДРВ, разработка вопросов партизанской войны в условиях Латинской Америки в трудах Э. Че Гевары. Определенное значение для некоторых стран имеют работы видных руководителей африканских народов — А. Кабрала, Э. Мондлане²³.

В 60-х годах вооруженная борьба в развитии национально-освободительного движения, отражая обострение внутренних противоречий в отдельных развивающихся странах, имела и некоторые отрицательные последствия. Одним из них, притом немаловажным по своему значению, явился рост левацких ультрареволюционных течений, идеологами которых являются Ф. Фанон, Р. Дебре и некоторые другие мелкобуржуазные теоретики вооруженной борьбы²⁴. Определенное усиление этих организаций в рядах национально-освободительного движения связано с подрывной деятельностью авантюристических элементов, избравших теорию «народной войны» в качестве основы своей стратегии в зоне национально-освободительного движения²⁵.

Политика ультрареволюционеров стала относительно долгосрочным фактором, содействующим обострению внутренних противоречий и политической неустойчивости в развивающихся странах. После событий 30 сентября 1965 г. в Индонезии многие страны Азии и Африки были вынуждены наряду с продолжающейся борьбой против империализма и неокOLONиализма принимать меры, направленные против левацких организаций. Это проявилось и в некоторых внешнеполитических осложнениях²⁶.

Деятельность левацких организаций сыграла и провокационную роль: усилив в США позиции сторонников вооруженного подавления национально-освободительного движения, она во многом способствовала эскалации американской агрессии во Вьетнаме²⁷.

Неудачи стратегии «народной войны», провалившаяся ставка на левацкие группировки вынудили сторонников левого экстремизма отбросить «революционную» маскировку в проведении курса на установление господства в рядах освободительного движения. В первой половине 70-х годов они пошли на тесное сотрудничество с империализмом и наиболее правыми реакционными силами, направленное против освободительных движений. Экстремисты облегчили приход к власти фашистской хунты в Чили, оказали поддержку проимпериалистическим группировкам в их борьбе против правительства Народной Республики Анголы.

Перемещение акцента в освободительной борьбе народов на внутренние проблемы (социальные, межплеменные, религиозные и пр.) не могло не сказаться и на характере вооруженных столкновений, которые сопровождали эту борьбу: увеличилось число внутренних конфликтов, приближающихся по характеру к категории *гражданских войн*, косвенное участие в которых (через разные каналы) принимают империалистические государства. За послевоенные годы можно насчитать целый ряд крупных конфликтов такого рода, причем большинство из них приходится на 60-е и 70-е годы (см. табл. 2). Эту тенденцию отмечают и буржуазные исследователи. «В современных международных отношениях «агрессия» в классическом смысле — нападение через признанные границы — становится все более редким феноменом., — отмечает английский исследователь вооруженных конфликтов И. Люард. — Напротив, в послевоенный период происходил рост числа гражданских войн»²⁸.

Скрытое вмешательство империализма и неокOLONиализма в социально-классовые противоречия в развивающихся странах, их использование для борьбы против сил прогрессивной ориентации ведет к усилению внутренних антагонизмов, активизации выступлений реакции. «Во многих освободившихся странах, — отметил в своем выступлении на XXV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — происходит сложный процесс размежевания классовых сил, нарастает классовая

борьба. Проявляется это по-разному. Новые прогрессивные сдвиги произошли в экономике и политической жизни арабских, африканских и азиатских стран социалистической ориентации. Есть и страны, где развитие пошло дальше по капиталистическому пути.

Некоторые режимы и политические организации, провозгласившие социалистические цели, проводящие прогрессивные преобразования, подверглись сильному нажиму внутренней и внешней реакции»²⁹.

В борьбе против прогрессивных преобразований в развивающихся странах, против стран социалистической ориентации империализм активно использует и *международные конфликты*. Зарождение этих конфликтов тесно связано с периодом колониального господства. Процессы формирования современных государств Азии и Африки — их территория, религиозно-этнический состав населения, характер внутреннего общественно-политического устройства, состояние экономики и т. п. — происходили под преобладающим влиянием колониализма. Это отразилось и на становлении родившихся в ходе антиколониальной борьбы молодых государств.

Весьма остро стоит до последнего времени в развивающихся странах территориальный вопрос. В своей книге «Азиатские границы» английский историк А. Лэмб пишет: «Ни одно азиатское государство не прошло через колониальный период с нетронутыми границами... Все они в разной степени обязаны своим нынешним начертанием границ историческим процессам, происходившим в колониальную эпоху». Сущность же этих процессов, по признанию автора, заключалась в том, что колониальные державы «присвоили себе право кроить Азию и Африку по своему усмотрению, не принимая во внимание интересы народов»³⁰.

В ходе колониальных завоеваний и в процессе колониального господства первоначальные границы государств Азии и Африки претерпели различные изменения. В тех случаях, когда завоеваниям подвергались уже сформировавшиеся в национальных границах государства, от них порой отторгались целые области и образовывались новые государства или на территории одного государства образовывались колонии разных европейских стран. Показательной в этом отношении является история колониального завоевания Индии, где рядом с британской Индией находились португальские и фран-

Таблица 2

Страна	Годы	Империалистические страны и их союзники—косвенные участники конфликта
Китай	1945—1949	США
Филиппины	1946—1954	США
Индия	1946—1947	Великобритания
Парагвай	1947	США
Южная Корея	1945—1950	США
Египет	1952	Великобритания
Иран	1951—1953	Великобритания и США
Гватемала	1954	США
Аден и Йемен	1955—1958	Великобритания
Индонезия	1957—1959	США
Лаос	1959—1962	США и Таиланд
Южный Вьетнам	1959—1961	США
Куба	1961	США
Конго	1960—1966	Бельгия, США, Великобрита- ния
Гватемала	1962—...	США
Колумбия	1962	США
Йемен	1962—1969	США, Великобритания, Саудов- ская Аравия
Кипр	1963—1964	США, Турция
Лаос	1964—1973	США, Таиланд, сайгонский ре- жим
Колумбия	1964—1969	США
Боливия	1965—1967	США
Таиланд	1965—...	США
Судан	1965—1969	Израиль
Нигерия	1967—1970	Великобритания, Франция
Южный Йемен	1968—1969	Великобритания
Иордания	1970	США, Израиль
Камбоджа	1970—1975	США, Таиланд, сайгонский ре- жим
Южный Вьетнам	1973—1975	США
Чили	1973	США
Кипр	1974—...	США, Греция, Турция
Ливан	1975—...	США, Франция, Израиль

цузские колонии, где в ходе завоевания Великобритании не раз перекраивала границы отдельных княжеств. Если колонизации подвергались территории племен и народностей, не достигших уровня государственности, в рамки одной территории включались племена, между которыми не было даже хозяйственных связей (Нигерия, Сенегал, Бурунди). Часто такие племена испытывали взаимную неприязнь, недоверие и вражду, на которых и строилась вся система колониального управления.

Последствия процесса колонизации не ощущались бы столь остро независимыми государствами Азии и Африки, если бы колонизаторы не делали ставку на их умышленное обострение; не рассчитывали с помощью подогревания национальных, религиозных, межобщинных, межплеменных, а также межгосударственных, в частности территориальных, противоречий сохранить контроль над освободившимися странами. Советские исследователи проблем развивающихся стран отмечают, что политика федерализма как одна из форм колониального решения национально-территориального вопроса активно использовалась колонизаторами в период предоставления независимости странам Азии и Африки в качестве средства обеспечения на будущее своего экономического и политического господства³¹.

Значение территориально-этнического фактора в жизни многих развивающихся государств неоднократно подтверждалось возникновением конфликтов между ними на почве взаимных территориальных претензий или на основе религиозных, межплеменных, межобщинных и прочих противоречий. Такого рода конфликты возникали между Индией и Пакистаном, Алжиром, Марокко и Мавританией, Индонезией, Малайзией и Филиппинами, Сомали, Эфиопией и Кенией, Ираном и Ираком и т. д. Межплеменные и межобщинные конфликты возникали в Индии, Нигерии, Уганде, Бурунди, Малайзии, Бирме, Пакистане и в целом ряде других стран, перерастая нередко в межгосударственные столкновения. В послевоенный период между странами Азии, Африки и Латинской Америки произошло около 15 крупных конфликтов, в основе которых лежали территориальные и пограничные споры или этнические разногласия (см. табл. 3).

Споры и противоречия между отдельными развивающимися странами затрудняют сохранение их единства и солидарности в противостоянии политике империализма

Таблица 3

Стороны—участники конфликта	Годы	Империалистические государства—косвенные участники конфликта
Индия—Пакистан	1947—1949	Великобритания
Израиль—арабские страны	1947—1949	США, Великобритания
Коста-Рика — Никарагуа	1955	США
Таиланд — Камбоджа	1961	США
Ирак—Кувейт	1961	Великобритания
Индия—Китай	1962	США, Великобритания
Малайзия—Индонезия	1963—1966	Великобритания
Кения—Сомали	1963—1967	Великобритания
Южный Вьетнам—Камбоджа	1964—1970	США
Индия—Пакистан	1965	США
Израиль—арабские страны	1967	США
Малайзия—Филиппины	1968	Великобритания, США
Индия—Пакистан	1971	США
Израиль—арабские страны	1973	США
Гурция—Греция	1974—1975	США

и неоколониализма. Часто доходящие до уровня вооруженных столкновений, они усиливают состояние международно-политической нестабильности в отдельных районах мира, значительно облегчая развязывание вооруженной агрессии против развивающихся стран или проведение политики давления на них. Известными акциями такого рода являются попытки США и Великобритании вмешаться в индо-пакистанский конфликт, активное маневрирование Соединенных Штатов Америки вокруг арабо-израильского конфликта, попытки натравить Заир на Анголу и т. п.

В связи с поражением американской агрессии в Индокитае империалистические державы придают особое значение территориальным спорам и разногласиям в Восточной и Юго-Восточной Азии. Они рассчитывают, что угроза территориальной экспансии отдельных государств, неурегулированность вопросов о разграничении континентального шельфа и о его эксплуатации, возможность

вспышек вооруженных столкновений позволят им снизить эффект этого сокрушительного поражения США для совокупных позиций империализма. В определенной степени эти расчеты себя оправдывают. В частности, конфликт между Китаем и Южным Вьетнамом из-за Парасельских островов и островов Спратли весной 1974 года дал основания правящим кругам США надеяться, что в их руках еще остаются средства контролирования обстановки в Юго-Восточной Азии. В Соединенных Штатах печать и политические круги не скрывали заинтересованности в «определившейся перспективе продолжительного конфликта»³², в который вовлечены государства Восточной и Юго-Восточной Азии.

В большинстве развивающихся стран правительства сознают опасность взаимных разногласий для своих общих позиций на мировой арене. В связи с этим они стремятся ограничить возможности империализма и великодержавного шовинизма использовать конфликты между отдельными странами в своих целях. В некоторых случаях развивающимся государствам удается урегулировать конфликты между собой или внутри отдельных стран с помощью региональных организаций или взаимоприемлемых арбитров. Особую активность в этом отношении проявляет Организация африканского единства (ОАЕ). Она содействовала урегулированию пограничных конфликтов между Сомали и Эфиопией в 1964 году, между Алжиром и Марокко в 1963, Кенией и Сомали — в 1967 году, внутренних конфликтов в Нигерии и Судане³³. ОАЕ проводит активный курс борьбы за мир и укрепление солидарности африканских народов. В приветствии советских руководителей XIII сессии ассамблеи глав государств и правительств стран — членов ОАЕ в июле 1976 года отмечалось: «В общем деле борьбы за мир, против колониализма, империализма и неоколониализма, против всех проявлений неравноправия и диктата большая роль принадлежит Организации африканского единства. В Советском Союзе приветствуют деятельность этой организации, направленную на сплочение всех антиимпериалистических, антиколониальных сил на континенте, ее усилия по упрочению добрососедских отношений между африканскими государствами»³⁴.

В последние годы возросла позитивная роль и Лиги арабских стран (ЛАС) в урегулировании сложных конфликтных ситуаций в арабском мире. Она содействовала

нормализации обстановки в Иордании во время конфликта 1970 года, принимала участие в урегулировании конфликта в Ливане в 1975—1976 годах, ограничивая вмешательство со стороны крупных империалистических держав. Участвовала в разрешении территориальных споров между своими членами Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В целом на политическую обстановку в развивающихся странах возрастающее влияние оказывают перемены в соотношении сил между империализмом и социализмом на мировой арене, активная экономическая помощь и политическая поддержка освободившихся государств со стороны Советского Союза и других стран социалистического содружества, укрепление солидарности стран Азии, Африки и Латинской Америки, а также обострение межимпериалистических противоречий, в том числе и по вопросам, касающимся освободившихся государств. Все это в конечном счете ведет к неизбежному усилению позиций развивающихся стран в их отношениях с миром империализма, укреплению их независимости и суверенитета. В современных условиях, для которых характерно неизмеримое укрепление в мировой политике позиций миролюбивых сил, существуют объективные предпосылки и к мирному политическому урегулированию спорных проблем, существующих в развивающихся странах.

Под влиянием активного миролюбивого внешнеполитического курса Советского Союза и других стран социалистического содружества в мировой политике совершен поворот от «холодной войны» к мирному сосуществованию государств с различным общественным строем. Усилились позиции миролюбивых сил во всем мире, в том числе в развивающихся странах. «Заметно активизировалась внешняя политика развивающихся стран, — отмечается в Отчете ЦК КПСС XXV съезду партии. — Это проявляется по многим направлениям — в политической линии движения неприсоединения, в деятельности Организации африканского единства, различных экономических объединений, созданных развивающимися странами. Теперь уже ясно, что при нынешнем соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, то есть равноправных экономических отношений. Ясно и другое: вклад этих стран в об-

щую борьбу за мир и безопасность народов, значительный уже сейчас, вполне может стать еще более весомым»³⁵.

Однако империализм все еще не намерен сдавать позиции в Азии, Африке и Латинской Америке. Рассчитывая на свое военно-техническое преимущество, финансовые средства, на своих союзников в развивающихся странах, правящие круги империалистических держав ожидают, что им удастся сохранить неравноправные отношения с этими странами, законсервировать их социально-экономическую отсталость. Большое значение при этом империалистические государства придают возможности добиться устранения прогрессивного руководства или его перерождения, перемены во внешней и общественной ориентации с помощью обострения внутренних проблем, разжигания конфликтов внутри отдельных стран и между ними. Этот политический курс империализма ведет к известной неравномерности и скачкообразности развития общего процесса усиления позиций национально-освободительного движения, к вспышкам напряженности обстановки в отдельных странах и регионах, создает угрозу миру и безопасности.

Политика империализма и неокOLONиализма по отношению к конфликтным ситуациям в развивающихся странах привела к тому, что уже в середине 60-х годов эти проблемы заняли особое место в теории и практике международных отношений, в идеологической и политической борьбе на мировой арене. В доктринах и концепциях буржуазных ученых и политических деятелей США и других империалистических стран была предпринята попытка оправдать политику разжигания конфликтов и их использования империализмом для борьбы против национально-освободительного движения. В работах некоторых западных ученых (Н. Браун, И. Гальтунг, Б. Крозье, Дж. Лиска, Дж. Розенау и др.) был выдвинут тезис о том, будто освободительное движение в бывших колониальных и зависимых странах привело к хаосу и росту насилия. В частности, профессор Бирмингемского университета (Великобритания) Н. Браун целиком посвятил свое исследование доказательству того, что «низкий уровень развития» неизбежно порождает «насилие» во внутренней жизни и внешнеполитическом курсе освободившихся государств³⁶. Директор Международного

центра исследований проблем мира (Осло) И. Гальтунг в своих работах сформулировал концепцию «структурного насилия», которое якобы обязательно сопровождает социальные антагонизмы («вертикальное насилие») и политическую борьбу («горизонтальное насилие») в развивающихся странах³⁷. Концепцию «структурного насилия» поддержал известный американский исследователь международных отношений Дж. Розенау.

Тезис о росте «насилия» в странах Азии, Африки и Латинской Америки лег в основу пропагандистского утверждения, что конфликты в этих странах представляют собой угрозу международному миру. В 1966 году, выступая в Монреале, министр обороны США Р. Макнамара говорил о росте «беспорядков» в развивающихся странах. Он предупреждал слушателей об опасности этой тенденции для международных позиций США³⁸. В работах и выступлениях Г. Киссинджера, Л. Блумфилда, Р. Роузкранца и других ученых в этот период господствовала точка зрения, которая рассматривала конфликты в развивающихся странах наряду с гонкой стратегических вооружений как один из наиболее опасных источников международной напряженности. Английский историк М. Говард уже в начале 70-х годов, анализируя современные проблемы войны, пришел к выводу о том, что в нынешних условиях основная «угроза миру» исходит от «динамичного национализма» народов бывшего колониального мира³⁹. В книге профессора истории Кэмбриджского университета Ф. Хинсли (Великобритания) конфликты в развивающихся странах рассматриваются не только как угроза состоянию мира, но и как сфера «соперничества» великих держав. Автор, положительно относясь к процессу разрядки в отношениях между СССР и США, считает, что конфликтность «на периферии» является для них «более безопасной сферой соперничества»⁴⁰.

В современных условиях империалисты не могут ни скрыть фактов вооруженной агрессии, ни предотвратить ее решительное осуждение со стороны миролюбивых сил. Советский Союз и другие страны социалистического содружества, многие освободившиеся государства ведут активную и последовательную борьбу против империалистической политики агрессии. Большинство стран — членов ООН, широкие слои миролюбивой общественности в капиталистических государствах всегда на стороне

жертв агрессии, оказывают им всестороннюю помощь и поддержку. Поэтому идеологи империализма стремятся взвалить вину за нарушение мира и международной безопасности на «насилие» в развивающихся странах, представить вооруженное вмешательство неоколониализма как «миссию мира». Одной из последних модификаций идей такого рода является распространенная в США концепция «контролирования конфликтов», которая, учитывая всеобщее стремление народов к миру, говорит о необходимости арбитража Соединенных Штатов и других развитых капиталистических государств в развивающемся мире.

Идеологическая сущность подобных теорий и концепций состоит в попытке затушевать подлинную роль империализма и неоколониализма в борьбе против национально-освободительного движения. Сторонники и проповедники этих теорий спекулируют на остроте проблем, сложностях внутренней обстановки, абсолютизируют условия политической неустойчивости и внешние формальные признаки конфликтных ситуаций в развивающихся странах. В результате получается искаженная картина состояния политических отношений, за которой не всегда легко различить истинные стороны конфликтных ситуаций и подлинные причины борьбы. Это позволяет идеологам империализма не только оправдывать политику вмешательства в странах Азии, Африки и Латинской Америки, но и говорить о «непричастности» империалистических держав в тех случаях, когда формально они не вовлечены в конфликтные ситуации.

Такая идеологическая позиция характерна практически для всех основных научных работ по «конфликтной» проблематике в капиталистических странах. Она проявляется как в политической направленности выводов, так и в более глубоких вопросах методологии этих исследований, в частности в таком важном вопросе, как типология конфликтных ситуаций.

Конфликтные ситуации в развивающемся мире не только многочисленны, но и разнообразны. Следовательно, любая научная разработка столь сложного явления не может обойти проблемы их систематизации. Ученые капиталистических стран, руководствуясь вышеуказанными политическими соображениями и не имея единой подлинной научной методологии исследования исторических и социальных процессов, каждый по-своему, стре-

мятся как можно более убедительно объяснить природу и происхождение конфликтных ситуаций в развивающихся странах, не затрагивая при этом вопроса о роли империалистической политики. Поэтому и в разработке типологии разные исследователи, стремясь избежать существа дела, берут за основу разнообразные внешние признаки конфликтных ситуаций: формальных участников, видимую причину возникновения конфликта, военно-технические характеристики и т. п.

Авторы специального обзора работ ученых — специалистов по локальным конфликтам, подготовленного Стокгольмским международным институтом по исследованию проблем мира, вынуждены в этой связи признать, что «среди отдельных исследователей конфликтов не существует общепринятого определения «вооруженный конфликт». Многие исследователи вообще не дают никакого определения, считая, что в этом вопросе нет неясности»⁴¹.

Основываясь на внешних свойствах конфликтов в развивающихся странах, невозможно выработать единую и подлинно научную типологию этих ситуаций, которая вскрыла бы их истинную природу и источники возникновения. Эта принципиальная невозможность сказывается и на расхождениях в подсчетах числа вооруженных конфликтов в послевоенные годы, проводимых разными буржуазными исследователями. Так, английский ученый Д. Вуд отмечает, что за 1945—1967 годы во всем мире произошло 80 международных конфликтов, 72 из которых относятся к категории конфликтов в развивающихся странах⁴². Годом позже американский ученый С. Дейтчмен насчитывает всего 47 вооруженных конфликтов за период 1945—1966 годов. В ежегоднике Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира за 1968—1969 годы помещен раздел, посвященный статистике послевоенных вооруженных конфликтов. Авторы ежегодника собрали подсчеты видных исследователей из США и Великобритании — Л. Ричардсона, К. Райта, К. Холсти, С. Дейтчмена, Ф. Гривса, Дж. Келлога, Д. Вуда, Л. Блумфилда и А. Лейсса, Д. Уэйнхауза, Б. Кэррола. Сводная статистика показала, что за один и тот же период времени разные авторы дают совершенно разные показатели количества конфликтов.

Расхождения в точности статистических показателей,

так же как и путаница в определении понятия «конфликт», не случайны в работах буржуазных ученых. Это — следствие идеологической позиции исследователей, стремящихся во что бы то ни стало уйти от вопроса о подлинных причинах конфликтности в развивающихся странах и убедить читателя в естественности большого числа кровопролитных столкновений для стран с «низким уровнем развития». В то же время это — результат методологической ошибки, вытекающей из идеологической позиции.

В марксистской литературе разработана *единая* типология политических и вооруженных конфликтов в развивающихся странах. Советские авторы при этом руководствуются важными и принципиальными указаниями В. И. Ленина, который считал необходимым тщательно разобраться в социальной природе каждого из типов конфликтов и войн, рассматривая их во взаимосвязи с характером эпохи. В письме к И. Ф. Арманд В. И. Ленин отмечал: «Войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная. С общим шаблоном подходить нельзя.

(I) Три главных типа: отношение угнетенной нации к угнетающей... По общему правилу, война законна со стороны угнетенной...

(II) Отношение между 2-мя угнетающими нациями. Борьба за колонии, за рынки и т. п... По общему правилу, война такого рода с *обеих* сторон есть грабеж...

(III) Третий тип. *Система* равноправных наций. Вопрос **куда сложнее!!!»** ⁴³

Каждой из исторических эпох, так же как и каждой из сфер международных отношений, присуща своя типология политических конфликтов. В условиях борьбы двух противоположных социально-экономических систем в современную эпоху противоречия между ними решающим образом сказываются на всех типах политических и вооруженных конфликтов, свойственных нашему времени. Какой бы частный или локальный характер ни носил тот или иной конкретный, в особенности международный, конфликт, в нем так или иначе проявляются отношения между двумя системами. Исходными и коренными критериями для установления типа вооруженного конфликта поэтому являются его классовая, социально-политическая природа и содержание, экономический, социальный и политический строй государств — участников конфликта, отношение и расстановка внутренних клас-

совых и политических сил, цели и стратегия сторон в конфликте.

Другой комплекс признаков политического и вооруженного конфликта относится к внешним условиям его возникновения и развития, к характеру формальных участников конфликта, их международно-политических связей и союзов, непосредственных причин возникновения конфликтов, действий сторон. Этот комплекс включает и такие показатели, как экономический и военный потенциал участников, их ресурсы, морально-политическое состояние населения перед лицом данного конфликта, охватываемая им территория и т. п.

В коллективной монографии «Международные конфликты» на основе этих признаков В. И. Гантманом разработана типология международных конфликтов, которая охватывает и основные типы политических конфликтов в развивающихся странах.

К этим типам относятся:

а) конфликт в результате попытки империализма и его ставленников подавить национально-освободительную революцию экономическими, политическими или военными средствами;

б) конфликт в результате прямого «экспорта контрреволюции» империалистической державы в страну, где победили силы социалистической ориентации;

в) конфликт в результате содействия империализма экспансионистским намерениям средних и малых капиталистических стран;

г) конфликт в результате действий сил колониализма и неоколониализма в неосвобожденных еще районах;

д) конфликт в результате попытки империализма натравить друг на друга освободившиеся государства на почве исторических, экономических, политических, территориальных, национальных, религиозных и иных противоречий⁴⁴.

Подлинно научная типология конфликтов в развивающихся странах, основанная на учете их социально-политической природы, вскрывает роль политики империализма в качестве наиболее типичного источника возникновения и обострения этих ситуаций. Она показывает истинный характер связи политики империализма и неоколониализма с конфликтными ситуациями и позволяет не только вообще установить его активную роль (что в свете проделанного анализа уже само собой разумеет-

ся), но и определить *степень участия* каждого империалистического государства в этих конфликтах.

В период завоевания политической независимости колониальными странами наиболее активную роль в конфликтных ситуациях в странах Азии и Африки играли Великобритания и Франция. В ходе колониальных войн оба государства потерпели военное и политическое поражение, однако и после распада их империй они продолжают оказывать большое влияние на обстановку в отдельных регионах бывшего колониального мира. Их политика неоднократно приводила к вооруженным нападениям на освободившиеся государства, была направлена на их втягивание в системы «коллективной обороны», проявлялась и продолжает проявляться в поставках вооружений и других видах военной помощи, в контроле над вооруженными силами зависимых государств.

Правящие круги Великобритании избрали в качестве средства военного обеспечения своих позиций в бывших колониях «островную стратегию», базовую основу которой составляет цепь островов в Атлантическом и Индийском океанах⁴⁵. Пользуясь этими базами, Великобритания принимала участие в подавлении освободительных движений в странах Восточной Африки и Персидского залива. После объявления в 1968 году главой лейбористского правительства Г. Вильсоном планов вывода английских войск из районов «к востоку от Суэца» в военной политике Великобритании наметилось усиление косвенных методов обеспечения интересов британских монополий в Азии и Африке. В 1970 году британское правительство дало согласие США на расширение и модернизацию военной базы на острове Диего-Гарсия (архипелаг Чагос) на основе англо-американского соглашения 1965 года о совместном использовании островных территорий в Индийском океане, принадлежащих Великобритании. В 1971 году Великобритания добилась создания под своим руководством военного союза в составе Австралии, Новой Зеландии, Сингапура и Малайзии (АНЗЮК), который должен был заменить ее военное присутствие «к востоку от Суэца».

Политика Англии продолжает оставаться важным фактором сохранения напряженности в зоне Индийского океана⁴⁶. Особую опасность для стран этого региона представляет собой растущее сотрудничество Англии с Соединенными Штатами. Агрессивное присутствие США,

стремление американских военных кругов превратить этот район в зону противоборства и конфронтации вызывает осуждение со стороны Советского Союза, других стран социалистического содружества, всех миролюбивых государств Азии и Африки. «Советский Союз и Индия, — отмечается в Декларации о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Индией, подписанной во время визита премьер-министра Индии Индиры Ганди в СССР в июне 1976 года, — поддерживают стремления народов района Индийского океана не допустить его превращения в арену создания иностранных военных баз. Обе стороны вновь подтверждают свою готовность участвовать вместе со всеми заинтересованными государствами на равной основе и с соблюдением общепризнанных норм международного права в изыскании благоприятного решения вопроса о превращении Индийского океана в зону мира»⁴⁷.

В последние годы военно-политическая активность Франции в развивающихся странах вновь возросла. Французские монополии пытались вмешаться в гражданскую войну в Нигерии (1967—1970 гг.) и оказывали помощь сепаратистам Биафры. Французские войска неоднократно принимали участие в подавлении освободительной борьбы в отдельных странах Африки (Берег Слоновой Кости, Чад)⁴⁸. Франция поставляет оружие расистскому режиму ЮАР — танки, самолеты, вертолеты, которые были использованы для агрессии против Анголы в 1975 году. Во время обострения конфликта в Ливане в 1975—1976 годах президент Франции Жискар д'Эстэн заявил о возможности отправки французских войск в Ливан для «обеспечения мира», что было расценено общественностью арабских стран как попытка прямого вмешательства в дела страны.

В 60-х годах Португалия, Бельгия и Нидерланды также вели интенсивную политику вмешательства в бывших колониальных странах. Бельгийские войска активно участвовали во внутренних вооруженных столкновениях в бывшем Бельгийском Конго. Нидерланды вели боевые действия против Индонезии в 1962 году во время освобождения Западного Ириана; Португалия вела колониальные войны в Африке. Большое значение для политической ситуации на юге Африки на современном этапе имеет агрессивная политика расистских режимов ЮАР и Родезии.

На рубеже 60-х годов, когда стремление к военному контролю над развивающимися странами превратилось в интегральный элемент общей военно-политической стратегии Вашингтона, *Соединенные Штаты Америки* заняли ведущее место среди других империалистических держав в противостоянии освободительным процессам. Это проявилось и в росте их участия в конфликтных ситуациях.

Анализ перечисленных выше наиболее известных конфликтных ситуаций в развивающихся странах (табл. 1, 2, 3) показывает, что в целом степень вовлеченности США довольно велика — из 83 наиболее крупных конфликтов, происшедших в развивающихся странах в период 1945—1976 годов, Соединенные Штаты приняли активное участие в разных формах и на разном уровне в 45 конфликтах, в том числе: являлись непосредственной стороной конфликта в 9 случаях, поддерживали одну из сторон во внутренних конфликтах — в 25, вмешивались в международные конфликты — в 11 случаях.

Соединенные Штаты Америки вели самую затяжную и ожесточенную войну против национально-освободительного движения — войну во Вьетнаме 1961—1973 годов. Официальные статистические показатели за 1965—1971 годы оценивают затраты США на войну во Вьетнаме в 126 млрд. долл. Попытка же произвести комплексную оценку стоимости этой войны, включая все платежи по задолженности бюджета, пенсионным пособиям и т. п., предпринятая в конгрессе США, показала, что ориентировочная сумма затрат на ведение войны оценивалась в размерах от 231 млрд. долл. (нижний предел) до 484 млрд. долл. (верхний предел)⁴⁹. Потери во вьетнамской войне со стороны США составили — 55 893 человека убитыми и 303 243 ранеными, сайгонских войск — 164 642 человека убитыми (официальные данные сайгонской администрации)⁵⁰.

В общую стоимость затрат США на политику в отношении конфликтных ситуаций в развивающихся странах входят не только их прямые расходы на ведение военных действий, секретные операции, оплату наемников и т. п., но и расходы на помощь зависимым странам и режимам, союзникам США из числа колониальных держав (например, Франции в Индокитае), расходы на операции ООН (в Корее и Конго) и т. д.

США отличаются от других империалистических дер-

жав и по длительности участия в конфликтных ситуациях развивающихся стран. Интересные подсчеты длительности участия США в этих конфликтах приводит в своем исследовании локальных войн историк из Венгерской Народной Республики И. Кенде. Он разработал критерий «иностранныго участия» в локальных войнах стран Азии, Африки и Латинской Америки⁵¹, на основе которого проанализировал участие иностранных держав в вооруженных конфликтах и локальных войнах. Результаты его исследования 93 локальных войн в развивающихся странах, происшедших в период 1945—1969 годов, выглядят следующим образом:

Таблица 4

Иностранные державы, участвовавшие в вооруженных конфликтах в развивающихся странах	Количество конфликтов	Суммарная длительность участия		
		лет	месяцев	дней
США	25	72	4	29
Великобритания	17	50	9	26
Франция	12	36	2	4
Португалия	3	21	1	16

Многие видные американские критики внешнеполитического курса Вашингтона также считают Соединенные Штаты ведущей империалистической державой в вопросах вмешательства в конфликтные ситуации в развивающихся странах. Например, директор Института политических исследований в Вашингтоне Р. Барнет пишет: «В течение послевоенного периода в среднем каждые восемнадцать месяцев вооруженные силы США или специальные полувоенные формирования вмешивались во внутренние дела стран Азии, Африки и Латинской Америки, чтобы помешать революционерам захватить власть или чтобы свергнуть революционное правительство»⁵².

Разумеется, в зависимости от целого ряда факторов степень участия США в отдельных конфликтах была неодинаковой, разными были их конкретные цели, формы и способы вмешательства. Однако в целом при сопоставлении общего количества конфликтов в развивающихся странах с основными показателями участия в них со стороны США выводы из статистических данных показывают, что американская политика является одним из важнейших факторов, оказывающих первостепенное влияние

на обострение политической обстановки в развивающихся странах, на подрыв внутреннего положения и обострение отношений между ними в послевоенный период.

Эта политика правящих кругов Соединенных Штатов несет неисчислимые бедствия народам развивающихся стран. Только агрессия США в Индокитае привела к гибели миллионов мирных жителей — вьетнамцев, камбоджийцев, лаотянцев, к тяжелым последствиям для хозяйства и природных ресурсов стран, подвергшихся нападению. Большие жертвы повлекла за собой эта политика и для народов стран Ближнего Востока, Латинской Америки, Африки.

Проводя политику вмешательства в конфликтные ситуации в развивающихся странах, Соединенные Штаты развязывали вооруженную агрессию и против социалистических государств (против КНДР — во время конфликта в Корее, против ДРВ — во время конфликта в Индокитае) или прибегали к угрозам вооруженного нападения на них. Это вело к перерастанию локальных конфликтных ситуаций в острые международные кризисы, которые затрагивали всю систему международных отношений и угрожали всеобщему миру и безопасности.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ КОНФЛИКТОВ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Политика Соединенных Штатов в отношении конфликтов в развивающихся странах после второй мировой войны определялась воздействием двух групп факторов. С одной стороны, в ней прослеживается влияние некоторых традиционных элементов политики США в колониальных и зависимых странах — вооруженного интервенционизма, практики подрыва внутреннего положения в экономически отсталых странах и насаждения зависимых режимов и диктатур, политики захвата стратегически важных плацдармов и территорий. С другой — формирование политики США в конфликтных ситуациях зависело от ряда новых факторов, появившихся только в послевоенный период, когда Соединенные Штаты превратились в лидера капиталистического мира и попытались взять на себя функции «мирового полицейского».

В этот период США разрабатывали свою политику по отношению к конфликтам в развивающихся странах в условиях политической и военной конфронтации со странами социализма. В связи с этим вопросы применения вооруженной силы против национально-освободительного движения, которое является объективным союзником стран социализма по антиимпериалистической борьбе, приобретали для США большое значение и иное содержание. Масштабы развития национально-освободительного движения после второй мировой войны придали действиям Соединенных Штатов в конфликтных ситуациях в странах Азии, Африки и Латинской Америки глобальный характер. Бесспорная связь, с точки зрения правящих кругов США, существовавшая между применением вооруженной силы в локальных конфликтах и проблемами борьбы против стран социализма, превращала отношение США к конфликтам в развивающихся странах в одну из важных политико-стратегических проблем.

Эти два главных комплекса факторов в политике США в отношении конфликтов в развивающихся странах по-разному оказывали на нее влияние на отдельных этапах послевоенного периода. Сразу после войны на первый план выступили традиции колониальной политики, со временем начало преобладать действие новых, значительно более важных для США факторов. Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода обе группы факторов — как связанные с традициями колониальной политики, так и появившиеся в условиях борьбы двух мировых систем — оказывали определяющее влияние на формирование исследуемой политики США.

Традиции вооруженного интервенционизма в американской внешней политике

Вооруженный интервенционизм, вмешательство с помощью военной силы в экономически отсталых и зависимых странах является одним из характерных атрибутов американской политической традиции. Тенденция применять вооруженную силу против стран Азии, Африки и Латинской Америки при возникновении конфликтных ситуаций, затрагивавших интересы США, всегда занимала видное место в общем подходе американских правящих кругов к проблемам политики в этих районах мира.

При анализе традиций американской политики применения военной силы за рубежом внимание историков привлекает война США против варварийских пиратов в начале XIX века, которая явилась первым случаем применения вооруженной силы США на международной арене после завоевания независимости. В основе вмешательства США в войну против Алжира, Туниса и Триполи в 1801—1805 годах лежало стремление американской буржуазии отстоять свободу своей торговли в Средиземноморье, куда в конце XVIII века вывозилось около 20% американского зерна и четверти улова рыбы¹. Перспектива вмешательства в эту войну по-разному была воспринята в США. Часть политических кругов молодой республики, возглавлявшаяся Дж. Адамсом, считала, что освободившимся от колониальной зависимости США не пристало вмешиваться вооруженным путем в решение сложных международных вопросов, и настаивала на применении дипломатических средств для обеспечения свободы судоходства в Средиземном море. Другая, более

влиятельная группировка, возглавляемая Т. Джефферсоном, настаивала на принятии программ вооружения и рассматривала борьбу против пиратов в качестве исключительно выгодного аргумента в пользу своей позиции. Споры вокруг этой проблемы завершились победой группы «экспансионистов» во главе с Джефферсоном. 27 марта 1794 г. конгресс принял закон о строительстве шести фрегатов, что и положило основу создания американских военно-морских сил.

Весной 1801 года Т. Джефферсон, ставший к тому времени президентом США, отдал приказ двум первым фрегатам отправиться к берегам Северной Африки для борьбы против пиратов. Война с пиратами длилась с перерывами до 1830 года, когда окончательно была подорвана их морская мощь. В этой войне принимали участие и более могущественные в военном отношении европейские государства, но роль США в ней была весьма заметной. «Победы Америки над Триполи и Алжиром, — отмечает американский историк Э. Честер, — следует считать одним из выдающихся достижений молодой нации; они повысили престиж США в Европе, в чем Америка так остро нуждалась в то время»². Большое влияние оказала эта война и на складывание политических традиций в самих США: в американских политических кругах появилась вера в эффективность применения ограниченной вооруженной силы за рубежом.

Это проявилось уже к середине XIX века, когда Соединенные Штаты приобрели территории на побережье Тихого океана и приступили к расширению своих владений и обеспечению торговых коммуникаций в этом районе. В 1853—1854 годах большое внимание привлекла экспедиция commodора Перри в Японию, которая в условиях общей активизации политики США в Китае и на Дальнем Востоке (миссия К. Кашинга в Китай и подписание американо-китайского договора в Ванься в 1843 г., подписание договора о дружбе с Гавайями в 1826 г. и т. д.) привела к крупному политическому успеху Соединенных Штатов. Коммодор Перри, как известно, добился заключения унижительного для Японии Канагавского договора 1854 года, который обеспечивал торговые интересы США в западной части Тихого океана. Политические круги США под впечатлением этих успехов пошли на расширение активности военно-морского флота и морской пехоты в зоне Тихого океана и Восточной

Азии: США вмешивались вооруженным путем в Японии в 1863 и 1864 годах (уже совместно с Англией и Францией), в период революции Мэйдзи в 1866—1867 годах. Соединенные Штаты неоднократно пытались, применяя вооруженную силу, укрепиться в Корее, захватить Тайвань, Гавайи, Самоа. В это время были захвачены некоторые острова в центральной части Тихого океана (например, Мидуэй), необходимые для обеспечения действий военно-морских сил США.

Развитие промышленного производства в США после гражданской войны 1861—1865 годов, освоение Дальнего Запада, рост внутреннего рынка привели к сокращению удельного веса заморской торговли в экономике США. Сократился и американский флот: в 1860 году его тоннаж составлял 2496 тыс. тонн, а в 1900 — 826 тыс.³ Однако временное сокращение экспансии США в зоне Тихого океана в последней трети XIX века не привело к исчезновению вооруженного интервенционизма из американского внешнеполитического арсенала. Особую роль в сохранении этих традиций сыграл военно-морской флот США, который занимал ведущее место в осуществлении политики интервенционизма. В работах американского военно-морского теоретика А. Мэхена, так же как и в выступлениях сторонников активной внешней политики США в колониальном мире (Дж. Хэй, Г. Адамс), идеи вооруженного интервенционизма получили дальнейшее развитие. США вступили в стадию империализма и перешли к активизации экспансионистской политики в экономически отсталых странах, имея готовую теорию и солидную практику применения вооруженной силы.

На рубеже XX столетия интересы экспансии США переместились в Центральную Америку. В целом военная активность США в этом районе мира всегда была весьма высокой. За период 1806—1933 годов, считает американский специалист по проблемам развивающихся стран М. Гуртов, Соединенные Штаты более 100 раз вмешивались во внутренние дела стран Латинской Америки с помощью вооруженной силы⁴. Но в особенности возросло число вооруженных интервенций в этом районе в начале нашего века. «Военные интервенции в Карибском бассейне, — пишет исследователь американского интервенционизма Дж. Тайерни, — были общей чертой политики США со времен американо-испанской войны. За этими интервенциями часто следовал полный захват тер-

риторий Соединенными Штатами»⁵. Продолжали США использовать вооруженную силу и в других районах мира.

Этот период американского экспансионизма глубоко исследован в работах советских историков Л. И. Зубока, Н. Н. Яковлева, А. А. Губера, В. И. Лана, Е. И. Поповой, Г. П. Куропятника и др. Их работы убедительно подтвердили теоретические положения В. И. Ленина о том, что в эпоху империализма растет влияние военщины в политической жизни США и, в частности, этот процесс проявляется в усилении роли вооруженного интервенционизма в американской внешней политике. Так, в работе «Государство и революция» В. И. Ленин отмечал: «И Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих»⁶.

К началу второй мировой войны в Соединенных Штатах сложилась практика вооруженного интервенционизма как одного из средств осуществления американского политического курса в отношении экономически отсталых и зависимых стран. Несмотря на то что США придерживались политики «изоляционизма» в отношении европейских дел, отмечает американский историк Г. Колко, Вашингтон, «не колеблясь, отстаивал свои интересы, когда они находились под угрозой, с помощью дипломатических средств, периодических набегов в латиноамериканские страны и, наконец, вступив в мировую войну»⁷. Вооруженные интервенции, особенно в Латинской Америке в первой половине XX столетия, оказали большое влияние на складывание общего образа действий США в зоне национально-освободительного движения. Разбирая факторы, влияющие на политику США в развивающихся странах после второй мировой войны, американский исследователь Эқбаль Ахмад писал: «Может быть, самым важным фактором, влияющим на образ действий США в развивающихся странах, является опыт американцев в Латинской Америке... Там укрепилась вера в эффективность насилия как орудия внешней политики»⁸.

Основным итогом этого влияния можно считать то, что во внешнеполитической мысли и практике Соединенных Штатов появился определенный стереотип: любая

конфликтная ситуация, возникавшая в экономически отсталой или зависимой стране и угрожавшая прочности позиций американского капитала, рассматривалась как достаточный повод для прямого вооруженного вмешательства или вмешательства с помощью скрытых средств и методов (переворот, установление диктатуры, инспирирование выборов и т. п.). Сила этого стереотипа состояла в том, что в политических и военных кругах складывалась прочная традиция вооруженного интервенционизма. В области военной политики это проявилось, в частности, в определенном подходе к задачам и строительству вооруженных сил. Вплоть до второй мировой войны ведущее место среди отдельных родов войск занимали военно-морской флот и морская пехота как удобные средства для ограниченных операций за рубежом. Появилась и особая доктрина применения флота и морской пехоты в ситуациях такого рода — «дипломатия канонерок», которая систематизировала опыт действий вооруженных сил США в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

В политике традиции вооруженного интервенционизма содействовали зарождению полицейского подхода к проблемам регулирования политической стабильности за рубежом. Профессор Калифорнийского университета П. Сибири отмечает, что в годы второй мировой войны в США были сформулированы две политические доктрины, определившие отношение правящих кругов к локальным конфликтам: доктрина «вытянутой руки» и «маньчжурская доктрина». Доктрина «вытянутой руки» гласила, что США должны стремиться контролировать масштабы локальных вооруженных конфликтов, с тем чтобы в случае их перерастания в более широкие военные столкновения они не затронули территорию и интересы США («держать их на расстоянии вытянутой руки»). «Маньчжурская доктрина» требовала обязательного вмешательства США в локальные конфликты. Ее сторонники считали, что невмешательство США в действия Японии в Маньчжурии в 1931 году содействовало развертыванию дальнейшей цепочки ее агрессивных действий: усиление Японии за счет территориальной экспансии в Китае и в итоге — нападение на США в 1941 году. «Уроки 30-х годов, — пишет П. Сибири, анализируя эти доктрины, — научили нас вести дипломатию широкого масштаба и угрожать, с тем чтобы устрасить агрессора»⁹.

Претензии на роль «мирового полицейского» в качестве основы внешнеполитического курса США в послевоенный период были выдвинуты еще в 1941 году на встрече Ф. Рузвельта с У. Черчиллем, где была провозглашена Атлантическая хартия. К моменту конференции в Тегеране в 1943 году эти претензии были включены Рузвельтом в разработанный его администрацией проект Организации Объединенных Наций в виде предложения об учреждении специальных «полицейских» сил (главным образом из войск США и Великобритании), которые «следили бы за порядком, угрожая, если потребуется, вооруженной интервенцией любой нации, пытающейся нарушать международный мир»¹⁰. Идеи Рузвельта, по мнению американского историка Г. Колко, отражали «некоторые глубоко укоренившиеся взгляды» более широких политических кругов как в среде демократической партии (хотя к ним довольно сдержанно относился государственный секретарь К. Хэлл), так и среди оппозиции. Лидер республиканцев сенатор А. Ванденберг активно поддержал ассигнования на усиление ВМС и ВВС, как основного инструмента политики «мирового полицейского».

Практика вооруженного интервенционизма, развивавшаяся в качестве одного из главных методов политики США по отношению к конфликтным ситуациям в колониальных и зависимых странах, и притязания на роль «мирового полицейского», отражавшие взгляды правящих кругов США на проблемы послевоенного устройства в мировом масштабе, послужили основой, на которой строилась американская политика в отношении конфликтов в странах Азии, Африки и Латинской Америки после 1945 года¹¹.

Вооруженное вмешательство США, как сложившийся стереотип политики в колониальных и зависимых странах, не вызывало в течение долгого времени каких-либо острых споров и разногласий в политической и военной элите США. Продолжение практики вооруженных интервенций после 1945 года не требовало какой-либо существенной перестройки в вооруженных силах и политическом механизме, которая могла бы вызвать возражения в конгрессе и в более широких политических кругах. Военная машина интервенционизма, отлаженная за длительный срок его осуществления, была готова и в новых условиях продолжать прежнюю политику, в особенности в «привычных» для Соединенных Штатов районах Ла-

тинской Америки (подавление восстания в Парагвае в 1947 г., интервенция наемников в Коста-Рике в 1948 г., расправа в Пуэрто-Рико в 1950 г., интервенция наемников при поддержке США в Гватемале в 1954 г.) и на Дальнем Востоке (участие в борьбе против партизанского движения на Филиппинах в 1946—1954 гг., агрессивная война в Корее в 1950—1953 гг., оккупация Тайваня в 1950 г., вмешательство в Индокитае на протяжении 50-х гг.). Это сделало переход США к активной повсеместной вооруженной борьбе против национально-освободительного движения в период 60-х годов «неошутимым» как для многих политиков, так и для широкой общественности.

Практика вооруженного интервенционизма, как вид политики в отношении конфликтов в развивающихся странах на протяжении всего периода после 1945 года и до конца 60-х годов, не подвергалась каким-либо коренным изменениям. Неизмеримо выросли ее масштабы, возросло ее значение как средства достижения политических целей США в Азии, Африке и Латинской Америке, но в сущности она оставалась привычным для американской военно-политической машины средством. Возрастающая роль военных в политической жизни США в 50—60-х годах, их активное воздействие на внешнюю политику лишь усиливали этот процесс. И только события во Вьетнаме, весь комплекс кризисных явлений как во внешней политике Соединенных Штатов, так и в их внутреннем положении, связанных с последствиями сокрушительного поражения США в Индокитае, заставили американские правящие круги всерьез заняться рассмотрением политики интервенционизма под критическим углом зрения.

Факторы формирования политики США по отношению к конфликтным ситуациям в послевоенный период

После второй мировой войны США заняли господствующее положение в капиталистическом мире, и антикоммунизм их внешнеполитического курса, сложившийся, по оценке советских исследователей¹², еще в 20-х годах, выдвинул их в качестве ударной силы империализма в борьбе против мира социализма. Одновременно США взяли на себя задачу поддержки своих союзников, среди которых были и колониальные державы, в борьбе против национально-освободительного движения. В поли-

тических кругах США родилась тенденция рассматривать задачи борьбы против стран социализма в тесной взаимосвязи с борьбой против национально-освободительного движения.

Это проявилось в том, что господствующее влияние на общий подход Соединенных Штатов Америки к конфликтам в странах Азии, Африки и Латинской Америки в послевоенный период начали оказывать соображения идеологического характера. Разумеется, политика вооруженного интервенционизма, как одна из форм империализма во внешней политике, содержала в себе и элементы идеологии, что проявилось в борьбе США против национально-освободительных революций на Филиппинах, Кубе, в Китае, Никарагуа и других странах, хотя это и прикрывалось демагогическими лозунгами содействия развитию буржуазно-демократических преобразований в колониях. Известное место среди идеологических аспектов интервенционистской политики США занимали идеи «мессианизма», объявлявшего вмешательство Америки в колониальных и зависимых странах «цивилизаторской миссией», походом «во имя демократии и свободы». Двойственность в довоенном подходе США к национально-освободительным революциям, выражавшаяся в их готовности до известного предела поддержать антиколониальную борьбу народов (против прямых форм колониального господства европейских стран) и применить вооруженную силу против национально-освободительного движения, если оно начинало угрожать интересам США, несколько снижала роль империалистической идеологии в их политике по отношению к конфликтам в странах Азии, Африки и Латинской Америки до окончания второй мировой войны.

Положение существенно изменилось после войны, когда США превратились в лидера капиталистического мира. Вначале под влиянием сложившегося ранее подхода к национально-освободительным движениям они воспринимали борьбу за деколонизацию как фактор, в принципе содействующий расширению перспектив США в бывшем колониальном мире, хотя при этом и «неодобрительно» относились к революционным движениям, которые «хотели слишком многого и слишком быстро»¹³. В тот период в США еще существовали надежды, что национально-освободительное движение в колониях ограничится лишь борьбой за политическую самостоятель-

ность, расширив рынки для американских монополий, и тем самым усилит экономическое могущество Соединенных Штатов. Когда же процесс развития национально-освободительного движения в колониях приобрел широкие масштабы, резко ослабив всю систему империализма, когда определилось ведущее положение в этом движении коммунистических и рабочих партий, которые пришли к власти в ДРВ, КНДР и КНР, и проявился не только антиколониальный, но и антиимпериалистический характер современных национально-освободительных революций, среди правящих кругов США довольно быстро укрепился враждебный идеологический подход к национально-освободительным революциям.

Этот подход приобрел характер *идеологии контрреволюции*, что придало политике США по отношению к развивающимся странам качественно новое содержание. Контрреволюционный характер отношения правящих кругов США к национально-освободительному движению превратился в господствующий фактор, определяющий цели, масштабы и средства поведения США в конфликтах, которые происходили в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Конкретным проявлением влияния этого фактора стала враждебность США по отношению ко всем без исключения революционно-демократическим силам. «Интенсивный антагонизм по отношению к радикальным левым руководящим группировкам, — пишет исследователь политики США в развивающихся странах Т. Фарер, — определял всю американскую политику в третьем мире»¹⁴.

Подобная эволюция идеологического подхода правящих кругов США к целям своей политики в отношении конфликтов в развивающихся странах объяснялась общей перестройкой основ американского внешнеполитического курса в духе антикоммунизма после второй мировой войны. Центральное место в этой перестройке занимает «доктрина Трумэна», которая легла в основу стратегии «сдерживания» и определила линию американской политики на долгие годы вперед. Она была провозглашена в выступлении президента США 12 марта 1947 г. на объединенном заседании обеих палат конгресса. В этом выступлении был сформулирован главный внешнеполитический принцип отношения Соединенных Штатов к освободительным движениям. В каждом таком движении отныне США в первую очередь видели вызов со стороны

«мирового коммунизма» и следствие деятельности «под-
рывных элементов». В качестве основного средства борь-
бы против движений за свободу и независимость «док-
трина Трумэна» провозглашала вооруженную силу и угро-
зу ее применения. В исследовании, анализирующем
причины возникновения «холодной войны», известный
американский историк Г. Фейс отмечает, что выступле-
ние Трумэна 12 марта 1947 г. основывалось на убежде-
нии, что «Соединенные Штаты обладают такой силой,
которая позволит им осуществить любые американские
намерения или навязать миру свою волю»¹⁵.

Стратегия «сдерживания», которая стала официаль-
ной внешнеполитической доктриной и служила обоснова-
нием программ всех последующих администраций в об-
ласти внешней политики, в годы правления трумэновской
администрации распространилась на все региональные
направления внешнеполитического курса США. И в этом
процессе, как и в момент зарождения этой доктрины,
особую роль сыграли локальные конфликтные ситуации.
Так, по мнению американского исследователя политики
США в Азии Р. Клофа, интервенция США в Корею, на-
правленная против освободительной борьбы корейского
народа и авангарда этой борьбы — КНДР, на рубеже
50-х годов объединила европейскую и азиатскую полити-
ку США, «глобализировав стратегию сдерживания»¹⁶.

«Доктрина Трумэна» заложила концептуальную ос-
нову политической практики Вашингтона, направленной
на повсеместное подавление национально-освободитель-
ного движения. Это отмечает один из исследователей по-
литики послевоенного интервенционизма США Р. Барнет.
Во-первых, он указывает на тесную связь «доктрины Тру-
мэна» с антикоммунизмом. «Содержание доктрины Тру-
мэна, — пишет он, — ясно давало понять, что ее целью
была борьба не с любым случаем «насилия», не с любым
случаем «принуждения» и не со всеми случаями «изме-
нения статус-кво», а только с теми, которые были свя-
заны с коммунизмом». Во-вторых, отмечает Р. Барнет,
«идеология антикоммунизма не признает за революцией
законности, вешая на нее ярлык «сделано в Москве»
(Пекине или Гаване), и представляет ее подавление как
акт освобождения». В-третьих, Барнет считает, что
«доктрина Трумэна» явилась программным документом
для «глобализации» политики подавления национально-
освободительных революций. «Начиная с доктрины Тру-

мэна и далее, — пишет он, — подавление революционных движений оставалось одной из главных целей внешней политики США»¹⁷. Аналогичной точки зрения на роль «доктрины Трумэна» придерживались и другие либеральные критики внешней политики США (Э. Ахмад, Г. Колко, М. Гуртов; Дж. Спэниер).

Идеи антикоммунизма определяющим образом повлияли на оценку почти всех главных конфликтов в развивающихся странах (Индокитай, Ближний Восток, Малайя, Конго, Йемен и др.) последующими администрациями. В частности, большое влияние оказали эти идеи на формирование взглядов Дж. Ф. Даллеса. Биограф Даллеса Т. Хупс отмечает, что в написанном специально для сената меморандуме (30 ноября 1950 г.) Даллес решительно отстаивал такую интерпретацию мировых событий, которая смешивала в одно народно-демократические революции в странах Восточной Европы, революцию в Китае, национально-освободительную борьбу в Индокитае, восстание в Малайе, борьбу хуков на Филиппинах и войну в Корее в качестве «частей одной программы подрывных действий, запланированных на четверть века вперед и осуществляемых с помощью заговоров»¹⁸. Отсюда родилась концепция «коммунистического заговора», которая служила руководящим принципом действий администрации Эйзенхауэра в отношении конфликтов в бывшем колониальном мире. Антикоммунистические мерки стратегии «сдерживания» сохранились и в подходах администраций Кеннеди и Джонсона к проблемам политики в отношении конфликтов в развивающихся странах, особенно многочисленных на рубеже и в первой половине 60-х годов. Известный американский ученый проф. Г. Моргентгау, анализируя политику администрации Джонсона в доминиканском кризисе 1965 года, писал: «Одержимость по поводу коммунизма определяла не только нашу политику, но и наше восприятие реальности, которое определяло эту политику»¹⁹.

Руководствуясь критериями стратегии «сдерживания», правящие круги США определяли «дружественные» и «враждебные» для себя стороны в конфликтных ситуациях в развивающихся странах. «В области внешней политики, — отмечает американский историк Джон Спэниер, — нашей реакцией на коммунистическую угрозу американскому образу жизни было оказание поддержки почти любому антикоммунистическому режиму». Именно

вследствие этого, считает он, США связали себя с реакционными феодальными режимами. «Тот факт, — пишет далее Дж. Спэниер, — что эти феодальные правительства были или являются проамериканскими и антикоммунистическими, делает их в наших глазах «демократическими» или, по крайней мере, потенциально таковыми, и по той же причине мы выступали против внутренних движений, направленных на их свержение, и осуждали эти движения как коммунистические или прокоммунистические»²⁰. Этот же аспект влияния антикоммунизма отмечают и другие американские исследователи политики США в развивающихся странах.

Антикоммунизм внешнеполитического курса Соединенных Штатов в сочетании с традициями вооруженного интервенционизма породил среди политических кругов США стремление к наиболее крайним, экстремально жестким методам вмешательства в кризисные и конфликтные ситуации, к физическому уничтожению прогрессивных сил и группировок.

Политика США по отношению к конфликтам в странах Азии, Африки и Латинской Америки тесно связана как с их общим политическим курсом в этих районах, так и с военно-политической стратегией. Поэтому оба эти направления внешнеполитической активности США оказывали постоянное влияние на эволюцию образа их действий в периоды острых конфликтных ситуаций и сыграли роль своеобразных факторов в его формировании.

Общий политический курс США в отношении стран развивающегося мира весьма специфичен. К тому времени, когда США на стадии империализма вышли на международную арену в поисках новых рынков, источников дешевого сырья и сфер приложения капитала, почти вся Азия и Африка принадлежали европейским колониальным державам. В борьбе против них США могли рассчитывать только на ограниченный успех, так как, во-первых, не располагали достаточной военной силой, а, во-вторых, их правящие круги были вынуждены считаться с мощным демократическим потенциалом внутри своей страны, который препятствовал проведению активной и широкомасштабной политики колониальных захватов (это проявилось, например, в борьбе передовой американской общественности против колониального захвата Филиппин). «Империалистическая поли-

тика США, — пишет прогрессивный американский публицист У. Помрой, — формировалась под влиянием соображений военной и экономической стратегии, в тесном переплетении с внутриполитическими противоречиями». Попытка подключиться к борьбе колониальных держав за влияние в Китае на рубеже XX века, считает У. Помрой, выявила столь «высокую стоимость» и «огромные трудности» такой политики, которые делали ее «стратегически нецелесообразной и привели к углублению споров в американских политических кругах»²¹.

Специфика сочетания внутреннего положения в США с их положением на международной арене в период до второй мировой войны привела к замене в подходе США к своим задачам в колониальном мире «традиционного территориального или административного колониализма экономической, политической и идеологической экспансией», — отмечает советский историк Г. Трофименко. — Этот элемент был позднее определен термином „неоколониализм“»²². В связи с этим правящие круги США обычно всегда проявляли известную гибкость в подходе к проблемам деколонизации, хотя при этом и не занимали принципиальной позиции по вопросам политического самоопределения. «Позиция США по вопросам колониализма, — считает историк Г. Колко, — была всегда двусмысленной и являлась лишь тактическим средством достижения свободного доступа к сырьевым рынкам»²³. В годы войны правящие круги США были готовы иметь дело с формально самостоятельными, но прочно связанными хозяйственными узами и другими скрытыми формами зависимости с Америкой бывшими колониальными территориями европейских держав.

После второй мировой войны правящие круги США отбросили элементы маскировки в своем отношении к национально-освободительному движению в колониях. В послевоенный период, особенно с началом «холодной войны», им пришлось признать, что развитие национально-освободительного движения объективно ослабляет всю систему империализма в его противостоянии с миром социализма. Потерпели крушение британская и французская колониальные империи, сведя положение своих стран до уровня средних в военном и политическом отношении держав. По мере усиления процессов деколонизации началась неизбежная конкурентная борьба между американским, европейским и японским капита-

лами за сохранение или получение доступа к рынкам развивающихся стран. При этом сами развивающиеся государства проявляли все меньше желания оставаться на правах объекта этой борьбы и стремились отстоять свою самостоятельность от посягательств со стороны иностранного капитала.

Учет этих сторон процесса деколонизации обусловил формирование трех главных направлений в общем политическом курсе США в отношении развивающихся стран. *Первое*, и главное, направление включало проблемы отношения США к развивающимся странам в контексте их глобальной борьбы против мира социализма. В этом плане стратегическая цель США состояла в том, чтобы сохранить развивающийся мир в качестве важнейшего резерва и необходимого элемента воспроизводства системы капитализма в историческом противостоянии двух мировых систем. Природные и людские ресурсы стран Азии, Африки и Латинской Америки, их политический вес на международной арене, пропагандистский эффект возможного развития этих стран по капиталистическому пути — все эти важнейшие аспекты значения развивающихся стран для капиталистического мира выдвинули эти страны в период 60-х годов в качестве одного из главных объектов борьбы США на мировой арене против мира социализма и влияния его идей.

На этом направлении методы политики США претерпели известную эволюцию. Одним из ее наиболее характерных показателей является отношение правящих кругов США к концепциям неприсоединения, ведущему внешнеполитическому принципу развивающихся государств. Отрицательное и враждебное отношение к ним в период администрации Эйзенхауэра — Даллеса, стремившейся привязать освободившиеся государства к США с помощью глобальной системы военно-политических блоков, договоров и соглашений, на рубеже 60-х годов сменилось более умеренным подходом со стороны администрации Кеннеди. В этот период американские политические деятели уже считали, что неприсоединение — наилучший способ, препятствующий «поглощению» освободившихся государств коммунизмом²⁴. В начале 70-х годов, когда окрепли и усилились связи ряда освободившихся государств с Советским Союзом, что получило воплощение в соответствующих договорах и соглашениях, правящие круги США попытались занять

позицию защитников неприсоединения, обвинив государства, заключившие договоры и соглашения с СССР, в «отходе» от принципов неприсоединения.

Несмотря на эволюцию тактических подходов, главная цель США в отношении развивающихся стран практически не изменилась до последнего времени. Борьба против влияния социализма на развивающиеся страны определила общий подход США и к проблемам их поведения в периоды острых конфликтных ситуаций. В подавляющем большинстве таких ситуаций правящие круги США видели продолжение противоборства с миром социализма, рассматривали победу революционно-демократических сил в развивающихся странах как проигрыш в соревновании двух мировых систем.

Второе направление политики США охватывало проблемы межимпериалистических противоречий в странах Азии, Африки и Латинской Америки, стремилось сочетать политику в отношении главных американских союзников с политическим курсом США по отношению к развивающимся государствам. Готовность правящих кругов США вести дела с формально независимыми странами Азии, Африки и Латинской Америки, недовольство американских монополий барьерами, воздвигнутыми колониальными державами на пути американских капиталов,— все это, разумеется, не могло не содействовать существованию известных противоречий между США и западноевропейскими государствами в области политики по отношению к национально-освободительному движению. В конце 40-х годов это приводило даже к вмешательству Вашингтона в пользу предоставления независимости отдельным колониям (Индия, Индонезия). Однако, с другой стороны, необходимость сохранения единого фронта в противостоянии социализму, соображения классовой солидарности в тех случаях, когда освободительные движения считались «коммунистическими» (Вьетнам, Малайя), опасения антиимпериалистических тенденций в освободительных революциях — эти соображения смягчали противоречия между США и их союзниками по вопросам политики в бывшем колониальном мире.

Весь комплекс проблем сочетания политики США в развивающихся странах с политикой в отношении их главных союзников оказывал также влияние, хотя и противоречивое, на формирование американской политики в конфликтных ситуациях. Наиболее ярко выявилось это

влияние в отношении США к колониальным войнам европейских держав. Здесь внешне США до определенного момента занимали, если не отрицательную, то во всяком случае сдержанную позицию по отношению к действиям своих союзников (первый этап колониальной войны Франции в Индокитае, война Великобритании в Малайе, война Франции в Алжире). В то же время они оказывали им значительную помощь через механизм НАТО и в двустороннем порядке. Например, помощь США Франции в Индокитае в период с 1950 по 1954 год составляла около 500 млн. долл. ежегодно, или около 78% всех военных расходов Франции на эту войну²⁵. Современем США перешли к прямой помощи колониальным державам в подавлении национально-освободительных движений (помощь салазаровской Португалии в Африке, помощь ЮАР в Анголе).

Проблемы взаимоотношений с союзниками продолжают оказывать влияние на политику США в отношении конфликтных ситуаций развивающихся стран, хотя характер этого влияния претерпел некоторые изменения. Утратив колонии, американские союзники, озабоченные судьбой собственных интересов и недовольные агрессивной политикой США, стремятся ограничить свободу действий Вашингтона в странах Азии и Африки, отмежеваться от его политики вооруженного вмешательства. Особенно наглядно это было продемонстрировано отрицательной позицией Франции по отношению к американской агрессии в Индокитае, особой позицией западноевропейских союзников США по проблемам ближневосточного кризиса.

Третье направление политики США в освободившихся странах — двусторонние отношения Вашингтона с ними. Строя свою политику в отношении развивающихся стран, США стремились к созданию невидимой империи, которая охватила бы эти страны с помощью различных средств неоколониальной зависимости, подчинила бы интересам американских монополий их рынки, сырье и сферы приложения капиталов. Строительство этой империи являлось главной политической целью США в рамках их отношений с развивающимися государствами. Поэтому правящие круги Соединенных Штатов были готовы содействовать постепенной деколонизации наиболее важных для американских монополий стран Азии и Африки, оказать всемерную помощь в укреплении зависимых ре-

жимов в этих странах, связать эти государства системой двусторонних и коллективных договоров. Несмотря на то что этот курс противоречил интересам некоторых их главных союзников, правящие круги США были готовы следовать ему до определенного предела для усиления собственного положения в капиталистическом мире и, одновременно, «спасения» освободившихся государств от «угрозы коммунизма».

Сложившаяся система общих целей и направлений политики США в отношении развивающихся стран привела к формированию на рубеже 60-х годов определенного подхода американских правящих кругов в отношении конфликтов, возникавших в связи с бурным развитием национально-освободительного движения. Этот подход включал в себя совокупность идей и мероприятий, которая получила в советской литературе наименование стратегии «перехвата (или контролирования) революций» в странах Азии, Африки и Латинской Америки²⁶. Стратегия «перехвата революций» в целом признавала закономерность этапа борьбы народов Азии и Африки за политическую независимость, необходимость «модернизации» и экономического прогресса развивающихся стран и выдвигала в качестве главной цели США по отношению к национально-освободительному движению идею канализирования освободительных процессов в нужном империализму направлении. Воплощение этой идеи в конкретную политическую практику предусматривало решение двух главных задач.

Во-первых, это — жесткая и бескомпромиссная борьба против наиболее радикальных «прокоммунистических» группировок в национально-освободительном движении, отстаивающих последовательный курс на достижение полной национальной независимости вплоть до перехода на путь некапиталистического развития. В этой области большое значение придавалось активному применению вооруженной силы (до прямой военной интервенции США) и использованию всех возможностей для разгрома и уничтожения этих группировок: с помощью военных переворотов, развязывания гражданских войн, использования различных внутренних неурядиц, пограничных конфликтов и столкновений.

Во-вторых, активная поддержка тех политических сил в освободившихся государствах, которые рассматривались как реальные или потенциальные союзники Злапа

в противоборстве с миром социализма и проводниками идей социализма в странах Азии, Африки и Латинской Америки. На этом направлении США прилагали все усилия (не останавливаясь в некоторых случаях перед давлением на своих союзников из числа колониальных держав), чтобы уже в ходе деколонизации обеспечить переход власти в освободившихся государствах в руки «дружественных» группировок, а после завоевания независимости оказывали им огромную военную и экономическую помощь, с тем чтобы добиться консолидации их власти внутри страны, стабилизировать политическую обстановку и направить развитие этих стран по капиталистическому пути.

В политике США по отношению к конфликтам в развивающихся странах оба эти направления тесно сосуществовали, дополняя и развивая друг друга. Политическая неустойчивость внутри некоторых развивающихся стран активно использовалась Вашингтоном в целях создания выгодного американским правящим кругам соотношения сил при участии самих США и контроле с их стороны за основными процессами, происходящими в этих странах. Стремясь разгромить или существенно ослабить прогрессивные революционно-демократические силы, не пренебрегая при этом любыми средствами, США использовали конфликтные ситуации или шли на их провоцирование, одновременно усиливая союзные им силы и режимы, подталкивая их к проведению активной контрреволюционной борьбы.

В политике в конфликтных ситуациях в развивающихся странах США придавали большое значение применению вооруженной силы, в связи с чем эволюция американской *военно-политической стратегии* также сыграла роль известного фактора в формировании образа действий Вашингтона в этом вопросе. Известно, что развитие военно-политической стратегии Соединенных Штатов в послевоенный период в условиях противостояния и острой политической борьбы двух мировых систем, появления и быстрого прогресса ракетно-ядерного оружия, активного процесса освобождения колоний происходило в двух главных плоскостях: постоянной подготовки к ракетно-ядерному конфликту с Советским Союзом («центральный» конфликт, или глобальная война) и реального участия американских вооруженных сил в ряде локальных

войн, большинство которых приходится на развивающиеся страны. В связи с этим вооруженные конфликты в освободившихся странах постоянно находились в поле зрения военного руководства США, позволяя военным кругам оказывать активное влияние на подход Вашингтона к таким конфликтам.

В свою очередь, на подход военного руководства США к проблемам конфликтов в развивающихся странах в первые после окончания второй мировой войны годы преобладающее влияние оказывал опыт, накопленный в вооруженных интервенциях в Латинской Америке и на Дальнем Востоке. Проблемы военного обеспечения позиций американского капитала в экономически отсталых и зависимых странах возлагались по традиции на флот и морскую пехоту и не требовали, как это казалось, разработки какого-то иного подхода. Связь глобальной военной стратегии с отношением США к конфликтам в развивающихся странах в тот период еще практически никак не отразилась в американской военной доктрине и возможные действия их вооруженных сил в «центральной» конфликте и в локальных столкновениях в операционном плане рассматривались как сепаратные вопросы.

Впервые для американских военных и политических руководителей возможная связь между их военной стратегией на главном направлении и действиями вооруженных сил в локальных операциях обнаружилась в годы войны в Корее. В Корее американский империализм вел «ограниченную» войну против социалистического государства и поэтому вначале параллели между задачами и действиями США в этом конфликте и в конфликтах в колониальных и зависимых странах еще были видны не всем: различия в данном случае имели как политический характер (качественно разные противники), так и военно-технический (разный военный потенциал у социалистического государства и у национально-освободительного движения, разная военная структура — регулярная армия в одном случае и партизанские формирования — в другом, разные масштабы и характер боевых действий и т. п.). Однако целый ряд факторов, проявившихся на рубеже 50-х годов, подсказывал некоторым представителям политических и военных кругов, что связь между войной в Корее и возможными боевыми действиями США в развивающихся странах все же имеется.

Во-первых, менялось общее отношение США к конфликтным ситуациям в развивающихся странах: если до этого американские политические круги еще не рассматривали национально-освободительное движение как своего политического противника, то распространение идеологии «сдерживания» на рубеже 50-х годов на все направления внешнеполитического курса США приравнивало освободительные движения к «подрывным», прокоммунистическим организациям. А это с политической точки зрения «уравнивало» цели Вашингтона в «ограниченном» конфликте с социалистическими странами и в конфликтах с национально-освободительным движением. Появилось убеждение, что вооруженные силы США должны быть готовы «сражаться и в Африке, и в тропиках, и в Азии, и на Ближнем Востоке, и в Европе; на море, на суше и в воздухе; с помощью старых и новых видов оружия»²⁷.

Во-вторых, опыт французов в Индокитае и англичан в Малайе, изученный американскими военными, показывал, что в военно-техническом отношении противная сторона в конфликтах в развивающихся странах не так уж слаба и примитивна. Активная поддержка национально-освободительного движения со стороны социалистических и развивающихся государств, в том числе в некоторых случаях и в вопросах военно-технического обеспечения, наличие разработанной и опробованной в разных условиях доктрины партизанской войны, широкая поддержка движений за национальное освобождение народными массами колониальных и зависимых стран — все это вынуждало американскую военщину рассматривать национально-освободительное движение как серьезного и опасного противника в развивающемся мире.

Влияние обеих групп факторов выразилось в том, что проблемы применения вооруженной силы в локальных конфликтах постепенно приобрели заметное место в военной стратегии США. Они стали теснее увязываться с проблемами подготовки вооруженных сил к «центральному» конфликту, усилилась координация между отдельными видами вооруженных сил, значительно возросла военная помощь и подготовка военнослужащих для стран Азии, Африки и Латинской Америки. Наиболее осторожные американские специалисты считали, что дальнейшая реальная «проба сил» между обеими мировыми системами, скорее всего, может произойти именно в ло-

кальных конфликтах или войнах «на периферии», где набирало силу освободительное движение в колониях. Однако эти выводы и предложения далеко не сразу были восприняты более широкими политическими кругами.

В частности, военно-политическая стратегия «массированного возмездия», принятая на вооружение республиканской администрацией Эйзенхауэра—Даллеса, которая делала главный упор на «молниеносный концентрированный удар» по Советскому Союзу и другим социалистическим странам, по мнению многих американских исследователей, не давала адекватного решения вопросов военной политики в конфликтах в развивающихся странах, хотя она и угрожала ядерным нападением на социалистические государства в ходе некоторых локальных кризисов. Американские критики этой стратегии указывали именно на ее неспособность найти «правильный» образ действий в локальных конфликтах. Один из наиболее известных американских специалистов по проблемам военной стратегии У. Кауффман писал, что, придерживаясь доктрины «массированного возмездия», администрация Эйзенхауэра вместе с тем «либо воздерживалась от действий, либо лихорадочно изыскивала обычные силы, с тем чтобы контролировать ситуацию, когда возникла угроза войны из-за Индокитая, Ливана, прибрежных островов Куэмой и Матцу или из-за Берлина»²⁸.

Прочная связь между американской военной стратегией и политикой США в конфликтах в развивающихся странах определилась в годы администрации Кеннеди, принявшей в качестве собственной внешнеполитической стратегии идеи «гибкого реагирования». Формулируя принципы своей внешней и военной политики, Кеннеди находился под большим влиянием концепции о необходимости для США иметь возможность «многовариантного стратегического выбора», который означал, что США в военно-политическом плане должны быть готовы ответить соответствующим образом на любую угрозу своим интересам, где бы она ни возникла и какой бы характер и масштаб она ни имела. Особенностью стратегии «гибкого реагирования» в отношении конфликтов в развивающихся странах было не только то, что она включала их в качестве одного из объектов политического курса (отчасти это имело место и на предыдущем этапе), но и предписывала разработку соответствующих средств и методов для военного обеспечения политики США в этих

конфликтах. Перед военными кругами была поставлена задача разработать военно-технические средства и специальную военную доктрину решения этой проблемы.

С этого времени военная стратегия США становится одним из наиболее активных факторов, определяющих политику США в отношении конфликтов в развивающихся странах. Главное в воздействии этого фактора — усиление тенденции к применению вооруженной силы, к агрессивному вмешательству в конфликтные ситуации с применением всего арсенала средств вооруженных сил для ведения обычных войн (специальные войска, мобильные соединения, военная помощь и т. д.). Военно-промышленный комплекс, занявший к этому времени прочные позиции в политических кругах, видел в интенсификации военной политики в отношении развивающихся стран возможности демонстрации военного могущества Америки, а также боевой подготовки войск и испытания техники в условиях «полигонов», которыми могли стать конфликты в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Активное вмешательство США в эти конфликты, неизмеримо усилившееся после разработки и внедрения стратегии «гибкого реагирования», привело к тому, что в течение 60-х годов проблемы вооруженной агрессии в развивающихся странах неоднократно становились главной заботой политического и военного механизмов Соединенных Штатов, несколько оттесняя в сторону более важные для американского правящего класса внешнеполитические вопросы.

Все вышеперечисленные факторы оказывали непосредственное влияние на формирование общего образа действий США в конфликтных ситуациях в освободившихся государствах. Восприятие их влияния представителями политической элиты США проявлялось в различного рода доктринах и концепциях, в которых находили свое выражение модификации общих положений официального стратегического курса в зависимости от эволюции обстановки в мире, в развивающихся странах и внутри США, оценки предыдущего опыта США в области «контролирования» международных конфликтных и кризисных ситуаций. Большое место в формулировании этих доктрин и концепций занимали представители американских академических кругов, роль которых в формировании внешнеполитического курса США в целом возросла. Эти доктрины и концепции, в свою очередь, также ока-

зали воздействие на формирование политики Соединенных Штатов по отношению к конфликтам в развивающихся странах.

Господствующие доктрины и концепции политики США в отношении локальных конфликтов

Опыт правящих кругов США в области вооруженного интервенционизма позволил сформулировать определенную систему взглядов на политику в конфликтных ситуациях, которые происходили в колониальных и полузависимых странах. Эти взгляды были сгруппированы в рамках широко известной доктрины, которая представляла собой «теоретическую школу официального героизма во главе с Т. Рузвельтом, Генри Адамсом, Бруксом Адамсом и их друзьями, разработавшими идеологическое обоснование американского колониализма и глобальной экспансии экономической мощи»²⁹. Эта доктрина получила наименование политики «большой дубинки». Эволюция ее идей в наше время привела к формированию среди правящих кругов США комплекса умонастроений, в которых, по оценке Р. Барнета, «полицейское мировоззрение глубоко внедрено в официальную идеологию»³⁰.

Антикоммунизм стратегии «сдерживания» породил в 50-х годах официальный внешнеполитический миф о «коммунистическом заговоре», как объяснение основных причин конфликтов в развивающихся странах и как обоснование вмешательства США в эти конфликты. Миф о «коммунистическом заговоре», как систематизированное объяснение происходивших в бывшем колониальном мире конфликтных процессов, складывался по мере появления работ некоторых публицистов, официальных документов, выступлений должностных лиц. В академических кругах его теоретическое обоснование разрабатывалось специалистами, придерживавшимися направления «политического идеализма», и получило развитие в их работах по проблемам Азии, Африки и Латинской Америки³¹. Этот миф до последнего времени продолжает оказывать влияние на официальную идеологию в США, хотя его устои были основательно расшатаны самой реальностью борьбы в развивающихся странах.

В 1970 году бывший руководитель британской программы «усмирения» в Малайе Р. Томпсон выпустил кни-

гу «Революционная война в мировой стратегии в 1945—1969 годах», в которой безоговорочно поддержал идеи «коммунистического заговора». Р. Томпсон тесно примыкает к наиболее агрессивным политическим кругам в вопросах политики в развивающихся странах и пользуется значительным влиянием среди военных как эксперт в области «контрпартизанской» борьбы. Поэтому его книга, в которой изложена современная концепция «коммунистического заговора», вызывает определенный интерес. Р. Томпсон признает, что «коммунистическое учение» оказало огромное влияние на освободительное движение народов. Однако, рассматривая содержание «коммунистического учения», автор умышленно включает в него не только работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Хо Ши Мина, Во Нгуен Зиапа, Э. Че Гевары по вопросам вооруженной и, в частности, партизанской борьбы, но и труды тех псевдотеоретиков, которые провозглашали идеи «экспорта революций». Эта подтасовка позволяет Р. Томпсону сделать вывод, будто социалистические страны стремились развязать революционные войны в развивающихся странах, с тем чтобы достичь своих целей, «избегая прямой конфронтации с США»³².

Автор выступает против точки зрения бывшего министра обороны США Р. Макнамары, который еще в 1966 году, разочаровавшись в идеях «коммунистического заговора», назвал их «большим свехупрощением действительности»³³. Этот спор отражает наличие расхождений между разными группировками в политических кругах США (с одной стороны, крайне правые, ультраконсервативные группировки, а с другой — либералы и умеренные консерваторы) по вопросам конфликтов в развивающихся странах и реакции на них со стороны США.

В течение длительного времени миф «коммунистического заговора» оказывал исключительное влияние на официальные доктрины Вашингтона. Одной из наиболее известных доктрин подобного рода является «теория домино» (или «падающего домино»), которая была сформулирована президентом Эйзенхауэром в 1953—1954 годах, когда в политических кругах Соединенных Штатов происходила дискуссия относительно вмешательства в колониальную войну в Индокитае. После очередного обострения обстановки в Индокитае весной 1954 года (когда были окружены французские войска у Дьен Бьен Фу) президент Эйзенхауэр выступил с программной речью по

вопросу о вмешательстве в Индокитае. Он заявил, что победа коммунистов в Индокитае неминуемо приведет к потере Таиланда, Малайи, Бирмы, будет «потенциально угрожать» Японии, Тайваню, Филиппинам, Австралии и Новой Зеландии. В этом выступлении он употребил сравнение этой цепи потерь с тем, как «падают поставленные в ряд костяшки домино, если свалить одну из них»³⁴. «Теория домино» оказала сильное влияние на формирование политики США в отношении конфликтов в Юго-Восточной Азии. Она тесно связана и с рядом других региональных внешнеполитических доктрин американского руководства. Например, миф о «заговоре», определивший «теорию домино», прослеживается и в «доктрине Эйзенхауэра» для Ближнего Востока, модификация принципов этой теории в условиях Латинской Америки породила «доктрину Джонсона», которая в сущности повторяет основы «теории домино» с еще большим упором на вооруженное вмешательство США в конфликты в латиноамериканских странах.

На рубеже 60-х годов, когда правящие круги США перешли к активному вмешательству в конфликтные ситуации в освободившихся странах, наблюдается появление ряда новых теорий, доктрин и концепций, которые предлагали более изощренные средства и методы политики США. Это объясняется как трудностями, с которыми США столкнулись в этот период в развивающихся странах, так и ростом требований внешнеполитического механизма к научным исследованиям в связи с этими трудностями. Миф о «коммунистическом заговоре» вследствие своей крайней примитивности и лобового подхода, а в ряде случаев — и просто очевидного для американцев несоответствия действительности на этом этапе уже не мог в полной мере удовлетворить правящие круги Вашингтона. Появившиеся в 60-х — первой половине 70-х годов новые доктрины и концепции можно разделить по объекту исследования и применяемым методам на концепции международно-политического, военного и социологического характера.

**Доктрины и концепции
международно-поли-
тического характера**

Как показал опыт 50-х годов, стратегия «массированного возмездия» не сумела обеспечить осуществление целей американского империализма в области вооруженной борьбы в развивающихся странах. Вмешиваясь в конфликтные ситуации в этих странах,

американские правящие круги постоянно ощущали угрозу того, что их собственные действия могут «спустить курок» самоубийственного ядерного конфликта. Поэтому одной из настоятельных проблем для американского политического механизма на рубеже 60-х годов, когда был сделан выбор в пользу широкомасштабной агрессивной политики в странах Азии, Африки и Латинской Америки, стала проблема поиска средств, которые «ограничили» бы возможный конфликт между двумя мировыми системами вследствие вмешательства США в борьбу народов региональными или военно-техническими рамками.

Администрация Кеннеди столкнулась с рядом острых конфликтных ситуаций, возникших в результате попыток империалистических держав подавить борьбу народов за освобождение (Южный Вьетнам, Лаос, Куба, Алжир, Конго). Стремясь нанести военный удар по освободительным движениям, с тем чтобы усилить свои глобальные позиции, она в то же время намеревалась отделить военное участие в этих конфликтах от противостояния миру социализма, создать искусственные границы возможному перерастанию локального конфликта в мировую ракетно-ядерную войну. Задача, поставленная администрацией Кеннеди, в исследовательском плане распадалась на две части: первая состояла в поисках средств для адекватного военного ответа на «вызов» развивающихся стран (и решение этой задачи искали в доктрине «контрпартизанской войны»); вторая — в разработке путей использования борьбы против национально-освободительного движения для выигрыша в конфронтации двух мировых систем.

Поиском возможных решений этой второй части задачи занимались американские ученые и специалисты, рассматривавшие проблемы локальных конфликтов с точки зрения их международно-политического значения, их роли в противоборстве двух мировых систем. Сторонники этого направления, считая политику США в конфликтных ситуациях в развивающихся странах частью глобальной конфронтации, искали пути более координированного сопряжения действий американского военно-политического механизма на локальном (или региональном) уровне с достижением глобальных внешнеполитических целей, и одновременно предотвращения незапланированного скольжения политики США от локального к глобальному конфликту.

Разработка концепции в этих вопросах происходила по двум основным направлениям. Одно из них, сконцентрировавшееся на военных сторонах проблемы, развивалось в рамках доктрины «ограниченной» войны, которая, по мнению советских специалистов, занимала господствующее положение в военной мысли США на рубеже 60-х годов. Еще в начале 60-х годов Т. Шеллинг, М. Гальперин, С. Дейтчмен и некоторые другие, развивая идеи, изложенные в работах Г. Киссинджера, М. Тэйлора, Б. Броди, Р. Осгуда по проблемам «ограниченных» войн, сформулировали отношение к войнам в зоне национально-освободительного движения как к «опосредствованной» форме конфликта между Соединенными Штатами и Советским Союзом. В «Стратегии конфликта» Т. Шеллинг писал, что «ограниченные» войны становятся все более вероятными, по мере того как становится очевидной невозможность «тотальной» войны, и «нагрузка», которая потенциально лежит на «тотальной» войне, частично переносится на войну «ограниченную»³⁵. Упор на стратегию «ограниченных» войн, которые все больше понимались как войны на «периферии», где можно было без ущерба для безопасности США устроить «пробу сил» между главными мировыми системами, преследовал в то же время цели военного удара по национально-освободительному движению. Американские теоретики считали, что в конфликтах, связанных с борьбой против национально-освободительного движения, оба главных противника будут косвенно противостоять друг другу, оказывая помощь и поддержку воюющим сторонам, а американское военное вмешательство, прикрываемое ядерной угрозой в адрес Советского Союза, будет гарантией победы стороны, поддерживаемой США.

Таким образом, в объект этой доктрины попадали в первую очередь потенциальные конфликты и войны в странах, которые относились к так называемой «спорной зоне», где возможная интервенция Соединенных Штатов Америки носила бы характер «косвенного» конфликта между двумя мировыми системами³⁶. Именно в этой зоне планировалось осуществление стратегии «домино наоборот».

Главными вопросами, которые стремились разрешить сторонники доктрины «ограниченной» войны, являлись характер взаимосвязи между действиями США в локальных конфликтах и их стратегией на главном направ-

лении, способы «ограничения» локального конфликта, с тем чтобы он не вышел из-под контроля «активной» стороны (США), а также военно-оперативные и тактические вопросы.

На раннем этапе развития стратегии «гибкого реагирования» связь между политикой США в локальных конфликтах и в глобальной конфронтации носила прямой и жесткий характер. В этот период действия США в отношении конфликтов в развивающихся странах фактически просто привязывались к «массированному возмездию»: США были готовы «встретить вызов» в развивающихся странах, но одновременно декларировали свою готовность применить ядерное оружие, если им не удастся разгромить противника в «ограниченной» войне. Как сообщает У. Кауффман, Р. Макнамара неоднократно утверждал, что США скорее пойдут на применение ядерного оружия, нежели примирятся с поражением в локальном конфликте. «Наращивание обычного потенциала, — говорил Макнамара, — будет увеличивать нашу способность реагировать на отдельные вооруженные столкновения на таком силовом уровне, который будет не только соответствовать данной проблеме, но и обеспечивать благоприятный для нас исход. Эта реакция избежит полной зависимости от ядерного оружия, но одновременно делает для Советского Союза ощутимой нашу решимость использовать ядерное оружие, если это окажется необходимым»³⁷.

Критики жесткой связи между планируемыми действиями США в локальных конфликтах и опорой на ракетно-ядерную угрозу подчеркивали, что администрация недооценила способности Советского Союза противостоять агрессивным действиям США и что в случае развязывания локального конфликта действия американской стороны будут неизбежно парализованы угрозой ответной реакции. Наиболее ярко продемонстрировал бесперспективность этой политики карибский кризис 1962 года. Попытка Соединенных Штатов разгромить кубинскую революцию вооруженным путем привела к острому международному кризису, который поставил под угрозу безопасность самих США. Администрация была вынуждена отказаться от планов военного разгрома кубинской революции. Как считают некоторые американские историки, в этом кризисе вскрылась ограниченность спектра возможных действий США в локальном конфликте, если

противная сторона получает стратегическую поддержку Советского Союза, а среди политических руководителей США отсутствует ясное понимание, до какого предела можно угрожать силой и как сделать эту угрозу ощутимой для противоположной стороны, не подвергая вместе с тем себя угрозе ответного ракетно-ядерного удара³⁸.

После карибского кризиса 1962 года в академических кругах Соединенных Штатов была разработана концепция «обычной ограниченной войны», в которой был сделан еще больший акцент на усиление ее «независимости» от ядерной стратегии, а также уделялось внимание военной и политической специфике борьбы против национально-освободительного движения. Разработкой этой концепции занимался главным образом Центр исследования проблем урегулирования конфликтов при Мичиганском университете в Анн-Арборе. Ее отдельные аспекты исследовали также специалисты из Массачусетского технологического института, Центра международных исследований при Гарвардском университете. Основные проблемы, исследовавшиеся этими научными центрами, лежали в области изучения теоретических проблем «центрального» конфликта, однако в целом ряде работ исследовались также проблемы его взаимосвязи с локальными конфликтами.

В частности, в работах М. Гальперина, С. Дейтчмена и некоторых других рассматривались вопросы «ограниченной» войны с упором на применение обычных вооружений, в которой проблемы ядерной угрозы со стороны США отходили на задний план, а на первый выдвигалась подготовка к военному разгрому противника с помощью сухопутных сил и авиации. Эти идеи легли в основу политики администрации Джонсона в Южном Вьетнаме. Дальнейшая эволюция этого направления под влиянием провала интервенции во Вьетнаме привела к кризису его концепций и к их полному пересмотру. Опыт Вьетнама, отмечалось в этой связи в журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», показал, что «война, ведущаяся с помощью обычных вооружений, не может быть выиграна сверхдержавой (США. — В. К.), если другая сверхдержава поддерживает противную сторону»³⁹. Идеи «ограниченной» войны в том виде, в котором они разрабатывались на протяжении 60-х годов применительно к задачам политики США в «периферийных» конфликтах, в первой половине 70-х годов были преданы забвению.

В то же время под влиянием провала во Вьетнаме и учета изменений в соотношении сил между СССР и США в военно-стратегической области в доктрине «ограниченной» войны появились модификации. В частности, не отказываясь от идеи дальнейшей «пробы сил» между двумя мировыми системами в «периферийных» конфликтах, некоторые американские специалисты во второй половине 60-х годов предложили рассматривать эти конфликты одновременно как буфер в предотвращении глобального столкновения между СССР и Соединенными Штатами. В 1966 году Р. Роузкранц опубликовал статью, в которой попытался проанализировать влияние перемен в стратегическом соотношении сил на политику США в локальных конфликтах. Он высказал предположение, что обе «сверхдержавы» могли бы действовать в качестве регуляторов в «периферийных» районах, в то время как конфликты в них, в свою очередь, могли бы отвлекать их от точек прямого противостояния и снизить возможность возникновения «центрального» конфликта⁴⁰.

Другое направление концепций также рассматривает политику США в отношении конфликтов в развивающихся странах сквозь призму «глобального соперничества». Это направление развивалось в рамках крупного течения в американской политологии, получившего наименование «кризисной» политики. Главное внимание в исследованиях, посвященных «кризисной» дипломатии, было сосредоточено на проблемах «силового давления» на Советский Союз с помощью маневрирования во время международных кризисов. В числе ситуаций, которые могли послужить причиной возникновения острых международных кризисов, эти исследователи рассматривали и конфликты в развивающихся странах. Теоретики «кризисной» политики считали конфликтные ситуации в странах Азии, Африки и Латинской Америки эпицентром возможного международного кризиса, в ходе которого США должны были использовать свои возможности по «силовому давлению», с тем чтобы заставить противника капитулировать если не в данном вопросе, послужившем поводом к возникновению кризиса, то хотя бы в другом, не менее важном для США.

В основном теоретическая разработка этой проблематики до середины 60-х годов велась в Гудзоновском институте. Теория «эскалации», разработанная Г. Каном, была посвящена почти целиком проблемам политики

США в «центральной» конфликте. На основе данных политических и стратегических исследований Г. Кан построил шкалу возможных действий США в период международного кризиса, которые шли по возрастающей от дипломатического столкновения через различные все более разрушительные стадии вооруженного конфликта к всеобщей ядерной войне. Смысл теории «эскалации» состоял в том, чтобы поставить противную сторону перед перспективой постоянного наращивания вооруженного давления до уровня «неприемлемого ущерба» и тем самым добиться ее капитуляции в ходе кризиса. В советской литературе эта теория исследована в достаточной степени⁴¹, однако хотелось бы отметить один весьма существенный ее аспект. Теория «эскалации», рассматривая участие США в любом вооруженном конфликте, в том числе и на «периферии», как интегральную часть эволюции глобальной напряженности, определила принципиальную схему взаимосвязи действий США в локальных конфликтах с их целями в конфронтации с Советским Союзом и дала возможность перевода итогов участия США в локальном вооруженном конфликте в термины борьбы двух мировых систем.

Объективно это позволяло более трезво учитывать военные возможности США на международной арене. Поэтому когда определилось окончательное поражение США во Вьетнаме, в среде специалистов, занимавшихся проблемами «кризисной» политики, произошел глубокий раскол. Часть специалистов, признавая бесперспективность «силового подхода» к решению сложных международных проблем, обратилась к поиску политических средств «контролирования» локальных конфликтов, другие — продолжали ратовать за более изощренные способы агрессивной политики. Ряд ученых, которые в целом ориентировались на политическое участие США в локальных конфликтах (из наиболее известных к ним можно отнести О. Янга, Дж. Бертона, Л. Блумфилда, Ч. Германа⁴²), выдвинули некоторые новые идеи, в отдельных случаях весьма отличающиеся от предыдущих американских подходов. В работах этих ученых содержалось стремление найти средства усилить контроль над отдельными аспектами «кризисной» политики США в целях сохранения определенного равновесия между внешнеполитическими усилиями и внутренним положением в США (Ч. Германн), между «кризисной» политикой США и их

отношениями с союзниками (Дж. Бертон, О. Янг), а также «равновесия» в системе международных отношений (Л. Блумфилд). В целом они выступали за снижение роли военного фактора в политическом курсе в отношении конфликтных ситуаций в развивающихся странах.

Тональность некоторым новым подходам к политике США в этом направлении задал Г. Киссинджер. Вначале в коллективной монографии «Повестка дня для нации», а затем в книге «Американская внешняя политика» он рассматривал конфликты в развивающихся странах и кризисы, возникающие вокруг этих конфликтов, в первую очередь как результат внутренних процессов в этих странах, которые, попадая в фокус противоборства двух мировых систем, вызывали резкое обострение международной обстановки и нарушение «баланса сил». Главную вину при этом Г. Киссинджер возлагал на развивающиеся страны. «Политические руководители (этих стран. — В. К.) испытывают слабое чувство ответственности по отношению к всеобщему международному равновесию, — писал он. — Они более всего озабочены своими местными бедами. Соперничество сверхдержав предоставляет им большие возможности для шантажа»⁴³. Идеи Р. Роузкранца, Г. Киссинджера, М. Каплана и некоторых других о том, что конфликты в развивающихся странах в условиях растущей «многополярности» во всей системе международных отношений играют роль точек, в которых происходит регулирование «мирового баланса сил», и поэтому требуют осторожного и продуманного подхода, на рубеже 70-х годов становятся господствующими. Новые исследования, появляющиеся в это время в США, занимаются конкретизацией проблем более тщательного сочетания политических и военных средств в отношении США к конфликтам в развивающихся странах с учетом новой международной ситуации и вьетнамского опыта (стремление к повышению порога «вовлеченности» в конфликтные ситуации, учет разногласий между США и их главными союзниками, а также другими державами по вопросам локальных конфликтов и т. п.).

Определенное внимание среди этих работ привлекли труды профессора Массачусетского технологического института Л. Блумфилда, который одним из первых сформулировал идею «контролирования» локальных конфликтов в условиях «многополярного» мира⁴⁴. Разрабатывая по заказу Агентства по контролю над вооружениями и ра-

зоружению (АКВР) методику обработки информации по локальным конфликтам (КАСКОН), группа исследователей во главе с Л. Блумфилдом поставила своей целью найти средства «существенно изменить ход конфликта с помощью политических средств, направленных на максимальное снижение уровня насилия»⁴⁵. Эта методика неоднократно использовалась как в исследовательских целях, так и для разработки политических решений. Как сообщает Л. Блумфилд, в сочетании с ранее разработанной методикой имитационных игр (КОНЭКС) эта методика была передана АКВР, где она используется в целях «контролирования конфликтов и уменьшения возможностей возникновения новых, особенно таких, которые могут вовлечь ядерные державы и содержат опасность эскалации»⁴⁶. Среди академических и политических кругов в пользу усиления политических средств «контролирования» локальных конфликтов высказались влиятельная Американская ассоциация содействия ООН, отдельные исследователи и специалисты (У. Уильямс, К. Боулдинг, Р. Фолк, С. Мендловиц).

Однако существует и другая, не менее значительная группировка, которая считает возможным довести способности США к силовому решению локальных конфликтов до уровня небывалого совершенства. В 1969 году на специальной конференции, посвященной проблемам «насилия» и «социальных перемен», организованной Институтом международных отношений им. Эдлая Стивенсона в Чикаго, бывший руководитель программы «умиротворения» в Южном Вьетнаме Р. Комер заявил, что в конфликтах в развивающихся странах метод «постепенной эскалации» вмешательства США себя не оправдал. Р. Комер высказался в пользу быстрых и беспощадных ударов по противнику. «Обрушить на них лавину». — так сформулировал он этот принцип⁴⁷. Смысл выступления Комера состоял в том, чтобы добиться более эффективной тактики проведения боевых операций и за счет этого снизить степень «вовлеченности» США в локальный конфликт, дать военно-политическому механизму возможность одновременно наносить быстрые удары по противнику, вести с ним же переговоры и сохранять гибкость в отношениях с великими державами.

Наиболее полно был сформулирован подход к «силовому поведению» США в локальных конфликтах на современном этапе в книге сотрудников Стэнфордского уни-

верситета А. Джорджа, Д. Холла и У. Саймонса «Границы силовой дипломатии». Авторы этой книги изложили некоторые общие принципы поведения в конфликтных и кризисных ситуациях, которыми они рекомендуют руководствоваться в 70-х годах⁴⁸:

1. Контроль со стороны президента над военными действиями, которые являются высшим средством изменения ситуации в пользу США.

2. Замедление темпов развития кризиса с помощью пауз в военных операциях, с тем чтобы противник мог на каждом этапе подвести итог и выбрать дальнейший образ действий, выгодный США.

3. Ясные и уместные демонстрации своих намерений противнику.

4. Координация военных и политико-дипломатических акций с целью заставить противника занять позицию, которая нужна США.

5. Уверенность в эффективности и целенаправленности военных действий со стороны лиц, принимающих решения, чтобы поспешными действиями не сорвать эффект предыдущих акций.

6. Военные акции не должны провоцировать противника на эскалацию конфликта («умение управлять кризисами, — отмечают авторы, — требует способности удержать противника с помощью устрашения от перехода к более опасным ступеням эскалации»).

7. Необходимость избегать впечатления, будто политические средства урегулирования не сработали и США готовы прибегнуть к применению военной силы в широких масштабах.

Рекомендации такого рода все еще пользуются популярностью среди определенных кругов в США и особенно среди военных. В целом расхождения среди американских специалистов по вопросам политики в отношении конфликтов в развивающихся странах с учетом ее международно-политических аспектов отражают глубокое размежевание в политических кругах США, наступившее после провала интервенции в Индокитае и в связи с поисками путей к прекращению отношений, чреватых риском глобального конфликта с Советским Союзом. В этом плане роль рекомендаций более умеренного характера, разумеется, несколько повысилась, хотя политический механизм и продолжает одновременно активно использовать концепции сторонников силовой политики.

**Военная доктрина
политики США
в отношении
конфликтов
в развивающихся
странах**

Доктрина «ограниченной» войны ориентировалась на применение регулярных вооруженных сил США в конфликтах, которые происходили в так называемой спорной зоне, где американские специалисты видели косвенное противостояние двух мировых систем. Однако довольно влиятельная часть политиков и военных считала, что эта доктрина должна быть дополнена средствами, которые были бы применимы при «угрозе» более низкого уровня — во внутренних конфликтах в странах, уже вошедших, как это считалось, в сферу влияния США. Большое влияние на поиски таких средств оказал президент Кеннеди, который считал необходимым, чтобы «Соединенные Штаты научились сражаться с коммунизмом на собственных условиях». «Вооруженные силы США, — пишет историк Х. Сайди, — должны были научиться вести тайные партизанские бои и обрести большую гибкость. Для этого существовали новые названия — контрповстанческая, парамилитаристская активность; так как мы не могли использовать ядерное оружие против группы в 10 человек в лаосских джунглях, должен был быть какой-то иной ответ... Концепция партизанской войны почти магически стала политикой»⁴⁹.

Кеннеди и некоторые близкие ему сотрудники рассматривали вначале «контрпартизанскую» войну лишь как одну из модификаций «ограниченной», приспособленную к специфике борьбы против иррегулярных военных формирований. Однако в течение 60-х годов, по мере роста вмешательства США во Вьетнаме, в американских военных и политических кругах появились разные точки зрения как на общий военно-политический характер концепции «контрпартизанской» войны, так и на предпочтительные методы ее ведения. С одной стороны, образовалась группировка тех, кто продолжал считать основной силой в «контрпартизанской» войне регулярную армию, а основным средством стабилизации обстановки в развивающихся странах — их временную оккупацию американскими вооруженными силами⁵⁰. Эта точка зрения разделялась многими видными сторонниками администрации демократов (М. Тэйлор, Р. Макнамара, У. Банди, У. Ростоу, Р. Хиллсмен, М. Гальперин, С. Дейтчмен), ее поддерживали и многие военные. Точка зрения этой группировки постепенно победила, когда после «ограниченного»

вмешательства в Южном Вьетнаме при президенте Кеннеди следующая администрация пошла на эскалацию военного вмешательства США, направив сухопутные войска и морскую пехоту во Вьетнам, авиацию — против ДРВ и Лаоса, морскую пехоту — против Доминиканской Республики.

Противостояла ей другая группировка, сторонники которой (Р. Томпсон, Э. Лэндсдейл и др.) отстаивали более изощренную тактику «контрпартизанской» войны. Их точка зрения обосновывалась известным опытом ее сторонников. Генерал Лэндсдейл начал свою карьеру на поприще контрповстанческой деятельности еще в конце 40-х годов на Филиппинах. Затем он был направлен в Южный Вьетнам, где руководил операциями ЦРУ по укреплению режима Нго Динь Дьема. После свержения режима Дьема в 1963 году Лэндсдейл был отозван из Южного Вьетнама. Именно в этот момент он выступил со своей концепцией «контрповстанческих» действий. В статье, опубликованной в журнале «Форин афферс», Э. Лэндсдейл сформулировал первостепенную задачу «контрповстанческих» действий как борьбу психологическую, борьбу за «умы и сердца». Лэндсдейл признавал, что главным оружием коммунистов являются революционные идеи, их привлекательность в глазах широких масс. «Эти идеи, — писал генерал, — не исчезнут, если мы будем их игнорировать, бомбить или душить». Ответ на них, считал он, состоит в «лучшей идее — в идее свободы, воли к свободе». В связи с тем что азиатские традиционалистские общества, по мнению Лэндсдейла, лишены концепций «свободы», такие концепции следует внедрять и популяризировать, чтобы передать народам Азии «дело, за которое стоит бороться»⁵¹.

Взгляды Лэндсдейла близки взглядам Р. Томпсона на способы ведения «контрпартизанской» войны. Р. Томпсон считал бесполезным применять против партизан современную хорошо вооруженную и обученную армию: дело могут решить только верные своему правительству вооруженные формирования местного населения и специальные отряды. «Коммунистические теории революционной войны неплохо сработали, — замечает он, — поэтому и контрреволюционная война должна быть основана на таких же методах и приемах»⁵². Аналогичной точки зрения придерживались и некоторые другие исследователи «контрпартизанской» войны⁵³.

Практика «контрпартизанских» войн в период 60-х годов, в особенности война во Вьетнаме, показала, что эти теоретические расхождения не мешали военно-политическому механизму активно использовать рекомендации как первой, так и второй группировок. Конкретная реализация доктрины «контрпартизанской» войны включала проведение мероприятий как военного характера (боевые действия, «парамилитаристские» операции специальных подразделений, создание местных полувоенных формирований, деятельность разведорганов и полицейские операции), так и социально-экономического плана (некоторые реформы, перемены в бюрократическом аппарате, психологическая обработка населения и пропаганда и т. п.). Многие из этих мероприятий были заимствованы из опыта французских колониальных войн (теории «умиротворения» Ж. Сустанья, Р. Лакоста, генерала Массю). Исследовательские центры США, в первую очередь исследовательская корпорация РЭНД («Рисерч энд девелопмент»), а также отдельные ученые на протяжении 60-х годов разработали ряд программ «контрпартизанских» действий. Одной из наиболее ранних является программа «урбанизации» (или создания «стратегических поселений»), основанная на опыте французских войн в Индокитае и Алжире, английской — в Малайе⁵⁴.

Американские войска во Вьетнаме провели ряд программ, основанных на положениях доктрины «контрпартизанской» войны. Среди них военные программы: «поиск и разрушение» (против партизанских баз), «умиротворение» (вытеснение партизанских отрядов из определенных местностей и в определенной последовательности), «электронный барьер» (применение радиоэлектронных средств и авиации для контроля за передвижениями в определенных зонах), «лишение укрытий» (применение гербицидов и дефолиантов); секретные операции: программа «Феникс» (уничтожение «инфраструктуры» партизанских соединений с помощью специальных отрядов), создание «секретных армий» (типа отрядов Ванг Пао в Лаосе); пропагандистские программы: «завоевание умов и сердец» (активная контрпропаганда, помощь войск США местному населению), «закон и порядок» (установление временной или постоянной администрации в «умиротворенных» районах, проведение некоторых реформ) и т. п.

Провал интервенции во Вьетнаме и невозможность достижения военной победы в борьбе против Народных во-

оруженных сил освобождения (НВСО) Южного Вьетнама вызвали дальнейшую поляризацию точек зрения среди тех американских ученых и политических деятелей, кто еще поддерживал доктрину «контрпартизанской» войны. Один из американских исследователей проблем «контрпартизанских» войн Дж. Тэнхем в докладе на конференции «Политика США и „национально-освободительные войны“», организованной в марте 1971 года Национальным стратегическим информационным центром и Институтом международных отношений в Эрли, отмечал: «Ответственные лица, которые служили во Вьетнаме или занимались исследованиями этой войны и случаев повстанческих действий меньшего масштаба, сильно расходятся в оценках относительно методов борьбы с партизанами, причем некоторые специалисты занимают диаметрально противоположные позиции. Многие, например, думают, что против повстанческих движений следует бороться с помощью улучшений в социально-экономической области. Другие считают, что единственным ответом на эти движения является сила»⁵⁵.

Разумеется, критерием проверки концепций этой доктрины послужила практика американской интервенции во Вьетнаме. Однако известное влияние на ее кризис оказала и либеральная критика в США в адрес политики администрации в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Одним из наиболее веских доводов в этой критике был тот, что доктрина «контрпартизанской» войны, в особенности на первых этапах своего развития, рассматривала борьбу против национально-освободительных революций как в сущности «техническую» проблему. Критики отмечали, что такой подход к решению задач борьбы против повстанческих движений в принципе был обречен на неудачу, так как не учитывал, что партизанское движение — это прежде всего социально-политический феномен.

В начале 70-х годов односторонность этой доктрины, ориентирующейся на грубое применение вооруженной силы, стала очевидной и для многих умеренных американских исследователей, которые прежде возлагали на нее большие надежды. Известный американский специалист по проблемам стратегии Б. Броди в статье «Почему мы сделали стратегическую ошибку во Вьетнаме» отметил как одну из причин этой «ошибки» увлечение военно-техническими и пренебрежение социально-политическими ас-

пектами интервенции со стороны тех военных и политических руководителей, которые принимали решения.

**Социологические
исследования
конфликтов
и их роль в форми-
ровании политики**

Доктрина «контрпартизанской» войны в период своего зарождения в сущности основывалась на концепциях теории «заговора» и считала возможной ликвидацию конфликтных ситуаций в развивающихся странах путем военного разгрома революционных и освободительных движений. Однако далеко не все в академических и политических кругах США с самого начала придерживались аналогичной точки зрения. Отдельные исследователи считали необходимой более глубокую и изошренную разработку проблем борьбы против национально-освободительного движения в целом и партизанских войн как весьма важного звена этого движения. Главную роль среди исследователей такого толка играли сначала «либералы» (Э. Ахмад, Р. Барнет, И. Стоун), а впоследствии их поддерживали и специалисты-социологи умеренно-консервативного толка.

Социологические исследования в разработке и формировании политики США в отношении конфликтов в Азии, Африке и Латинской Америке начали играть определенную роль в середине 60-х годов, когда в этой политике обнаружились некоторые очевидные провалы и неудачи (провал конфронтации с Кубой в 1961—1962 гг., невозможность добиться победы в гражданской войне в Лаосе в 1959—1962 гг., провал «особой войны» в Южном Вьетнаме в 1961—1963 гг.). Некоторые самые общие идеи социологического подхода к анализу процессов, происходящих в развивающихся странах, были сформулированы в коллективной монографии под редакцией Г. Олмонда и Дж. Коулмэна, посвященной проблемам политической борьбы в развивающихся странах⁵⁶. Авторы этой книги одни из первых попытались взглянуть на конфликтные процессы в развивающихся странах как на следствие определенных внутренних противоречий и сформулировали исходные положения, на основе которых американские социологи предложили несколько прикладных программ социологического обследования развивающихся стран.

Центральное место среди этих программ занимает известный проект «Камелот», разработанный Отделом исследований специальных операций Американского университета (Вашингтон) по заказу Пентагона для обследо-

дования 23 стран мира, главным образом в Латинской Америке, Азии и Африке, с целью выявления возможных внутренних конфликтных ситуаций. Авторы проекта предполагали обратить внимание на различные группы населения, их идеологию, образ и уровень жизни, политические настроения, их склонность к «подрывной» деятельности; на вооруженные силы, службу безопасности, полицию; а также на экономическое положение этих стран и тенденции его развития. На основании этих данных авторы проекта «Камелот» собирались оценивать возможности возникновения «внутренней войны» и наметать пути ее подавления, включая вооруженное вмешательство США при определенных условиях. Как известно, этот проект получил скандальную огласку в США и за границей, и его осуществление было в значительной мере сорвано. В ходе специального расследования в сенате обнаружилось, что в июле 1964 года Управление исследований сухопутных войск США создало Информационный центр анализа подрывной деятельности для «сбора, хранения и анализа данных, касающихся повстанческих и противоповстанческих ситуаций в специфических географических районах». Перед центром была поставлена задача собирать за границей материал социологического характера. Этот центр и создал Отдел исследований специальных операций при Американском университете для прикрытия деятельности военных в области социологических исследований⁵⁷.

Активный сбор социологической информации в развивающихся странах обеспечил возможность разработки теории «политического развития», которая большое внимание уделила проблематике конфликтов в этих странах. Главным элементом в этой теории была оценка «политического развития» освободившихся государств как «антикоммунистической и проамериканской стабильности»⁵⁸. В сущности теория «политического развития» рассматривала в качестве основной задачи США в развивающихся странах создание там условий, благоприятных для их эволюции по пути буржуазного реформизма с репрезентативной демократией, партийным плюрализмом, политической стабильностью и устойчивой экономикой. В связи с этим она рассматривала все факторы, способные дестабилизировать обстановку в развивающихся странах с социально-политической точки зрения, видя в них следствие общего состояния развивающихся обществ.

Ведущее место среди теоретиков «политического развития» занимают С. Хантингтон (им написан капитальный труд «Политический порядок в меняющихся обществах») и авторы коллективной работы «Кризисы и последствия в политическом развитии» Л. Байндер, Дж. Колмэн, Дж. Лапаломбара, Л. Пай, С. Верба и М. Вайнер⁵⁹. Книга профессора Йельского университета, бывшего сотрудника РЭНД и нынешнего редактора журнала «Форин полиси» С. Хантингтона была опубликована в 1968 году. В этой книге он поставил перед собой несколько целей: во-первых, исследовать внутренние причины и условия, при которых возникают кризисы в развивающихся странах, приводящие к политическим конфликтам; во-вторых, исследовать формы государственного управления, сложившиеся в развивающихся странах, и их роль в становлении общественных отношений и, в-третьих, формы различных внутренних конфликтов, способы и средства смены власти в развивающихся странах. Исследуя причины возникновения различных кризисов и конфликтов в этих странах, С. Хантингтон широко применил статистический анализ: доход на душу населения, уровень образования, темпы экономического роста и т. д. В результате он пришел к выводу о том, что положение в наиболее «бедных» и экономически отсталых странах потенциально наиболее взрывоопасно для США.

Этот вывод Хантингтона о существовании прямой зависимости между уровнем «бедности» и «конфликтным потенциалом» перекликается с выводами многих других американских исследователей: профессора Массачусетского технологического института М. Миликена, известного исследователя экономики развивающихся стран Ч. Вульфа, Э. Митчелла и др. Совпадает он и с выводами Р. Макнамары⁶⁰.

Установив прямую связь между уровнем «бедности» в странах Азии, Африки и Латинской Америки и состоянием политической стабильности, С. Хантингтон исследует типы политической власти в развивающихся странах с точки зрения их соответствия задачам «модернизации». Он считает, что лишь «репрезентативные» режимы, опирающиеся на буржуазно-демократическую систему власти, способны справиться с проблемами «бедности» и содействовать стабильной эволюции развивающихся стран. Различные же «экзогенные» системы власти, к которым он относит как революционные движения, так и фашистские

режимы, военные диктатуры и т. п. (автор произвольно объединяет эти системы власти под тем предлогом, что они учреждаются путем насильственного переворота), с решением этих проблем справиться неспособны. Таким образом, автор решительно выступил как против поддержки Соединенными Штатами марионеточных режимов типа Ли Сын Мана или Нго Динь Дьема, так и против революционно-демократических режимов в развивающихся странах. В этом Хантингтон искал ответ на ту лавину критики, которая раздавалась в научных кругах по поводу системы зависимых режимов, созданной Вашингтоном в развивающихся странах. «Значительно более серьезным последствием воинственных пятидесятых годов, — писал, например, сотрудник Йельского университета Т. Фарер, — является сложная система мер по обеспечению безопасности, которая часто видит в революционном движении или нападении извне причину для вмешательства США. Иными словами, в противоположность традиционным соглашениям о взаимной обороне, по которым два или более государств соглашаются защищать друг друга от нападения извне, Соединенные Штаты обязались защищать определенные режимы как от иностранных противников, так и от конкурирующих политических сил внутри страны»⁶¹.

Анализируя движущие силы конфликтов в освободившихся странах, С. Хантингтон признал, что причин для их возникновения более чем достаточно. И дело здесь, по его мнению, вовсе не в «коммунистическом заговоре», а в более сложных и глубоких явлениях, определяющих всю совокупность проблематики политической борьбы. В связи с этим Хантингтон признает закономерность таких процессов, как борьба за «участие в руководстве», за «инновации», «стремление к политическим переменам» и т. п., считая их естественной реакцией «здоровых» политических сил на положение «политического застоя» в развивающихся странах, сложившееся в результате их экономической и социальной отсталости.

Теория «политического развития» представляет еще одну попытку построить комплексную модель ситуации в странах Азии, Африки и Латинской Америки с учетом их экономических, политических, культурных и прочих социальных параметров. Эта модель в сущности правильно рассматривала в качестве основы политической неустойчивости развивающихся стран их общую отста-

лость, однако основным источником кризисов и конфликтов считала как отдельные аспекты политики США (их прямое вмешательство во внутренние дела), так и борьбу революционных сил стран Азии, Африки и Латинской Америки. Отсюда и ее рекомендации американскому политическому курсу сосредоточить внимание на проблемах обеспечения стабильной эволюции этих стран по капиталистическому пути и оказать решительную помощь «жизнеспособным» силам и режимам в этих странах, нацелив острие этого политического курса не на самостоятельное вмешательство в конфликтные ситуации, а на создание благоприятной обстановки, в которой «здоровые» силы сами обеспечили бы эволюцию своих стран в нужном для США направлении. Это направление в теории «политического развития» было обозначено категорией «политического порядка», которая, по оценке американского исследователя М. Кессельмана, отнюдь не нейтральна: она возлагает ответственность за «беспорядки» на те силы в развивающихся странах, которые выступают против «эволюционного» развития по пути капитализма⁶².

Теория «политического развития», как неизмеримо более изощренное средство политики США, существенно перенацеливала эту политику с курса на грубое вооруженное вмешательство в сторону активной поддержки проимпериалистических сил в развивающихся странах и оказала на рубеже 70-х годов большое влияние на эволюцию стратегии «перехвата революций». Многие идеи этой теории были заимствованы и развиты «доктриной Никсона», сформировавшей новый подход США к проблемам конфликтов в развивающихся странах (принцип партнерства и опоры на собственные силы для «дружественных» США стран). На основе ее идей были разработаны некоторые программы прикладного характера, обеспечившие действия внешнеполитических органов США в локальных конфликтных ситуациях. Например, на этой основе была разработана система «индикаторов опасности» для развивающихся стран (индикаторы «подготовки восстаний»), которая принята на вооружение Национальным стратегическим информационным центром, входит в программу обучения в Академии контрпартизанской войны в Форт-Брагге и распространена в заграничных службах министерства обороны и ЦРУ. Суть этой системы состоит в том, что на основе количественной оценки степени интенсивности различных показате-

лей «предкризисной» ситуации (студенческие волнения, действия различных групп военнослужащих, политических партий и т. п.) делается попытка прогнозирования возможности возникновения политических конфликтов в разных странах, представляющих интерес для США, и разработки предварительных решений⁶³.

Другим результатом воздействия теории «политического развития» в 70-х годах можно считать появление ряда концепций, в которых уделялось внимание изучению отдельных аспектов конфликтов и кризисов в развивающихся странах. Так, появились исследования, в которых делалась попытка изучить влияние обострения «сырьевого голода» на мировом капиталистическом рынке на конфликты между развивающимися и развитыми капиталистическими странами. Такие исследования проводились в Массачусетском технологическом институте группой ученых под руководством Назли Шукри⁶⁴. Сторонники этого направления сделали вывод о том, что Соединенные Штаты должны быть готовы столкнуться с рядом серьезных конфликтов вследствие обострения сырьевых проблем. Сотрудник Йельского университета Э. Вудхауз, в работе, посвященной влиянию экологических проблем на политику развивающихся стран, также приходит к выводу, что истощение ресурсов в развивающихся странах вследствие их эксплуатации международными монополиями и высокие темпы роста населения в Азии, Африке и Латинской Америке без соответствующего прироста производства должны привести к появлению конфликта между развивающимися странами и более «зажиточными» нациями⁶⁵.

Другая группа исследований, появившихся на основе теории «политического развития», анализирует различные внутренние аспекты эволюции развивающихся государств: административные, национально-этнические, территориальные и т. п. Один из сторонников этого направления сотрудник Йельского университета У. Коннор отмечает, что из 132 освободившихся государств только 12 являются «гомогенными» с этнической точки зрения (состоят из одной национальности), в 31—самая многочисленная национальность составляет от 50 до 70% населения; в 89—доля самой крупной этнической группы колеблется между 75 и 90% населения⁶⁶. Для развивающихся стран, считает У. Коннор, при их низком уровне экономического развития, слабой административ-

ной системе, больших различиях в уровнях жизни разных социальных групп проблема сохранения государственности является одной из острейших политических проблем. Автор приводит примеры Кипра, Нигерии, Индии, Судана, Гайаны, Пакистана, в которых проблема сохранения национального единства была причиной неоднократных конфликтов и внутренних распрей. Отдельными аспектами этой проблемы занимался и М. Вайнер, который построил описательную модель конфликтов внутри развивающихся стран и между ними на почве этнических разногласий («македонский синдром») ⁶⁷. М. Вайнер попытался использовать опыт конфликтов между балканскими странами из-за македонской проблемы в начале XX века для построения формализованной модели этнического конфликта в развивающихся странах. В этих исследованиях острота национального вопроса в развивающихся странах намеренно преувеличена в целяхощернения сепаратистских тенденций.

Социологические исследования и теории оказали заметное влияние на разработку политического курса США в отношении конфликтов в развивающихся странах в первой половине 70-х годов. Кризис методов вооруженного вмешательства в связи с провалом американской интервенции во Вьетнаме и полной победой национально-освободительного движения в Южном Вьетнаме в 1975 году содействовал росту интереса к более «респектабельным» средствам реагирования США на политические конфликты в развивающихся странах. Социологические теории и концепции, рассматривавшие эти проблемы в более широком социально-политическом контексте, на этом этапе в значительной степени отвечали потребностям политического курса.

В целом доктрины и концепции политики США в отношении конфликтов в развивающихся странах оказали большое влияние на ее формирование. Правящие круги США пошли на широкое привлечение ученых к разработке способов борьбы против национально-освободительного движения народов. Участие научных работников и исследователей в разработке этой политики, широкий поиск оптимальных решений и способов достижения целей США в развивающихся странах в определенной степени содействовали усилению гибкости американского политического курса в этих странах. Однако решение главных проблем политического курса США по отноше-

нию к конфликтным ситуациям и в этом случае не было достигнуто. Большинство рекомендаций по разработке политического курса США в период войны во Вьетнаме, которая превратилась, по оценке английского ученого М. Десаи, в «самую крупную междисциплинарную программу прикладных исследований социальных наук»⁶⁸, не оправдали себя на практике и не предотвратили американского поражения в Индокитае. Как считает Г. Моргентхау, вместо трезвого анализа ситуации и возможностей США эти ученые стремились «оправдывать политику правительства, осеняя ее видимостью объективной истины»⁶⁹. К настоящему времени роль большинства предложенных учеными рекомендаций по проведению политики в отношении конфликтов в развивающихся странах снизилась, хотя они и продолжают оставаться важным элементом процесса разработки официального политического курса США.

При анализе всей совокупности факторов, определяющих политику США в отношении конфликтов в развивающихся странах, обращают на себя внимание две тенденции в формировании этой политики. С одной стороны, это — тенденция к жесткой конфронтации с национально-освободительным движением, к прямым формам вооруженной борьбы против народов развивающихся стран под влиянием традиций интервенционизма, факторов идеологического характера, а также соображений военно-политической стратегии. Правящие круги США в течение длительного времени воспринимали конфликтные ситуации в освободившихся государствах главным образом как объект военной политики и стремились к разрешению этих ситуаций в свою пользу с помощью вооруженной силы. Эта тенденция проявилась в «конфликтообразующем» воздействии американской политики на положение в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Многолетняя агрессия американского империализма в Индокитае, нападения на Ливан в 1958 году и Доминиканскую Республику в 1965 году — прямое следствие ее развития.

Вместе с тем среди определенной части американских политических кругов под влиянием перемен в соотношении сил на мировой арене, поражения США в Индокитае окрепло убеждение в том, что конфликты в развиваю-

щихся странах — проблема не столько военного, сколько политического характера. Эти круги отстаивали другой, более осторожный подход и в большей степени ориентировались на «конфликтоподдерживающий» образ действий, на использование конфликтов в развивающихся странах в интересах США, но без прямого вмешательства с их стороны.

Борьба между двумя тенденциями характерна для всего процесса формирования политики Соединенных Штатов в отношении конфликтов в развивающихся странах в послевоенный период. Большое влияние на этот процесс оказывали и некоторые конкретные факторы конъюнктурного характера: региональные интересы США, которые определяли специфику их поведения в отдельных районах Азии, Африки и Латинской Америки; борьба внутри политических кругов США между разными группировками, каждая из которых отстаивала собственные интересы в конкретном конфликте (например, борьба между сторонниками и противниками интервенции в Индокитае во второй половине 60-х годов); состояние самой конфликтной ситуации в определенный промежуток времени и др.

Выход значительной части политических кругов США в первой половине 70-х годов на позиции, с которых они рассматривают эти конфликты как важную политическую проблему, где прямое применение вооруженной силы должно иметь ограниченный характер, представляет собой важный этап, завершающий определенную эволюцию политики США. Снижение влияния факторов идеологического характера, вынужденный отказ от претензий на роль «мирового полицейского», попытки найти более эффективные средства косвенного вмешательства во внутренние дела развивающихся стран и использовать конфликтные ситуации для укрепления своих позиций показывают, что в формировании политики США произошли определенные перемены. Их причины, общее направление и характер раскрываются при анализе эволюции конкретного политического курса Соединенных Штатов по отношению к конфликтным ситуациям в послевоенные годы.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ КОНФЛИКТОВ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ В 1945—1970 ГОДАХ

Выделение периода 1945—1970 годов в эволюции политики США в отношении конфликтных ситуаций в развивающихся странах оправдано тем, что на его протяжении можно проследить развитие и кризис главной линии в этом политическом курсе — линии на прямое вооруженное вмешательство: от «ограниченных» форм во второй половине 40-х годов, в целом не выходявших за рамки традиционного интервенционизма, до крупномасштабной интервенции в Индокитае, сокрушительный провал которой вызвал крупный внешнеполитический кризис и сыграл заметную роль в пересмотре некоторых основ общего курса США на международной арене. Это обусловило определенную целостность данного направления внешнеполитического курса США в рамках рассматриваемого периода и позволяет выявить в его эволюции некоторые основные этапы и закономерности.

Ретроспективный взгляд на эволюцию политики США в отношении конфликтов в развивающихся странах выделяет в ней три главных этапа:

— 1945—1950 годы, когда политика США в отношении конфликтов в развивающихся странах еще определялась главным образом традиционным подходом их правящих кругов к проблемам вооруженного интервенционизма и соображениями межимпериалистического соперничества в колониальных и зависимых странах;

— 50-е годы, для которых характерно распространение на общий политический курс США в бывшем колониальном мире стратегии «сдерживания» и в течение которых происходило повсеместное вовлечение США в конфликтные ситуации с целью воспрепятствовать борьбе народов против колониализма. Главной чертой этого эта-

па является развитие острого противоречия между политикой Соединенных Штатов Америки и национально-освободительным движением;

— 60-е годы, когда политика США по отношению к конфликтам в развивающихся странах становится важнейшим направлением американского внешнеполитического курса, «пиком» в развитии которого явилась вооруженная интервенция в Индокитае и ее сокрушительное поражение.

Данная периодизация совпадает с принятой в советской литературе периодизацией политики США в целом в отношении развивающихся стран¹. Во многом это объясняется тем, что в течение рассматриваемого периода политика США по отношению к конфликтным ситуациям в развивающихся странах занимала одно из главных мест в их общем политическом курсе в этих районах мира. Не менее важным моментом в эволюции этой политики была и ее тесная связь со стратегией борьбы против мира социализма. Оба компонента определяли существенное влияние этого направления политики США на положение в развивающихся странах и международную обстановку в целом.

Политика США в отношении конфликтов в странах Азии, Африки и Латинской Америки (1945—1950 гг.)

Когда в сентябре 1945 года окончилась вторая мировая война, положение в колониальном мире продолжало оставаться крайне напряженным. Острые политические конфликты, перераставшие в вооруженные столкновения, сотрясали мир колониальных и зависимых стран. В Корее, Китае, Индокитае, Бирме, Малайе, на Филиппинах, в Индонезии, Индии, Иране, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Мадагаскаре, в Кении, в странах Латинской Америки народы поднялись на борьбу против колониализма и империализма, за проведение социально-экономических преобразований, демократизацию общественной жизни и более передовые формы общественного развития.

Отношение правящих кругов США к этим освободительным процессам сразу после окончания войны было неоднозначным. С одной стороны, США были озабочены

проблемами консолидации своих позиций в тех странах, которые, по расчетам Вашингтона, должны были войти в американскую «сферу влияния». Определенную тревогу вызывало в США и усиление освободительных процессов в странах Латинской Америки под влиянием разгрома фашизма и усиления позиций мировой системы социализма. С другой — США проявляли известную осторожность по отношению к национально-освободительным революциям в колониях европейских держав, так как надеялись воспользоваться ослаблением системы колониальных владений в целях укрепления позиций своего капитала в зависимых странах.

Если освободительная борьба народов Китая, Кореи, Филиппин, Парагвая вызывала серьезное беспокойство в Вашингтоне, то в конфликтных ситуациях в Индокитае, Индонезии, Малайе, в Алжире, на Мадагаскаре и в некоторых других странах США предпочитали занять гибкую позицию, позволяющую им маневрировать между солидарностью с другими империалистическими государствами и политикой заигрывания с национально-освободительным движением. Интересы неокOLONиальной политики в то время уже начинали рассматриваться в США сквозь призму глобальных планов правящей верхушки, которые побуждали ее сосредоточить особое внимание на странах и регионах, расположенных по периметру границ СССР. Поэтому в системе региональных приоритетов политического курса США сразу же после войны определилось исключительное значение Европы, Дальнего Востока, стран Ближнего и Среднего Востока.

Особо активная и глубокая вовлеченность в Европе и на Дальнем Востоке вынуждала правящие круги США согласиться на «стабилизацию» колониального мира с помощью колониальных держав и поддержать их попытки сохранить позиции в некоторых освободившихся колониях. В то же время США уже в 1945—1946 годах были готовы вмешаться в дела тех стран, в которых, по их мнению, намечалось противоборство с Советским Союзом (Китай, Корея, Турция, Иран), и в тех случаях, которые представляли возможность усиления американских позиций в стратегически важных районах мира (Ближний Восток, Юго-Восточная Азия).

В *Южной Корее* политический курс администрации Трумэна был направлен на создание марионеточного режима и включение всей страны в американскую «сферу

влияния». Высадившиеся для принятия капитуляции японских войск на юге Кореи американские войска приступили к ликвидации народных комитетов, которые, по признанию командующего оккупационными войсками генерала Д. Ходжа, «успели полностью организовать и в той или иной мере взять власть в свои руки»². Американская военная администрация оказала помощь прибывшему в октябре 1945 года в страну Ли Сын Ману в захвате власти. На Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 года США предложили проект решения по Корее, который предусматривал ее превращение в подмандатную территорию. Советское правительство в ответ предложило вывести все иностранные войска из Кореи и предоставить корейскому народу возможность самому решать свои дела. США и Англия были вынуждены принять советское предложение; однако после Московского совещания Соединенные Штаты приступили к созданию плацдарма вооруженной агрессии на юге Кореи с целью насильственного объединения страны под собственным контролем. Так определились основные контуры корейского конфликта, приведшего к войне 1950—1953 годов.

На *Филиппинах* США приступили к созданию республики неокOLONиального типа путем передачи власти в руки феодално-помещичьих и компрадорских элементов, а также к восстановлению позиций американских монополий с помощью ряда неравноправных соглашений, беспощадно подавляя при этом освободительное движение Коммунистическая партия Филиппин, распустившая после войны отряды Народной антияпонской армии («хукбалахап»), перешла к тактике легальной парламентской борьбы, направленной на достижение подлинной независимости страны, против системы договоров и соглашений между Филиппинами и США. Реакционное правительство страны при поддержке США развернуло кампанию жесткого подавления оппозиции, включавшей помимо компартии демократические организации рабочих, крестьян и мелкой буржуазии. Правительственные войска и «гражданская гвардия» частных землевладельцев начали вооруженный террор против прогрессивных сил. Недовольство филиппинцев тяжелым экономическим положением, политикой правительства и массовым террором вылилось в вооруженную борьбу. Были воссозданы отряды «хукбалахап», а в 1948 году сформирована Армия националь-

ного освобождения. В январе 1950 года коммунистическая партия призвала народ к вооруженному восстанию, свержению проимпериалистического марионеточного режима и завершению буржуазно-демократической революции.

На Филиппины были в срочном порядке посланы чрезвычайные военная и экономическая миссии США. Была разработана программа мер для стабилизации экономики страны, заключено соглашение об экономической помощи (соглашение Кирино—Фостера 1950 г.), совершены перестановки в правительстве (в частности, на пост министра обороны, а затем президента страны был выдвинут Р. Магсайсай). Наибольший упор был сделан на оказание широкой военной помощи, включая реорганизацию и значительное увеличение филиппинских вооруженных сил под руководством расширенной группы американских военных советников, а также создание руководимого ЦРУ аппарата разведки. В результате широкого объединенного контрнаступления США и филиппинской реакции вооруженная борьба хуков потерпела поражение и национально-освободительному движению в целом был нанесен серьезный удар.

Стремясь к усилению своих позиций в *Юго-Восточной Азии*, США попытались использовать конфликт в Индокитае между ДРВ и Францией. В сентябре 1945 года они продемонстрировали символическую готовность поддержать независимость ДРВ (отказались предоставить свои корабли для перевозки французских войск). Руководству ДРВ была обещана политическая поддержка в обмен на гарантии свободы деятельности американских капиталов в стране. Отказ руководства республики от сотрудничества с США на предложенных условиях привел к тому, что интерес Вашингтона к «поддержке» ДРВ исчез. В то же время США вмешались в конфликт между Голландией и Индонезией, и под их давлением Голландия согласилась в 1947 году передать вопрос о предоставлении независимости Индонезии на обсуждение в ООН. Как считает историк Г. Колко, «гибкая» позиция Сукарно по вопросам иностранных (не голландских) капиталов в Индонезии и явилась главной причиной «поддержки» Вашингтоном независимости Индонезии³.

На *Ближнем Востоке* США активно вмешались во внутренние дела Турции и, поддержав наиболее реакционное крыло турецких политических кругов, содейство-

вали обострению советско-турецких отношений. Аналогичную позицию они заняли и в Иране, поддержав антисоветские происки Великобритании⁴. Одновременно они попытались использовать конфликтную ситуацию в Палестине для усиления своих позиций в арабских странах Ближнего Востока. Помимо соображений соперничества с Англией в этом районе на позицию Вашингтона уже в те годы известное влияние оказали американские сионистские организации. Под воздействием обоих факторов политические круги в США отрицательно отнеслись к попытке феодальных и полуфеодальных арабских режимов разгромить Израиль, оказали ему помощь в первой арабо-израильской войне, а также попытались занять позицию посредника в переговорах между обеими сторонами. Вовлечение в арабо-израильский конфликт в 1947—1949 годах в основном на стороне Израиля и стремление использовать его в целях усиления собственных позиций, как считал бывший американский посол в Саудовской Аравии П. Харт, привели к тому, что Соединенные Штаты с самого начала «не нашли своего места в ближневосточной ситуации» и содействовали дальнейшему углублению ближневосточного конфликта⁵.

В конфликтных ситуациях этого периода правящие круги США не считали выгодным для себя идти на широкое вооруженное вмешательство. Даже в тех случаях, когда их интересы требовали вооруженного вмешательства, они предпочитали прибегать к «ограниченным» средствам, как правило, используя флот и морскую пехоту. В марте 1946 года в Турцию был направлен линкор «Миссури» для демонстрации заинтересованности США в победе правых сил в стране. С октября 1946 года подразделения американских ВМС постоянно дислоцировались в Средиземном море. В марте 1947 года после заявления Трумэна о помощи Турции и Греции военноморская эскадра США, включавшая авианосец «Лейте», посетила греческие порты. Большую активность проявили ВМС и на Ближнем Востоке в период арабо-израильской войны 1947—1949 годов. В 1948 году было сформировано специальное командование американских ВМС в Персидском заливе⁶. Все эти акции не выходили за рамки привычного для американских правящих кругов образа действий.

Характерным эпизодом для этого периода в политике США по отношению к конфликтам в развивающихся стра-

нах является их отказ от широкомасштабного вмешательства в гражданскую войну в Китае. США, конечно, оказали огромную военную помощь чанкайшистскому режиму, поставив ему в 1945—1949 годах вооружений на сумму в 6 млрд. долл. Активную помощь оказали американские войска чанкайшистам и в боевых действиях против вооруженных сил КПК в Северо-Восточном Китае в 1945 году⁷. Неоднократно США пытались вмешиваться с помощью флота в ход гражданской войны и после вывода американских сухопутных войск из Китая. Но в конечном счете они все же не пошли на широкое военное вмешательство, и это весьма показательно для анализа всей эволюции их политики по отношению к конфликтам в развивающихся странах. Масштабы Китая и событий, происходивших в нем в 1946—1949 годах, активная помощь и поддержка со стороны Советского Союза Коммунистической партии Китая и Народно-освободительной армии (НОАК), разумеется, превращали проблему реакции Вашингтона на войну в Китае в весьма сложный вопрос. Это видно и по ожесточенной борьбе в политических кругах США вокруг проблем вмешательства в Китае.

Сторонники решительного военного вмешательства (группировка «Азия прежде всего», опиравшаяся главным образом на республиканскую партию и военные круги) требовали направить сухопутные войска в Китай для разгрома коммунистов. Более умеренные политические деятели (наиболее активным их сторонником в кругах администрации был Дж. Кеннан) считали, что США не должны ввязываться в затяжную войну на азиатском материке, в то время как им предстоят более «главные» задачи в Европе. В борьбе этих двух группировок победили противники интервенции. Как отмечалось в советских исследованиях этой проблемы, «интересы правящих кругов США, озабоченных необходимостью противостояния силам социализма в глобальном плане, вступили в противоречие с частными интересами отдельных монополистических группировок»⁸. Для правящих кругов США на том этапе было очевидно несоответствие их ресурсов и задач, которые встали бы перед ними как в Европе, так и в Азии, если бы они рискнули пойти на широкую интервенцию в Китае.

Понимание этого несоответствия и упор на метод косвенного вмешательства прослеживаются в действиях администрации Трумэна и в других конфликтных ситуациях

конца 40-х годов (поддержка антисоветизма в Турции, серия проамериканских переворотов и фальсифицированных выборов в Сирии, вмешательство в Латинской Америке). Стремление использовать косвенные формы вмешательства в конфликтные ситуации в развивающихся странах и избегать прямого участия в них в тот период проявилось в решении президента Трумэна передать многие функции по реагированию на эти ситуации созданному в 1947 году Центральному разведывательному управлению. На ЦРУ специальной директивой Совета национальной безопасности 1948 года было возложено проведение «специальных операций» в развивающихся странах. Контролировал эти операции комитет, созданный из представителей госдепартамента, Пентагона и ЦРУ, который оценивал их пригодность с точки зрения «большой политики». Этот комитет (именовался также «комитет 40») в последующем принимал окончательные решения по многим вопросам политики США в различных кризисных ситуациях: при свержении правительства Моссадыка в Иране в 1953 году, интервенции наемников в Гватемале в 1954 году, развертывании секретной войны в Лаосе в середине 50-х годов, организации вторжения наемников на Кубу в 1961 году и т. п.⁹

Однако этот подход в сущности противоречил духу «доктрины Трумэна» и общей перестройке внешнеполитического курса США на ее основе. Растущая вовлеченность США в мировые дела под лозунгом антикоммунистического «крестового похода», создание военных группировок (ОАГ в 1947 г. и НАТО в 1949 г.), требования военных кругов — все это не могло не сказаться и на пересмотре правящей верхушкой США отношения к борьбе народов Азии и Африки против колониального господства. Большую роль здесь сыграла и позиция союзников США по НАТО из числа колониальных держав, которые поставили вопрос об оказании им американской помощи на ведение колониальных войн. Решающий перелом в политике США по отношению к конфликтным ситуациям в развивающихся странах наступил в 1949—1950 годах под воздействием победы революции в Китае, когда наиболее видные представители республиканской партии (Даллес, сенаторы Ноулэнд, Маккарти и другие) начали ожесточенную кампанию против администрации Соединенных Штатов Америки, обвинив ее в «капитулянтстве».

Летом и осенью 1949 года администрация приступила к серьезному пересмотру дальневосточной политики, уделяя основное внимание конфликтным ситуациям и «горячим точкам» в Восточной и Юго-Восточной Азии. Результаты этого пересмотра были сформулированы государственным секретарем Д. Ачесоном 12 января 1950 г., когда он выступил по вопросу «о слабых звеньях в американской обороне на Дальнем Востоке» и высказался в пользу более активного вмешательства в войну в *Индокитае*. После этого выступления Совет национальной безопасности принял резолюцию № 64, где была поставлена задача «защиты интересов США в Индокитае». Как стало известно уже после публикации «секретных документов» Пентагона, в соответствии с резолюцией Совета национальной безопасности была разработана программа целей и действий США в Индокитае. Стратегической целью политики США по отношению к индокитайскому конфликту в этой программе объявлялась всемерная помощь Франции и баодаевскому режиму в борьбе против «коммунистов». Соединенные Штаты начали оказывать военную помощь Франции для ведения войны в Индокитае: только за конец 1950 и весь 1951 год она составила 119 млн. долл.¹⁰

Переход правящих кругов США на позиции жесткой конфронтации с национально-освободительными движениями связан с агрессией в *Корее*, которая прямо свидетельствовала о наступлении нового этапа в американской политике в странах Азии. Связь агрессии в Корее с эволюцией политики США по отношению к развивающимся странам, в том числе и к конфликтам в этих странах, проявилась в двух важных аспектах: первый — это то, что США стали рассматривать страны Азии, а затем и Африки не как поле соперничества с колониальными державами, а как свой стратегический тыл в конфронтации со странами социализма. Этому содействовали известная военно-политическая консолидация всего Запада в конце 40-х годов под эгидой США и опасения американских правящих кругов потерять страны Азии и Африки для всей капиталистической системы, что было весьма реально в связи с событиями в Китае, ДРВ и КНДР. Второй аспект влияния событий в Корее на эволюцию политики США в отношении конфликтов в развивающихся странах — готовность прибегнуть к вооруженной агрессии в борьбе против перемен в этих странах. Это

было продемонстрировано в 1950 году во время подавления восстания пуэрториканцев под руководством Движения за независимость Пуэрто-Рико.

Общее изменение позиций США в отношении развивающихся стран на рубеже 50-х годов было тесно связано с переменой образа их действий в конфликтных ситуациях и «горячих точках». Решения Трумэна о вмешательстве в Корею и Индокитае, его приказ 7-му флоту начать патрулирование Тайваньского пролива и усиление вмешательства на Филиппинах явились вехами распространения стратегии «сдерживания» на район Восточной и Юго-Восточной Азии¹¹.

„Сдерживание“ и развивающиеся страны (1950 – 1960 гг.)

Распространение стратегии «сдерживания» на развивающиеся страны привело к тому, что неизмеримо возросла роль конфликтных ситуаций в этих странах для общего политического курса США. Они перешли на позиции лидера колониальных держав в борьбе против национально-освободительного движения, и поэтому наиболее важные конфликтные ситуации в бывшем колониальном мире, соединившие в себе главные проблемы политической обстановки в отдельных регионах, оказались в центре соответствующих региональных направлений политики США. Так определился рост значения войны в Индокитае для американской политики в Юго-Восточной Азии, арабо-израильского конфликта — на Ближнем и Среднем Востоке, индо-пакистанского — в Южной Азии. Роль и значение других, более мелких внутренних или международных конфликтных ситуаций в этих регионах уже оценивались сквозь призму интересов США в этих главных конфликтах.

В 50-х годах Азия стала континентом, где наиболее полно и широко развернулись процессы антиколониальной борьбы. Определенное значение для США имели в этот период и конфликтные ситуации в Латинской Америке, где происходила борьба против реакционных диктатур и зависимости от североамериканских монополий. Значение африканских конфликтов определилось для США лишь к концу этого периода.

Итоги войны в *Корее* оказали весьма своеобразное влияние на политику США в отношении конфликтных ситуаций в странах Азии. Как известно, США не добились военной победы в борьбе против корейского народа и его союзников и были вынуждены согласиться на заключение перемирия 27 июля 1953 г. Однако поражение в Корее вызвало лишь кратковременный рост настроений в пользу противников вмешательства в дела азиатских государств и усилило в долгосрочной перспективе позиции тех, кто желал реванша на азиатском континенте. Это проявилось в позиции военных и правых политических кругов, в характере анализа корейского опыта в американской политологии, тональность которого определялась стремлением Вашингтона извлечь уроки на будущее, чтобы в аналогичных ситуациях, возможность каковых практически никем не оспаривалась, не повторить «ошибок» Кореи.

Одной из важных сторон корейского опыта для американского политического механизма явилась проблема соотношения военных и политических средств при вмешательстве в локальные конфликты. Вначале эта проблема рассматривалась лишь как следствие личных недоразумений между президентом Трумэном и командующим американскими войсками в Корее генералом Макартуром¹², однако со временем на основе анализа опыта войны в Корее был сделан вывод о необходимости всестороннего политического руководства боевыми действиями в «ограниченной» войне. «Президенту Трумэну, — отмечает сотрудник Стэнфордского университета А. Джордж, — пришлось столкнуться с неожиданными и совершенно новыми проблемами в Корее, когда он попытался использовать силу для достижения ограниченных целей и сделать это так, чтобы не вызвать риска превратить этот конфликт в значительно большую войну. В результате, — констатирует А. Джордж, — и гражданские, и военные руководители осознали, что президент должен сохранять контроль над всеми решениями и событиями, которые могут затронуть характер, масштабы и завершение ограниченного конфликта»¹³. Этот вывод содействовал в конечном счете повышению внимания к проблеме локальных конфликтов при разработке и проведении общего политического курса Соединенных Штатов Америки на международной арене.

Корейская война в то же время показала, что при вме-

шательстве США в зарубежные конфликты важной проблемой для администрации является отношение к ним со стороны политических кругов. Война в Корее вызвала сильный резонанс в общественном мнении США; не говоря уже о широких выступлениях демократической общественности против участия США в этой войне, довольно значительная часть политических и деловых кругов также выступила против политики администрации. Проблемы выхода из войны и установления мира в Корее стали одними из главных в президентской избирательной кампании 1952 года. Победа Эйзенхауэра на этих выборах во многом объяснялась его обещанием покончить с этой войной.

Самое непосредственное влияние оказала война в Корее на политику США в отношении конфликтных ситуаций в Восточной и Юго-Восточной Азии. Здесь они с начала 50-х годов перешли на позиции прямого противоборства со странами социализма, а также с национально-освободительным движением на Филиппинах и в Индокитае, оказали известную помощь Англии в Малайе, вовлеклись в индо-пакистанский конфликт, начав оказывать военную помощь Пакистану как участнику блока СЕАТО. После конференции 1955 года в Бандунге, когда определился фронт нейтралистских государств Азии и Африки, США перешли к более активному вмешательству в некоторые внутренние конфликтные ситуации в этих странах (скрытая помощь мятежникам в Индонезии, использование чанкайшистских войск в Бирме против правительства и т. п.).

Центральное место среди этих ситуаций для США в первой половине 50-х годов занял конфликт в *Индокитае*. В монографии Ю. Я. Михеева «Американцы в Индокитае» в достаточной степени исследована политика США в индокитайском конфликте в период 1945—1972 годов. Поэтому в данном случае можно остановиться лишь на нескольких главных моментах, характеризующих эволюцию политики США. Правительство Франции, несмотря на рост американской помощи в 1950—1953 годах, все же склонялось в пользу политического урегулирования конфликта. Это объяснялось как военными неудачами Франции, так и ростом борьбы передовой французской общественности против «грязной» войны в Индокитае. Одним из факторов, противодействующих уходу Франции из Индокитае, было требование США «не уступать коммунистическим силам».

там», подкрепляемое широкой военной помощью. После выступления президента Эйзенхауэра в Сиэттле в августе 1953 года, где он отметил «особое» значение Индокитая для интересов США, было подписано совместное франко-американское коммюнике (30 сентября 1953 г.), содержащее обещание увеличить американскую помощь дополнительно на 385 млн. долл.¹⁴

Реакция политических кругов США на возможность нового военного вовлечения в Азии после неудачной войны в Корее была в целом отрицательной. Зимой 1953/54 года в сенате были организованы специальные слушания по проблемам Индокитая. Выступая на этих слушаниях, бывший директор ЦРУ, а в то время заместитель госсекретаря генерал У. Беделл Смит решительно высказался против возможного вооруженного вовлечения США в случае поражения Франции, считая, что в крайнем случае США должны ограничиться лишь посылкой авиации и флота. Это мнение было преобладающим, хотя французское правительство с января 1954 года настаивало на посылке американских вооруженных сил в Индокитай. После того как в марте 1954 года французские войска были окружены у Дьен Бьен Фу, администрация неоднократно пыталась добиться согласия конгресса на посылку войск во Вьетнам (например, секретное совещание Даллеса и председателя Комитета начальников штабов А. Рэдфорда с руководителями сената и палаты представителей 3 апреля 1954 г.). Пентагон разработал специальный план, по которому авианосцы «Эссекс» и «Боксер», находившиеся в то время в Южно-Китайском море, и самолеты с американских баз на Филиппинах должны были нанести массированный удар по позициям Народной армии Вьетнама, чтобы помочь французским войскам под Дьен Бьен Фу. Предлагая этот план, Рэдфорд прямо заявил, что в случае его принятия США оказались бы в состоянии войны.

Представители конгресса и политических кругов возражали против односторонних действий США в Индокитае и высказались за более широкое привлечение союзников. На переговорах США с Англией и Францией относительно совместных акций в Индокитае союзники заняли отрицательную позицию: Франция, озабоченная обострившейся ситуацией в Тунисе и Алжире, была готова на созыв конференции в Женеве, предложенной Советским Союзом; Великобритания, перед которой стояли пробле-

мы борьбы в Малайе, Кении и других «мятежных» колониях, не могла позволить себе еще одного вмешательства в колониальном мире. У. Черчилль заявил в палате общин 27 апреля 1954 г.: «Великобритания не возьмет на себя никаких обязательств по военным действиям в Индокитае до тех пор, пока не прояснятся результаты совещания в Женеве»¹⁵.

Американское правительство продолжало оказывать давление на Францию, чтобы предотвратить ее «молчаливое согласие на победу коммунистов в Индокитае». Совет национальной безопасности США предложил пригрозить ей прекращением помощи и высказался за продолжение войны силами США и индокитайских «присоединившихся государств», если Франция пойдет на «неудовлетворительное урегулирование». Но правительство Франции приняло решение о прекращении войны. Женевское совещание по индокитайскому вопросу начало свою работу 8 мая 1954 г., на следующий день после капитуляции крепости Дьен Бьен Фу. Эта победа народа Вьетнама повернула ход совещания в сторону более быстрого урегулирования конфликта.

Готовность США к военному вмешательству в Индокитае в 1954 году иллюстрируют господствующие умонастроения администрации республиканцев. По оценке американского историка Т. Хупса, в политическом курсе Даллеса в отношении развивающихся стран был сделан упор на две главные задачи: добиться выгодного урегулирования в Корее, обещанного в период избирательной кампании, избегая каких-либо обязательств по урегулированию других конфликтов в Азии, и создать антикоммунистический барьер на Ближнем Востоке¹⁶. Республиканская администрация намеревалась превратить существовавшие в Азии конфликтные ситуации в точки совокупного противостояния империализма социалистическим странам и национально-освободительному движению, преследуя цели «отбрасывания» коммунизма («домино наоборот»). Перемены в соотношении сил в Азии в пользу социализма, а также недовольство в политических кругах США под влиянием корейского опыта перспективой нового военного вовлечения помешали администрации в 1954 году вмешаться в войну в Индокитае, но в своем общем курсе она тем не менее решительно порвала с политикой маневрирования по отношению к конфликтным ситуациям в развивающихся странах.

Если в Индокитае США относительно быстро перешли к прямой борьбе против национально-освободительного движения, то на *Ближнем Востоке* этот процесс развивался медленнее и сложнее. Стремясь к созданию антикоммунистического блока в этом районе, США пытались опереться на националистические силы в арабских странах. В связи с этим внимание Вашингтона привлекли две главные конфликтные ситуации. Во-первых, здесь обострился конфликт между Великобританией и освободительными движениями в Иране и в арабских странах (партизанская война в зоне Суэцкого канала, действия правительства Моссадыка в Иране против английских монополий); во-вторых, арабо-израильский конфликт, временно урегулированный в 1949 году, продолжал определять отношения между арабскими государствами и Израилем, угрожая планам создания единого военного блока под эгидой США. Поставив своей целью потеснить Англию и Францию на Ближнем Востоке и включить ближневосточные государства в систему глобального противоборства с социализмом, США были намерены использовать антибританские настроения в арабских странах и добиться выгодного для себя урегулирования арабо-израильского конфликта. Решение обеих проблем, с точки зрения американского руководства, во многом упиралось в ситуацию в *Египте*, где зрело острое недовольство широких народных масс феодальным режимом и английским контролем в зоне Суэцкого канала, а после неудачного исхода арабо-израильской войны 1947—1949 годов против режима выступила и армия.

Как свидетельствует один из известных американских специалистов по Ближнему Востоку М. Коплэнд, американская администрация была осведомлена о готовящемся заговоре «молодых офицеров». Созданный в 1951 году под руководством К. Рузвельта секретный комитет сосредоточил свое внимание на «изучении положения дел в арабском мире с особым упором на проблемы арабо-израильского конфликта, для определения основных задач, их очередности и разработки путей их решения, независимо от того, отвечали они общепринятым принципам политики правительства или нет»¹⁷. Основные рекомендации этого комитета включали: сохранение Египта в качестве ключевой страны для осуществления американской политики на Ближнем Востоке, а также содействие созданию в Египте диктаторского (антибританского) режи-

ма, который был бы в состоянии пойти на такую непопулярную в арабском мире акцию, как организация военного блока с участием Израиля. Тем самым США рассчитывали потеснить Англию и одновременно добиться какого-то выгодного для себя решения арабо-израильского конфликта.

После июльской революции 1952 года в Египте внешнеполитическое руководство США сочло, что в лице нового режима оно получило надежного союзника. Однако вскоре выяснилось, что новое руководство Египта и его признанный лидер Г. А. Насер намерены проводить внешнеполитический курс неприсоединения и отрицательно отнеслись к идее создания военного блока на Ближнем Востоке. В этом Дж. Ф. Даллес имел возможность убедиться во время поездки в Египет в мае 1953 года, после чего он был вынужден признать, что перспективы регионального блока на Ближнем Востоке «весьма отдалены». Дальнейшая эволюция американо-египетских отношений такова: отказ США в 1954 году удовлетворить просьбу Египта о военной помощи в связи с ростом агрессивности Израиля и обращение Египта к Советскому Союзу и Чехословакии; отказ США финансировать строительство Асуанской плотины в качестве «репрессии» за это решение и последовавшая за этим национализация Компании Суэцкого канала. Это привело к возникновению затяжного политического конфликта между Соединенными Штатами Америки и Египтом¹⁸.

Недовольство США поворотом событий в Египте вызвало перемену их отношения к положению в *Иране*, где они надеялись использовать борьбу правительства Моссадыка против Англо-Иранской нефтяной компании для укрепления собственных позиций. Иран к тому же имел особое стратегическое значение для США как страна, имеющая общую с СССР границу, поэтому опасения по поводу «насеристского» курса действий иранского правительства в области внешней политики подтолкнули администрацию к решению объединиться с Англией в борьбе против Моссадыка. Была прекращена американская помощь Ирану, а иранская секретная служба во главе с генералом Захеда, находившаяся под контролем американского советника Н. Шварцкопфа, начала готовить антиправительственный заговор. В Иран был направлен К. Рузвельт, организовавший с помощью американской и английской агентуры, а также секретной полиции Ира-

на государственный переворот. К власти пришло новое правительство во главе с генералом Захе́ди. «Вмешательство в Иране в 1953 году с целью свержения премьера Моссадыка, — отмечает Р. Барнет, — было первой успешной попыткой со стороны США свергнуть правительство националистической ориентации в послевоенный период»¹⁹. Другие исследователи политики США также считают, что переворот в Иране сыграл известную роль в ее антинационалистической эволюции. Переворот в Иране позволил Дж. Даллесу приступить к интенсификации планов создания военного блока на Ближнем и Среднем Востоке.

Своим решением отказать Египту в финансировании строительства Асуанской плотины США оказали активное влияние на возникновение суэцкого кризиса осенью 1956 года. Национализация египетским правительством Суэцкого канала в июле 1956 года была воспринята Англией и Францией, которым принадлежал контроль над Компанией Суэцкого канала, как неприемлемый «вызов». Хотя ослабление позиций английского и французского капиталов на Ближнем Востоке в определенной степени отвечало интересам США, в то же время они были заинтересованы оказать давление на Египет. Угрозы со стороны Англии и Франции в адрес Египта и активизация Израиля на египетской границе были расценены в Вашингтоне как удобный предлог для посредничества, в ходе которого можно было и потеснить союзников, и сделать позицию Египта «более уступчивой».

Однако ни союзники США, ни Израиль не были намерены отказаться от планов нанесения военного удара по Египту. После серии переговоров между Англией, Францией и Израилем в октябре 1956 года был разработан план боевых действий, по которому 29 октября израильские войска атаковали синайскую группировку египетских войск и к 31 октября вышли в район канала. Англия и Франция предъявили Египту ультиматум, потребовав передать под их контроль зону канала в целях «обеспечения судоходства». Отказ Египта выполнить это требование послужил предлогом для начала англо-французской интервенции. 6 ноября зона канала была в основном захвачена и интервенты готовились нанести удар по Каиру. Однако последовала нота Советского правительства с решительным предупреждением в адрес агрессоров, и 7 ноября военные действия были прекращены²⁰. В ре-

зультате решительной поддержки Египта Советским Союзом агрессоры были вынуждены вывести войска из зоны канала. В первой половине 1957 года вывел свои войска с Синайского полуострова Израиль. Контроль над каналом остался в руках египетского правительства.

Позиция США по отношению к этому сложному и опасному кризису была весьма осторожной. США не поддержали действий своих союзников, заняли выжидательную позицию во время обсуждения жалобы Египта в Совете Безопасности ООН, а когда стало очевидным, что военный успех Англии и Франции после решительного заявления Советского правительства невозможен, выступили в поддержку Египта. На действия США в этом кризисе решающее влияние оказало предупреждение Советского Союза в адрес агрессоров, хотя одновременно выжидательность их позиции объяснялась и стремлением использовать провал англо-французской интервенции для укрепления своих позиций. До последнего времени оценка действий президента Эйзенхауэра остается предметом спора между американскими историками. Как считает, например, историк Дж. Хастон, эта позиция оказалась «недалновидной», так как среди союзников США «рухнула вера в НАТО и американскую поддержку»²¹. Другие в целом согласны с занятой Эйзенхауэром позицией и считают, что в 1956—1957 годах для американской внешней политики значительно больший вес имела проблема сохранения своих позиций на Ближнем Востоке, а не поддержка союзников²².

Эта приоритетность проявилась в широко известной «доктрине Эйзенхауэра», которая была попыткой США использовать резкое ослабление позиций Англии и Франции в этом районе и поставить его под свой контроль под предлогом борьбы против «коммунистической агрессии». «Доктрина Эйзенхауэра», сформулированная в послании конгрессу 5 января 1957 г. и утвержденная в резолюции конгресса 9 марта, делала упор на готовность США «применить вооруженные силы, чтобы помочь каждой нации или группе наций, попросивших об оказании помощи против вооруженной агрессии со стороны любой страны, находящейся под контролем международного коммунизма»²³. Таким образом, использовав тактику маневрирования в период суэцкого кризиса и ослабление позиций европейских держав, США начали укрепление своих позиций в этом районе с угроз в адрес националь-

но-освободительного движения арабских народов и обещания военной поддержки проимпериалистическим кругам ближневосточных государств.

Особое значение в осуществлении политического курса США на Ближнем Востоке в этот период имела их интервенция в *Ливане*, где в 1957—1958 годах произошло резкое обострение борьбы между сторонниками проимпериалистической ориентации во главе с президентом Шамуном и сторонниками арабского единства, среди которых видное место заняли Р. Карамэ, К. Джумблат, С. Салам. Борьба между этими группировками осложнялась конституционным кризисом из-за желаний президента Шамуна добиться переизбрания на второй срок, хотя это и запрещено конституцией Ливана. Вспышка гражданской войны произошла после убийства видного деятеля оппозиции журналиста Насиба Метни 9 мая 1958 г. Начались вооруженные стычки между сторонниками оппозиции и жандармами, в Бейруте и других городах появились баррикады. Армия, возглавлявшаяся генералом Шехабом (впоследствии президент Ливана), заявила о нейтралитете. Президент Шамун обратился с жалобой на «вооруженное вмешательство» Египта во внутренние дела страны в Лигу арабских стран и в ООН, а также с просьбой о помощи к США. Хотя США первоначально заняли выжидательную позицию, общее настроение в администрации республиканцев было в пользу военного вмешательства в Ливане, которое сыграло бы, по их мнению, роль демонстрации «поощрения и солидарности» с дружественными им странами, сдержало бы «панарабские нейтралистские лозунги Насера», а также было бы угрозой «любому намеку на сотрудничество с русскими»²⁴.

Революция 14 июля 1958 г. в Ираке — единственном арабском государстве, которое США удалось включить в состав ближневосточного блока, — была расценена в Вашингтоне как чрезвычайная кризисная ситуация. Чтобы предотвратить распространение ее влияния на другие «нестабильные» страны региона, подразделениям 6-го флота, расположенным вблизи ливанского побережья, 15 июля был дан приказ начать высадку десанта в Ливане. Днем позже английские войска, сосредоточенные на Кипре, высадили десант в Иордании. После высадки десанта в Ливане американские войска блокировали европейские кварталы Бейрута, лагеря палестинских беженцев, а также районы на границе с Сирией. В своих

мемуарах Р. Мэрфи, в то время находившийся в Ливане в качестве специального посланника президента США, сообщает, что конфликт «затрагивал личности и соперничество внутреннего порядка, не имея отношения к международным вопросам». Но, считает он, президент Эйзенхауэр, принимая решение об интервенции, «хотел продемонстрировать этим своевременным и практическим способом, что США способны поддержать своих друзей»²⁵.

Высадка американских войск в Ливане была встречена в арабском мире как серьезная военная угроза в адрес прогрессивных сил. Агрессивные действия США стимулировали обострение общей обстановки в районе Ближнего Востока, содействовали активизации всех контрреволюционных кругов в ближневосточных странах, усилили надежды экспансионистов в Израиле. Администрация Эйзенхауэра рассматривала свои агрессивные действия в ливанском кризисе как демонстрацию в адрес Советского Союза. Как отмечает проф. У. Ростоу, после запуска первого советского спутника Земли в октябре 1957 года республиканская администрация была заинтересована в использовании вооруженной силы на международной арене, с тем чтобы снизить влияние этого крупного достижения СССР и попытаться улучшить свои международные позиции²⁶. По мнению английского историка М. Керра, в ходе ливанского кризиса администрация Эйзенхауэра продемонстрировала свои военные возможности: способность в короткие сроки перебрасывать контингенты войск на любые расстояния, сотрудничество «дружественных» вооруженных сил с американскими войсками, способность вооруженных сил Соединенных Штатов Америки устанавливать контроль над кризисными ситуациями в ключевых районах и т. п.²⁷ Однако эти агрессивные акции не могли помешать росту влияния Советского Союза, укреплению его связей с арабскими странами.

В первой половине 50-х годов в политике США по отношению к конфликтам в развивающихся странах развились ее основные контрреволюционные черты, которые были заложены «доктриной Трумэна», и определился общий характер действий в конфликтных ситуациях, возникших вследствие развития национально-освободительного движения. Готовность к вооруженной агрессии, методы «ограниченного» вмешательства, активное применение

ние секретных операций — все эти средства использовались администрацией республиканцев для создания выгодной расстановки сил в локальных и региональных масштабах. При этом правящие круги США стремились в конфликтных ситуациях добиться разгрома передовых отрядов сил национального освобождения, оказать давление на нейтралистские государства. Возросли масштабы вовлеченности США в конфликтные ситуации в развивающихся странах в количественном отношении, усилилась их связь с общим агрессивным курсом на международной арене.

Примером скрытых действий США в конфликтных ситуациях этого периода является интервенция наемников, организованная ЦРУ против *Гватемалы*. Правительство этой страны под руководством президента Х. Арбенса в 1952 году приняло решение о проведении аграрной реформы, которая ограничила бы крупные земельные владения «Юнайтед фрут компани» (эта компания обладала 20% лучшей обрабатываемой земли в Гватемале), церкви и отдельных латифундистов. Это вызвало отрицательную реакцию в Вашингтоне. ЦРУ сформировало «освободительную армию» из гватемальских эмигрантов под командованием Кастильо Армаса на территории соседних Гондураса и Никарагуа, а в столице Гватемалы подготовило военный переворот. Военно-морские силы США блокировали гватемальское побережье. В марте 1954 года на X Межамериканской конференции по предложению Даллеса была принята специальная резолюция «против вмешательства коммунизма в Америке», которая послужила юридическим основанием борьбы против правительства Арбенса.

В мае 1954 года Никарагуа и Гондурас начали боевые действия против Гватемалы, а 17 июня этого же года «освободительная армия» вторглась в страну. Через десять дней после вторжения наемников правительство было свергнуто²⁸.

Во второй половине 50-х годов возросла вовлеченность США в конфликт в *Индокитае*. Основы политики в этом конфликте были разработаны в 1954 году в документе Совета национальной безопасности «Обзор политики США на Дальнем Востоке», который предусматривал, что США будут сотрудничать с Францией в создании вооруженных сил Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, «способных обеспечить внутреннюю безопасность»²⁹. В пер-

вую очередь США ориентировались на создание «сильного» Южного Вьетнама под руководством Нго Динь Дьема, с тем чтобы в более отдаленной перспективе получить возможность для военного разгрома ДРВ и установления полного контроля над всем Индокитаем. Они сосредоточили внимание на укреплении «стабильности» Южного Вьетнама и превращении сайгонского режима в основную ударную силу, направленную против ДРВ. В Лаосе США стремились добиться разгрома патриотических сил и превратить страну в плацдарм агрессии против ДРВ. В Камбодже США рассчитывали создать прочную тыловую зону для Лаоса, Таиланда и Южного Вьетнама, превратив ее в перевалочную базу для коммуникаций со своими союзниками. Основными средствами достижения этих целей были военная и экономическая помощь США и насаждение марионеточных режимов. После обеспечения в 1955 году «избрания» Дьема президентом Южного Вьетнама, в 1957 году США организовали военный переворот в Таиланде, где была установлена военная диктатура во главе с Саритом Танаратом.

Этот курс США содействовал обострению ряда конфликтных ситуаций в Индокитае. Политика создания «дружественного» режима в Южном Вьетнаме и подавление оппозиции режиму привели в итоге к гражданской войне между режимом и силами освобождения. Отказ Нго Динь Дьема от проведения всеобщих выборов в 1956 году и от выполнения решений Женевской конференции 1954 года об объединении страны привел к образованию конфликтной ситуации между сайгонским режимом и ДРВ. Обострился внутренний конфликт в Лаосе. Натравливание Южного Вьетнама и Таиланда на нейтральную Камбоджу привело к обострению противоречий между этими странами. Все эти конфликтные ситуации были следствием общего курса США, направленного против патриотических и нейтралистских сил.

В 1956—1960 годах США втянулись в острую политическую борьбу внутри Южного Вьетнама, стремясь удержать у власти режим Нго Динь Дьема. Несмотря на огромную помощь марионеточному режиму, активное участие американских специальных и секретных служб в его укреплении, задача создания «сильного» режима оказалась недостижимой. В январе 1960 года в южно-вьетнамской провинции Бенче началось всеобщее вооруженное восстание, а в декабре того же года был создан

Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФО ЮВ), возглавивший борьбу народных масс против марионеточного режима и против США.

В Лаосе в период 1956—1960 годов образовалась острейшая кризисная ситуация. Во время визита в Лаос в феврале 1955 года Дж. Ф. Даллеса перед правыми силами была поставлена цель «предпринять более решительные действия против Патет-Лао». В ходе поездок по Лаосу генерала Л. Коллинза (март 1955 г.) и председателя Комитета начальников штабов (КНШ) А. Рэдфорда (июль 1955 г.) были разработаны детали плана по разгрому патриотических сил. Центральное правительство Лаоса, в нарушение Женевских соглашений, начало боевые действия против войск Патриотического фронта Лаоса, сосредоточенных, по условиям соглашений, в провинциях Самнеа и Фонгсали. Успешное сопротивление патриотических сил содействовало падению правительства, возглавляемого Катаем Дон Сасоритом, и приходу к власти нейтралистского правительства принца Суванна Фумы. 2 ноября 1957 г. между центральным правительством и патриотическими силами были подписаны Вьентьянские соглашения, наметившие пути урегулирования в Лаосе.

США приложили максимум усилий для свержения правительства Суванна Фумы: было приостановлено оказание финансовой помощи, задержана выплата жалования войскам. В августе 1958 года правительство Суванна Фумы было свергнуто и его место заняло новое во главе с Фуи Сананиконом, возобновившее боевые действия против Патриотического фронта. В декабре 1959 года и это правительство было свергнуто группировкой сторонников более активных действий против Патриотического фронта, которую возглавил Фуми Носаван. 9 августа 1960 г. во Вьентьяне восстал парашютный батальон во главе с капитаном Конг Ле, и правительство Фуми Носавана было вынуждено бежать из столицы, где вновь укрепилось законное правительство Суванна Фумы. С американской помощью группировка Носавана укрепилась в Саваннакете и начала борьбу против войск нейтралистов. Весь Лаос охватила острая и продолжительная гражданская война. По просьбе лаосского правительства Советский Союз и ДРВ оказали большую материальную помощь нейтралистским и патриотическим силам.

Главным итогом эволюции политики США в отноше-

нии конфликтов в развивающихся странах во второй половине 50-х годов явился непредвиденный рост значения этого направления в общеполитическом курсе Вашингтона. Объем усилий для реализации задач, поставленных перед американской политикой в этих конфликтах, характер противника, его идеология, связь с массами, общенародный отпор американским агрессорам и их ставленникам, помощь национально-освободительному движению со стороны Советского Союза и других социалистических стран — все это показывало, что США имеют дело с совершенно новым по типу противником, борьба против которого вынуждала их все более глубоко втягиваться в дела развивающихся стран. Вашингтону приходилось рассматривать в качестве основной задачи не «стабилизацию» развивающегося мира как тыла империализма в противоборстве двух мировых систем, а одновременную борьбу против национально-освободительных движений в странах Азии, Африки и Латинской Америки и в глобальном масштабе — против стран социализма.

Изменение роли политики в отношении конфликтов в развивающихся странах отразилось в некоторых мерах по перестройке американского военно-политического механизма во второй половине 50-х годов. Так, в 1958 году при создании специального командования вооруженных сил США для восточной части Атлантического океана и Средиземного моря в его функции были включены задачи по «контролированию» конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В течение 1959 года были созданы объединенные командования для зоны Панамского канала и Тихого океана, включавшие сухопутные, военноморские, военно-воздушные силы и располагавшие обширным арсеналом средств для ведения боевых действий в развивающихся странах. Оснащение вооруженных сил в районах Азии, Африки и Латинской Америки дополнительными и более разнообразными средствами позволило перейти к их подготовке для ведения «малых» войн. «Планы широкой войны, — отмечает советский исследователь Б. Дмитриев, анализируя эволюцию военной политики администрации Эйзенхауэра, — дополнялись доктриной «малых» войн, острие которых направлялось как против социалистических стран, так и против государств, недавно освободившихся или борющихся за освобождение от колониального гнета»³⁰.

Большую роль в перестройке военно-политического механизма и в определении его задач в локальных конфликтах в этот период сыграли рекомендации специального комитета Н. Рокфеллера, занимавшегося разработкой проекта реорганизации Пентагона. Среди выводов этого комитета отмечалось, что международным позициям США среди других «опасностей» угрожают также политические «трансформации» в развивающихся странах. «Наша цель, — подчеркивали авторы рекомендаций, — должна состоять в том, чтобы предотвращать возникновение таких ситуаций». Для достижения этой цели комитет рекомендовал создать специальные военные соединения, которые могли бы «быстро вмешиваться» и «быть приспособлены к диапазону возможных ограниченных войн»³¹. В мае 1958 года было создано первое соединение специального назначения — Стратегический армейский корпус (СТРАК) для участия в операциях в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

„Гибкое реагирование“ и агрессия во Вьетнаме (1961—1970 гг.)

В период 60-х годов политика США по отношению к конфликтам в развивающихся странах выросла до уровня самостоятельного направления общего политического курса Вашингтона. Агрессивные действия США в развивающихся странах неоднократно приводили к росту международной напряженности и оказали большое влияние на расстановку и соотношение сил в мировом масштабе в первой половине 70-х годов. Интервенция в Индокитае стала к концу 60-х годов одним из главных вопросов мировой политики и американской политической жизни.

Некоторые исходные предпосылки для такой эволюции политики в отношении конфликтных ситуаций в развивающихся странах были заложены администрацией президента Кеннеди, считавшего успешное для США разрешение конфликтных ситуаций в Индокитае, на Ближнем Востоке, в Конго, на Кубе и в других освободившихся странах важной и перспективной задачей внешней политики. Новый президент США стремился решать проблемы реагирования на конфликтные ситуации в развивающихся странах в более широком политическом контексте, который включал бы проблемы социального реформизма и военного ответа на «вызов» со стороны освободительных движений, а также проблемы отношений с

СССР и главными американскими союзниками. Активное вмешательство в конфликтные ситуации в развивающихся странах президент Кеннеди рассматривал прежде всего как средство сохранения благоприятного для США «равновесия» между двумя мировыми системами. В послании конгрессу 28 марта 1961 г. он заявил о необходимости расширить рамки вмешательства США в конфликтные ситуации в странах Азии, Африки и Латинской Америки. «В большинстве районов мира, — отмечал он, — главная тяжесть местной обороны против открытого нападения, подрывной деятельности и партизанской войны должна лежать на местном населении и армии», но, «учитывая большую вероятность и серьезность этой угрозы», Соединенные Штаты должны быть готовы к тому, чтобы сделать свой «существенный вклад» в эту борьбу. Кеннеди и в дальнейшем неоднократно подчеркивал важность борьбы против национально-освободительного движения с точки зрения глобального противоборства. В январе 1962 года в Меморандуме о действиях в области национальной безопасности № 124 он указывал: «Подрывная деятельность («национально-освободительные войны») представляет собой основную форму военно-политического конфликта»³².

Провал интервенции наемников на Кубе в апреле 1961 года дал возможность президенту Кеннеди начать разработку своего курса в отношении освободительной борьбы народов с тщательного разбора и критики сложившейся практики. При этом президент высказался за более систематическую разработку политики в конфликтных ситуациях в развивающихся странах, которая была бы обеспечена, во-первых, специальной военно-политической доктриной, во-вторых, созданием аппарата, изъясшего бы эти проблемы из ведения ЦРУ и превратившего бы их в более «респектабельный» вид политики. Весной 1961 года Кеннеди поручил специальной комиссии в составе М. Тэйлора, А. Даллеса, адмирала Бэрка и Р. Кеннеди исследовать причины провала на Кубе и представить ему предложения по стратегии участия США в локальных конфликтах. Доклад комиссии Тэйлора, представленный в июне 1961 года, рекомендовал президенту сосредоточить внимание на подготовке США к ведению «специальных» войн в развивающихся странах и создать для этого межведомственный руководящий центр.

Администрация и до этого пыталась создать противо-

вес ЦРУ в области политики реагирования на локальные конфликты. Так, в апреле 1961 года после разгрома наемников на Плайя-Хирон президент отдал распоряжение об организации при госдепартаменте Центра специальных операций, который должен был «выявлять потенциальные источники кризисов и готовить планы незамедлительной борьбы с ними»³³. После рекомендации комиссии Тэйлора, которая учитывала интересы всех правительственных ведомств, при Белом доме была учреждена специальная группа по руководству борьбой с «повстанческими движениями» в составе председателя Комитета начальников штабов, заместителей государственного секретаря, министра обороны и директора ЦРУ. Одной из наиболее важных мер по обеспечению работы этой группы было создание специальных «контринсургентских» вооруженных сил («зеленые береты»), предназначенных для ведения боевых действий против революционных движений.

В чрезвычайном послании конгрессу 25 мая 1961 г. президент Кеннеди подчеркнул срочную необходимость увеличения специальных сил. При штабе сухопутных сил США был создан Центр специальных форм войны, расположенный в Форт-Брагге (Северная Каролина), для руководства «глобальными усилиями» в области «контрпартизанских» войн, Центр специальных форм войны был создан и при штабе тактической авиации США на базе Эглин. Обучение «контрпартизанских» частей велось также в Форт-Бенниге (США), в Бад-Тельце (Западная Германия), на острове Окинава, в зоне Панамского канала (Форт-Гулик). Эти войска специализировались по отдельным районам мира: 1-я группа специальных сил (Окинава) — по Дальнему Востоку и Юго-Восточной Азии, 5-я группа (Форт-Брагг) — по Африке, 7-я группа (Форт-Гулик) — по Латинской Америке и т. д. В середине 60-х годов отряды специальных сил США уже проводили операции, направленные против национально-освободительного и революционного движения в 50 странах мира³⁴. Годовой бюджет этих сил составлял в то время 2 млрд. долл.

Сухопутные войска США начали готовить ряд частей и соединений по двойной программе: для обычной и «контрпартизанской» войн. «Делая упор на обучение методам необычной войны, — отмечал журнал «Милитери ревью», — американские сухопутные войска развили бое-

вую доктрину двойного назначения. Пехотные части должны быть способны вести войну либо в обычной, либо в необычной обстановке, без заблаговременных предупреждений»³⁵.

Администрация Кеннеди разрабатывала свой подход к политике в конфликтных ситуациях в освободившихся странах, одновременно продолжая активные действия в конфликтах, которые она унаследовала от предыдущей. Особенно сложным для США в этот период было положение в *Лаосе*. Т. Соренсен в своей книге о Кеннеди сообщает, что президент в целом неодобрительно относился к политике Даллеса в Лаосе, однако в то же время он считал неприемлемым «ничего не делать и позволить Патет-Лао овладеть страной»³⁶. В марте 1961 года администрация приняла решение увеличить военную и финансовую помощь правой группировке в Лаосе. Тщательное взвешивание возможностей прямой интервенции в Лаосе, по мнению президента, не сулило американцам благоприятных перспектив, а воздушные бомбардировки и даже применение тактического ядерного оружия вряд ли были бы эффективными в условиях партизанской войны в джунглях. Союзники США, скорее всего, не поддержали бы их в «обычной» и тем более в ядерной всеобщей войне из-за Лаоса. Тем не менее в качестве возможного варианта действий было принято решение продемонстрировать готовность к вооруженному вмешательству: в Таиланд были отправлены 1400 морских пехотинцев, а соединение 7-го флота — к берегам Индокитая.

Подготовка к встрече с советскими руководителями в Вене в июне 1961 года, а также безуспешность попыток правых сил в Лаосе улучшить свои позиции сдерживали решимость Кеннеди интенсифицировать вмешательство в этой стране. США согласились с инициативой сопредседателей Женевского совещания 1954 года (министры иностранных дел СССР и Англии), которые предложили сторонам конфликта в Лаосе прекратить боевые действия, международной комиссии по наблюдению за прекращением огня возобновить свою деятельность, странам — участницам нового совещания собраться в Женеве в мае 1961 года. Длившаяся более года Женевская конференция приняла ряд важных решений по нейтрализации и укреплению внутреннего положения в Лаосе.

В лаосском кризисе 1960—1962 годов для США определилось несколько важных моментов. Во-первых, правя-

шие круги в Вашингтоне были вынуждены признать, что поддержка национально-освободительной борьбы народов со стороны Советского Союза и других социалистических стран во многом нейтрализует вмешательство Соединенных Штатов в локальные конфликты. Во-вторых, США приходилось все больше считаться с таким фактором эволюции конфликта в Индокитае, как укрепление социалистического строя в ДРВ и рост ее влияния на патриотические силы соседних стран. Администрация не могла не видеть, что интернациональная помощь патриотам Лаоса со стороны ДРВ значительно уравнивала влияние американской помощи правым силам³⁷. И, наконец, в лаосском кризисе на позицию США определенное давление оказывал и такой фактор, как близость КНР, поскольку руководство Китая не могло оставаться равнодушным наблюдателем агрессивных действий американского империализма в непосредственной близости от своих границ³⁸. Администрации Кеннеди пришлось действовать в Лаосе с учетом всех этих факторов, что в конечном итоге не позволило ей добиться успеха.

Под влиянием неудачных для США итогов лаосского кризиса администрация Кеннеди считала необходимым активизировать помощь марионеточному режиму в *Южном Вьетнаме*. Еще 29 апреля 1961 года президент Кеннеди одобрил ряд мер по дальнейшему усилению режима Дьема. Американской миссии военной помощи (МААГ) было поручено обучить и оснастить дополнительно 20 тыс. солдат сайгонской армии и 40 тыс. человек для «корпуса самообороны». В мае 1961 года президент одобрил программу дальнейших мер, которая включала дополнительную помощь, посылку в Южный Вьетнам группы специалистов по «контрпартизанской» войне, расширение подрывной деятельности против ДРВ, облеты ее территории с целью сбора разведывательных данных, а также организацию военных операций против ДРВ с территории Южного Вьетнама. Если в 1960 году на покрытие военных нужд игодиндьемовского режима США выделили 155 млн. долл., то на 1961 год было выделено 192 млн. США поставили также в Южный Вьетнам оружие и снаряжение на сумму 140 млн. долл.³⁹

Эти действия президента Кеннеди и другие решения по военному вмешательству во Вьетнаме (посылка «группы Стейли», меморандум о действиях во Вьетнаме от 11 ноября 1961 г., обмен письмами с Нго Динь Дьемом в

декабре 1961 года, в результате которого во Вьетнам были посланы первые подразделения сухопутных сил), привели к началу «особой» войны США во Вьетнаме, которая явилась первым этапом их прямой интервенции.

Немаловажное значение в расширении вмешательства во Вьетнаме при Кеннеди имели антисоветские соображения. Как отмечала печать, президент намеревался «устроить физическую демонстрацию жесткости» в этой стране. «Именно тогда, — писала газета «Крисчен сайенс монитор», — началось наше активное участие в военных действиях во Вьетнаме и «эскалация», продолжавшаяся до конца 1968 года»⁴⁰. Основными направлениями, по которым осуществлялось вмешательство во Вьетнаме, были организация и ведение вооруженной борьбы против патриотических сил, насильственное переселение сельских жителей в 16 тыс. «стратегических» деревень, консолидация марионеточного режима. В феврале 1962 года в Сайгоне было создано американское военное командование во главе с генералом Харкинсом, руководившее операциями как американских вооруженных сил в Южном Вьетнаме, так и войск сайгонского режима.

При подведении итогов «особой» войны к середине 1963 года выяснилось, что усилия Соединенных Штатов по «умиротворению» Южного Вьетнама в целом оказались тщетными. Вооруженная борьба против марионеточного режима развивалась в сельских местностях, охватила подавляющее большинство городского населения, включив и такие сферы, как религиозные противоречия. Программа НФО ЮВ получила широкую поддержку среди всех слоев населения. Анализ внутренней ситуации в Южном Вьетнаме показывал, что для ее стабилизации было необходимо устранение Дьема и его окружения, вызывавших ненависть всего населения страны. В связи с этим администрация приняла решение о военном перевороте, осуществление которого было возложено на нового посла США Г. Кэбот Лоджа, прибывшего в Сайгон в августе 1963 года. Впоследствии, когда были опубликованы «секретные документы» Пентагона, причастность администрации Кеннеди к военному перевороту была полностью доказана. «Секретный доклад Пентагона о вьетнамской войне показывает, что президент Кеннеди знал и одобрил план военного переворота, в результате которого в 1963 году был свергнут Нго Динь Дьем»⁴¹. Военный переворот, возглавленный несколькими южно-

вьетнамскими генералами под руководством Зыонг Ван Миня, был совершен 1 ноября 1963 г.

Администрация Кеннеди унаследовала от Эйзенхауэра несколько кризисных ситуаций, среди которых выделялся конфликт в Конго. В послевоенный период Африка в целом оставалась вне пределов активных интересов США. Рост национально-освободительного движения на африканском континенте на рубеже 60-х годов вызвал в Вашингтоне серьезную озабоченность, и республиканская администрация сочла необходимым вмешаться в конголезский кризис летом 1960 года. Вначале она ограничилась дипломатическим маневрированием в ООН, которая по просьбе конголезского правительства в июле направила в Конго войска для борьбы против инспирированных Бельгией сепаратистских движений. Командование войсками ООН под давлением США и при участии американских дипломатов содействовало свержению правительства П. Лумумбы («переворот Кордьера») ⁴². После свержения правительства Лумумбы войска ООН практически прекратили боевые действия против сепаратистов. Тогда ЦРУ попыталось организовать военный переворот в столице и оказать помощь Ж. Мобуту в захвате власти, но эти действия не увенчались успехом. Позиция ООН и западных держав в конголезском кризисе вызвала глубокое возмущение в развивающихся странах и резкие протесты со стороны социалистических государств.

Не отказываясь от участия в конголезском конфликте, администрация Кеннеди сделала попытку изменить образ действий США. Она не могла не считаться с волной протеста во всем мире, поднявшейся в связи с известием об убийстве П. Лумумбы в декабре 1960 года. Администрация также принимала во внимание, что из центрального правительства Конго к этому времени были устранены сторонники Лумумбы. В этих условиях она решила оказать более активную поддержку группировке президента Касаубу в борьбе против прогрессивных элементов, а также против сепаратистов Катанги, рассчитывая, что это, с одной стороны, усилит общие позиции Соединенных Штатов в Конго, а с другой — будет встречено положительно в африканских странах, обеспокоенных попустительством ООН действиям бельгийских колонизаторов.

Американская администрация оказала воздействие на руководство Секретариата ООН, добившись возобновления боевых действий против сепаратистов, и предоста-

вила помощь центральному правительству в борьбе против сторонников Лумумбы в Восточной провинции, которых возглавлял А. Гизенга. Помощь США содействовала усилению позиций конголезской реакции; к концу 1961 года она сумела разгромить прогрессивные силы и разоружить верные А. Гизенге войска. Одновременное выступление администрации Кеннеди против сепаратистов и бельгийских наемников в Катанге было встречено с недовольством западноевропейскими союзниками США, в частности Великобританией и Бельгией. Некоторые представители политических кругов США также выступали против этих действий администрации, считая, что сохранение единства Запада в освободившихся странах и в ООН важнее тех временных преимуществ, которые могла дать Соединенным Штатам поддержка борьбы за единство Конго. Р. Мэрфи, например, отказался от предложенного ему поста специального представителя президента в Конго именно по этим соображениям.

Продолжая линию республиканцев на усиление позиций США на *Ближнем Востоке*, Кеннеди в то же время попытался проявить известную гибкость. С одной стороны, его администрация намеревалась смягчить напряженность в отношениях с Египтом (миссия личного представителя президента Э. Мэйзона в Каир в мае—июле 1962 г.). С другой же — США сочли антимонархическую революцию в Йемене в 1962 году «угрозой» своим интересам и предприняли действия, которые еще больше обострили конфронтацию между ними и прогрессивными силами арабского мира. Как известно, Англия и Саудовская Аравия активно вмешались в борьбу в Йемене между сторонниками революции и роялистами, и только благодаря помощи республиканцам Йемена со стороны Египта были созданы условия для победы революции. В США опасались влияния этой революции на положение монархии в Саудовской Аравии. Президент Кеннеди подтвердил обязательство «поддерживать единство и независимость» Саудовской Аравии, которое было дано президентом Трумэнном в 1951 году. США заключили соглашение о подготовке ВВС Саудовской Аравии и направили туда группу военных самолетов, что демонстрировало и поддержку монархии, и угрозу в адрес Йемена.

Наиболее сложным был для администрации Кеннеди вопрос политики в отношении *Кубы*. Провал попытки с помощью наемников разгромить кубинскую революцию

в 1961 году вызвал неблагоприятный для США резонанс в Латинской Америке и отразился на советско-американских отношениях. Как отмечает Т. Соренсен, Кеннеди считал, что престиж администрации пострадал вследствие этого провала, и был настроен в пользу «реванша»⁴³. Неудачи в Лаосе и на Кубе подогревали также в политических кругах США настроения устроить «пробу сил» с Советским Союзом, чтобы продемонстрировать всему миру убедительное «превосходство» Соединенных Штатов. Конфликтная ситуация в американо-кубинских отношениях, по мнению американских политиков, предоставляла такую возможность, так как она переросла «латиноамериканские» рамки и все больше переходила в русло конфронтации с СССР.

Оценка итогов провала на Плайя-Хирон подсказывала Кеннеди, что в конфликте с Кубой приходится ориентироваться на тактику «длительной осады», в соответствии с которой политическое наступление велось в рамках ОАГ, а военные средства отходили временно на второй план. Принятые под нажимом США решения конференции в Пунта-дель-Эсте в августе 1961 года, учредившей «Союз ради прогресса», не могли быть одобрены кубинской делегацией, осудившей этот неокOLONиалистский маневр. Соединенные Штаты использовали отказ Кубы присоединиться к этим решениям в качестве повода для ее исключения из ОАГ. На VIII консультативном совещании министров иностранных дел стран — членов ОАГ в январе 1962 года США удалось добиться решения об исключении Кубы из организации. Дальнейшие действия США в отношении Кубы (ожесточенная антикубинская кампания летом — осенью 1962 г., приказ Кеннеди о мобилизации 150 тыс. резервистов, заявление президента 4 сентября 1962 г. с угрозами в адрес Кубы и т. п.) показали, что вновь предпринималась попытка военного разгрома кубинской революции. Однако решительное выступление Советского правительства в защиту Кубы привело к срыву этих приготовлений. Карибский кризис в октябре 1962 года, затронувший и сферу советско-американских отношений, вынудил администрацию отказаться от планов военного выступления против Кубы.

Это крупное стратегическое поражение США оказало большое влияние на рост агрессивности их политики по отношению к другим конфликтным ситуациям в Латинской Америке. США попытались добиться реванша

в кризисе, возникшем в *Доминиканской Республике* в 1961 году после убийства диктатора Трухильо. На первом этапе этого кризиса они хотели создать в Санто-Доминго режим «контролируемой демократии». Как сообщает А. Шлезингер, Кеннеди видел три возможных пути развития ситуации в Доминиканской Республике: приемлемый «демократический» режим, сохранение диктатуры или режим «кастроистского» типа. «Мы должны стремиться к первому варианту, — говорил президент, — но мы не должны отказываться и от второй возможности, пока не будем уверены, что избежали третьей»⁴⁴. Усилиями группы специальных представителей (Р. Мэрфи, Дж. Мартин — впоследствии посол в Доминиканской Республике, советник госдепартамента Дж. Макги и др.) США добились создания «демократического» режима Х. Балагера и оказали ему помощь в стабилизации экономики. В стране возобновилась деятельность политических партий.

Наибольшую популярность среди них приобрела партия доминиканской революции во главе с известным писателем Хуаном Бошем. Программа этой партии требовала проведения радикальной аграрной реформы, раздела бывших земель Трухильо среди безземельных крестьян, ограничения позиций американских монополий в экономике. На выборах в декабре 1962 года президентом страны был избран Хуан Бош, который начал энергично проводить в жизнь обещанные преобразования и, в частности, предпринял меры против американских сахарных компаний. Под впечатлением неудачи в карибском кризисе американская администрация резко отреагировала на прогрессивные мероприятия правительства Боша. В 1963 году в качестве «предупреждения» была сокращена квота ввозимого в США из Доминиканской Республики сахара. 25 сентября 1963 г. при поддержке ЦРУ и специалистов по «контрпартизанским» действиям доминиканская военщина во главе с командующим сухопутными силами генералом Имбертом и командующим ВВС полковником Вессин-и-Вессинном совершила переворот.

В январе 1964 года произошли трагические события в *Панаме*: американские солдаты расстреляли демонстрацию учащихся, водрузивших панамский флаг над зданием школы в американской зоне. Это событие получило широкий отклик в Латинской Америке. Правительство Панамы во главе с президентом Чиари разорвало отно-

шения с США, обратилось с жалобой в ОАГ и потребовало пересмотреть договор о канале 1903 года. Совет ОАГ, рассматривавший жалобу Панамы, под давлением Вашингтона рекомендовал обеим сторонам прийти к соглашению в «двустороннем порядке». Президент Чиари, крупный землевладелец, связанный с американским капиталом, в конце концов капитулировал. В апреле 1964 года дипломатические отношения между обеими странами были восстановлены. Кризис в Панаме оказал определенное влияние на латиноамериканскую политику новой администрации США. С одной стороны, это выразилось в том, что у президента Джонсона сложились несколько упрощенные представления о возможностях применения силы в Латинской Америке. Безнаказанность расстрела демонстрации в Панаме и быстрая капитуляция правительства Панамы породили у него уверенность в возможности свободно применять вооруженную силу в кризисных ситуациях в Латинской Америке. С другой стороны, события в Панаме дали дополнительный толчок росту антиамериканских настроений в Латинской Америке и обострили общую ситуацию в межамериканских отношениях.

Это во многом объясняет стремление администрации Джонсона устроить «демонстрацию силы» в Доминиканской Республике. 24 апреля 1965 г. там произошло успешное вооруженное восстание, в котором приняли участие партизанские отряды и часть вооруженных сил под руководством патриотически настроенных офицеров. Целью восставших было восстановление власти конституционного правительства Х. Боша. Группировка вооруженных сил во главе с командующим ВВС Вессин-и-Вессинем оказала восставшим сопротивление. В целях наращивания успеха восставшие офицеры вооружили часть населения, что вызвало, по свидетельству Дж. Мартина, «ужасающую панику» в американском посольстве⁴⁵. 25 апреля на рейде Санто-Доминго появились американские военные корабли. Подбодренные этой поддержкой, сторонники Вессин-и-Вессина предприняли наступление на столицу. Восставшие во главе с полковником Ф. Кааманьо удержали свои позиции, а 27 апреля атаковали штаб путчистов — базу ВВС в Сан-Исидро. 28 апреля посол У. Беннет отправил в Вашингтон паническую телеграмму. Президент Джонсон через час после получения телеграммы отдал приказ о высадке морской пехоты в Санто-

Доминго для «защиты жизней американских граждан». Высадившиеся американские войска блокировали позиции конституционалистов и начали военные действия. 30 апреля по инициативе США было созвано совещание министров иностранных дел ОАГ, на котором американский представитель Э. Банкер предложил организовать «коллективные» действия в связи с «серьезной ситуацией» в Доминиканской Республике. К концу мая, когда восстание было уже фактически подавлено американскими войсками, в Доминиканскую Республику прибыл символический контингент бразильских войск.

В первой половине 60-х годов США вели активную политику вмешательства в конфликтные ситуации в Латинской Америке. Они оказали содействие военному перевороту в Бразилии (1964 г.), свержению правительства Ч. Джагана в Гайане (1964 г.), вмешивались в дела Аргентины, Колумбии, Гватемалы, Перу и Боливии. В этих конфликтных ситуациях, так же как и в агрессивных действиях США в отношении Кубы и Доминиканской Республики, отразилось общее обострение конфронтации американского империализма с национально-освободительным движением народов Латинской Америки. Здесь в качестве основного средства борьбы администрация Джонсона активно использовала угрозу и применение вооруженной силы. В течение весны — начала лета 1965 года президент Джонсон неоднократно выступал с заявлениями о том, что конфликты на почве освободительной борьбы в латиноамериканских странах США не будут рассматривать как внутреннее дело этих государств и на основании «доктрины Монро» и «договора Рио-де-Жанейро» 1947 года, который заложил основу ОАГ, будут самостоятельно решать вопрос о военном вмешательстве. С аналогичными заявлениями выступали также помощник госсекретаря по Латинской Америке Т. Манн и возглавивший группу по борьбе с «инсургенцией» А. Гарриман. В мае 1965 года обе палаты конгресса США приняли совместную резолюцию, в которой президенту предоставлялось право вооруженного вмешательства в Латинской Америке, если Западному полушарию угрожает «коммунистическая агрессия». Так была оформлена «доктрина Джонсона», сущность которой, по оценке Р. Барнета, состояла в «неограниченной претензии на законность военного вмешательства в гражданские войны»⁴⁶.

«Доктрина Джонсона», хотя первоначально и была связана с районом «особых» интересов США, довольно точно отразила существо эволюции политического курса администрации демократов по отношению к конфликтам в развивающихся странах к середине 60-х годов. Уже при Кеннеди США начали уделять повышенное внимание этому направлению своего внешнеполитического курса. Расширились масштабы их вмешательства: в период 1961—1965 годов они открыто участвовали или поддерживали своих союзников более чем в 10 конфликтных ситуациях в развивающихся странах (Южный Вьетнам, Лаос, Куба, Доминиканская Республика, Панама, Конго, Йемен, Гватемала, Таиланд и др.). Возросла жесткость и изощренность методов этой политики⁴⁷ (участие американских регулярных вооруженных сил, скрытые операции «специальных» войск, военная помощь и т. п.). В «доктрине Джонсона» были развиты наиболее агрессивные аспекты этого курса, сделан упор на методы вооруженного интервенционизма. В изложенной Джонсоном в июле 1966 года «азиатской доктрине» была сделана попытка обосновать распространение этих методов на другой район «особых» интересов США в развивающемся мире — Азию и Дальний Восток. «Глобальный интервенционизм» стал отличительной чертой внешнеполитического курса администрации Джонсона, расширившей географические и военные масштабы вооруженного вмешательства США в развивающихся странах.

Резкое возмущение в освободившихся государствах действиями руководства Секретариата ООН в Конго, требования Советского Союза и других социалистических стран прекратить вмешательство во внутренние дела этой страны привели к тому, что новое руководство Секретариата (после гибели Д. Хаммаршельда на пост Генерального секретаря ООН был избран У Тан) вывело оттуда войска ООН в 1964 году. Под руководством Совета национального освобождения в стране развернулась партизанская война за ликвидацию неокOLONиалистского режима, восстановление демократического правительства, проведение социальных преобразований, ликвидацию иностранного капитала. К лету 1964 года освободительные силы контролировали около трети территории Конго. Вывод войск ООН был воспринят в США как необходимость более активного вовлечения в конголезские дела. Президент Джонсон поручил А. Гарриману взять на себя раз-

работку политики в отношении гражданской войны в стране. По его рекомендациям США пересмотрели отрицательное отношение к Чомбе, который ранее действовал в интересах конкурирующей с американскими монополиями бельгийской «Юньон миньер», и поддержали его кандидатуру в качестве «примирителя» борющихся сторон в Конго. В конце июня 1964 года Чомбе возглавил центральное правительство, сделав при этом несколько примирительных жестов в адрес сил освобождения (в частности, освободил из заключения А. Гизенгу, захваченного в плен войсками ООН в 1962 г.). Однако патриоты отказались признать марионеточное правительство Чомбе и продолжали боевые действия. В августе 1964 года ими был освобожден второй по значению город страны — Стенливиль.

США оказали огромную военную и финансовую помощь режиму Чомбе. В 1964 году по объему затрат действия США в Конго вышли на второе место после Вьетнама (с июля 1960 по конец 1964 г. США истратили более 500 млн. долл. на различные операции в Конго)⁴⁸. Американские инструкторы занялись обучением конголезской армии, ВВС США принимали участие в налетах на Стенливиль. На средства, предоставленные США, правительство Чомбе вербовало наемников, которые образовали 5-ю армейскую группу конголезской армии, размещенную в Катанге. В ноябре 1964 года эта группа начала наступление на Стенливиль. Защитники города и население областей, через которые двигались войска Чомбе, оказали им упорное сопротивление. Американская транспортная авиация перебросила на принадлежащий Англии остров Вознесения бельгийский парашютно-десантный батальон, который 24 ноября высадился в аэропорту Стенливиля и совместно с наступавшими наемниками разгромил повстанцев.

Эта акция Вашингтона вызвала сильнейшее возмущение в Африке, резкие протесты со стороны развивающихся и социалистических государств. На проходившей в это время XIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН большинство стран осудило действия США и поддержало предложение советской делегации разработать Декларацию о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета, которая была принята в следующем году на XX сессии Генеральной Ассамблеи.

Заложенные администрацией Кеннеди предпосылки резкой активизации интервенционистского курса США в развивающихся странах были развиты администрацией Джонсона в особый политический курс «глобального интервенционизма», содержанием которого явилось стремление поставить под военно-политический контроль США конфликты в развивающихся странах. «Доктрина Джонсона», шедшая в противовес Декларации ООН о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета, отражала уверенность администрации в способности США достичь успеха в борьбе с освободительными процессами в странах Азии, Африки и Латинской Америки и параллельно усилить свои позиции в борьбе против мировой системы социализма. В целом Л. Джонсон и его окружение при выборе средств реагирования на конфликтные и кризисные ситуации в развивающихся странах тяготели к наиболее жестким, военным решениям.

Переход США к более наступательной по ходу политике в конфликтных ситуациях в развивающихся странах уже не позволял администрации ориентироваться только на стратегию «реагирования». Это грозило Соединенным Штатам втягиванием в многочисленные конфликты в Азии, Африке и Латинской Америке и, следовательно, ослаблением их позиций в противоборстве со странами социализма. Удачным решением проблемы сочетания борьбы «на два фронта» для администрации представлялась успешная локальная война, в которой США могли бы продемонстрировать всему миру — как развивающемуся, так и социалистическому — способность нанести сокрушительное военное поражение организованному национально-освободительному движению, получающему поддержку от социалистических стран. Таково мнение о подоплеке интервенционистской стратегии президента Джонсона историка Т. Хупса, который в 1965—1967 годах занимал должность помощника заместителя министра обороны США по вопросам международной безопасности⁴⁹. Сам президент в своих мемуарах также отмечает собственную заинтересованность и желание многих близких ему сотрудников (помощник президента У. Ростоу, посол в Сайгоне генерал М. Тэйлор и др.) «преподнести наглядный урок» основным противникам США на международной арене, что одновременно послужило бы и осуществлением на практике стремления военных кругов

использовать локальные войны как испытательный полигон для новой боевой техники, доктрин и уставов, тренировки для войск⁵⁰.

Искать повод для такой войны не было необходимости, ибо постепенно США уже втянулись в войну в *Индокитае*. Главной целью США в этом районе при Джонсоне по-прежнему оставались разгром ДРВ и подчинение всего полуострова американскому контролю. В достижении этой цели США первоочередной задачей ставили победу правых сил в Лаосе и «стабилизацию» Южного Вьетнама. В середине 60-х годов американская политика в Лаосе сосредоточилась на попытках сорвать решения Женевской конференции 1962 года и добиться разгрома патриотических сил. Поэтому на первый план здесь вышли различного рода «секретные» операции по укреплению правых сил (поставки вооружений саваннакетской группировке, создание «секретной» армии Ванг Пао) и свержение нейтралистского правительства Суванна Фумы (убийство министра иностранных дел Кинима Фолсены в 1963 г., военный путч под руководством Купрасита Абхая в 1964 г.). После переворота в апреле 1964 года правительственные войска совместно с правой группировкой и «секретной» армией Ванг Пао начали наступление против патриотических сил. С мая 1964 года американская авиация по приказу президента начала боевые действия в Лаосе «для тактической поддержки наземных операций сил правой группировки и для уничтожения главных баз боевых частей Патет-Лао»⁵¹.

Свержение Нго Динь Дьема, как известно, не привело к стабилизации положения в Южном Вьетнаме. Наоборот, в течение последующих двух лет в Сайгоне происходила карусель различных режимов: хунту во главе с Зыонг Ван Минем сменил Нгуен Кхань, которого, в свою очередь, свергла новая хунта во главе с Нгуен Као Ки, пока, наконец, не образовалась правящая военная хунта во главе с президентом Тхиеу и премьер-министром Као Ки. На фоне неустойчивости положения в Сайгоне особенно заметны были успехи НФО ЮВ, который к концу 1965 года контролировал около $\frac{4}{5}$ территории страны с населением более 10 млн. человек. В освобожденных районах создавались органы народной власти, система же управления сайгонской администрации в сельских местностях фактически развалилась. Усилилась борьба в городах, активное участие в ней принимали пролетариат,

студенчество, представители религиозных кругов, интеллигенция.

Результаты инспекционных поездок американских официальных лиц в Сайгон, доклады нового посла в Сайгоне М. Тэйлора подчеркивали слабость сайгонского режима и его неспособность контролировать положение в стране. В связи с этим у американской администрации укреплялось убеждение в необходимости эскалации войны в Индокитае. В январе 1964 года Комитет начальников штабов разработал программу расширения военных действий на Индокитайском полуострове. В ней предусматривалось предоставление военному командованию США права руководить военными операциями в Южном Вьетнаме и против ДРВ, бомбардировать территории Лаоса и Камбоджи, распространять наземные операции на территорию Лаоса, вводить в Южный Вьетнам дополнительные войска для участия в боевых действиях.

Весной — летом 1964 года администрация Джонсона подготовила принципиальное решение о сухопутной «ограниченной» войне в Южном Вьетнаме и воздушной войне против ДРВ. Для осуществления этого решения администрация инсценировала нападение на американские корабли в Тонкинском заливе и добилась принятия конгрессом «тонкинской резолюции», предоставлявшей президенту право ведения боевых действий в Юго-Восточной Азии. 18 февраля 1965 г. на основании этой резолюции президент Джонсон отдал приказ «усилить всеми доступными мерами программу умиротворения Южного Вьетнама»⁵². 8 марта в Дананге высадились бригада американской морской пехоты в составе 3,5 тыс. человек. 6 апреля 1965 г. президент Джонсон принял решение об участии находившихся в Южном Вьетнаме американских войск в наступательных действиях. К маю 1965 года американским войскам было приказано перейти к операциям «поиск и уничтожение». Войска США взяли на себя главную роль в вооруженной борьбе с национально-освободительным движением народа Южного Вьетнама.

В начале 1965 года во Вьетнаме насчитывалось 27 тыс. американских солдат, а в июне — уже 70 тыс. В связи с успехами июньского наступления вооруженных сил НФО ЮВ командующий американскими войсками в Южном Вьетнаме генерал Уэстморленд попросил дополнительные контингенты численностью до 200 тыс. человек. 30 июля Объединенный комитет начальников штабов в

соответствии с указаниями Джонсона разработал планы отправки в Южный Вьетнам американских вооруженных сил общей численностью 193 887 человек, из них 175 тыс. в ноябре 1965 года уже находились в Южном Вьетнаме. В конце 1965 года численность американского экспедиционного корпуса составила 184 тыс. человек, в конце 1966 — около 400 тыс., в конце 1967 — около 500 тыс. и в конце 1968 года — около 550 тыс. человек. Во вьетнамскую войну были вовлечены также 35 тыс. летчиков и моряков 7-го флота США, 48 тыс. американских летчиков и солдат в Таиланде и на базах США в других районах Юго-Восточной Азии, а также 237 тыс. военнослужащих из служб тыла⁵³.

Правящие круги США видели в войне во Вьетнаме исключительную по значению демонстрацию силы и могущества Америки. Вьетнаму уделялось главное внимание всего военно-политического механизма. На ведение военных действий США расходовали крупные бюджетные средства: в 1965/66 финансовом году — 100 млн. долл., в 1966/67 — 5,8 млрд., в 1967/68 — более 20 млрд., а в 1968/69 финансовом году — более 28 млрд. долл. Для того чтобы продемонстрировать «единство» американских союзников, администрация Джонсона добилась отправки отдельных частей и соединений вооруженных сил Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Таиланда и Филиппин в Южный Вьетнам.

Несмотря на то что в 1964 году подавляющее большинство в политических кругах США поддержало решение о военной интервенции во Вьетнаме, ее явные военные неудачи и усилившийся по мере затягивания войны отток финансовых средств существенно подорвали эту поддержку. Империалистическая агрессия во Вьетнаме вызвала острое недовольство широких масс населения США, какого не знала американская история. Борьба против войны во Вьетнаме приобрела характер массового общенационального движения и породила крупные сдвиги в мировоззрении американцев. Критическое переосмысление всей антикоммунистической внешней политики правящей верхушки в широких слоях населения началось с несогласия с целями и методами ведения вьетнамской войны. «Для все большего числа американцев, — писал об этом Г. Колко, — война во Вьетнаме стала поворотным пунктом в восприятии внешней политики США, событием, заставляющим их вновь уделить внимание глу-

бинным основам, главным концепциям и структуре политики, которая в сущности разрушительна и опасна»⁵⁴. Активная борьба против этой политики со стороны широких кругов общественности вызывала глубокую озабоченность американской элиты, поскольку, указывал Генеральный секретарь Компартии США Г. Холл, это свидетельствовало о появлении «антиимпериалистического образа мышления сторонников антивоенного движения»⁵⁵.

Кризис политического курса во Вьетнаме и сопутствующие ему кризисные явления внутри страны вызвали острую борьбу в политических кругах США. Если в период обсуждения «тонкинской резолюции» против нее в сенате проголосовало только два человека, то уже в начале 1965 года не менее 75 демократов — членов конгресса выступили против политики администрации во Вьетнаме. Образовались две главные группировки: сторонники политики администрации («ястребы») и ее противники («голуби»). Борьба между ними стала основным элементом политической жизни Вашингтона. Один из лидеров «голубей», сенатор У. Фулбрайт сформулировал в это время главный тезис оппозиции войне во Вьетнаме — предупредил об опасности «перенапряжения» ресурсов для внутренней стабильности Америки и ее позиций за рубежом вследствие увлечения «глобальным интервенционизмом». Вмешиваясь повсеместно в различные локальные конфликты, писал У. Фулбрайт, Америка «стоит перед опасностью перестать понимать, что она способна сделать, а что — лежит за пределами ее возможностей»⁵⁶. Аналогичную позицию в печати занял известный обозреватель С. Сульцбергер. Противники «сверхвовлеченности» во Вьетнаме активно использовали авторитет известного идеолога американского империализма У. Липпмана, который писал: «Можно сказать, что нация имеет реальную внешнюю политику, только если существует равновесие между ее ресурсами и зарубежными обязательствами... В задачи государственного управления входит обязанность соблюдать равновесие между этими обязательствами и ресурсами»⁵⁷. Таким образом, противники войны во Вьетнаме в политических кругах, учитывая развитие глубокого кризиса между «верхами» и «низами» из-за этой войны, стремились свести дело к обвинению администрации Джонсона в «некомпетентности» ее внешнеполитического курса.

Обвинения в «некомпетентности» вынудили президента Джонсона отказаться от установившейся практики привлечения лишь узкого круга ближайших помощников при подготовке важных политических решений и расширить бюрократический аппарат по разработке политики в отношении кризисных и конфликтных ситуаций за рубежом. В августе 1965 года он поручил генералу М. Тэйлору, ушедшему с поста посла в Южном Вьетнаме, провести анализ организации действий США на международной арене и представить ему соответствующие рекомендации. К концу года комиссия, созданная генералом, представила президенту свои соображения, в которых содержались завуалированная критика практики принятия решений президентом и предложения по созданию «институированного» механизма реагирования на кризисные ситуации. Президент согласился с предложениями комиссии, и 4 марта 1966 г. была создана Высшая межведомственная группа в составе заместителя министра обороны, директора Управления международного развития, директора Информационного агентства и специального помощника президента по вопросам национальной безопасности. Было учреждено также пять региональных межведомственных групп для разработки политических решений по ситуациям в отдельных районах мира (Европа, Восточная Азия, Ближний Восток и Южная Азия, Латинская Америка, Африка). Председателями этих региональных групп назначались заместители государственного секретаря, руководившие в госдепартаменте соответствующими региональными управлениями⁵⁸.

Острая борьба в политических кругах США вокруг политики администрации во Вьетнаме, прямо затрагивавшая и более общие вопросы «глобального интервенционизма», вызвала разногласия между некоторыми членами правительства. В частности, обострились отношения между президентом и министром обороны Р. Макнамарой. В первый период войны во Вьетнаме Макнамара энергично поддерживал курс президента. Однако, видимо, более чутко реагируя на симптомы перенапряжения ресурсов, во второй половине 60-х годов он уже критически отнесся к политике «глобального интервенционизма». В мае 1966 года он выступил с программным заявлением о некоторых новых принципах политики в локальных конфликтах. «В большой речи, которая привлекла внимание в высших политических кругах, — сообщала газета

«Нью-Йорк таймс», — Макнамара проанализировал обязательства США по всему миру и заявил: „Политикой Соединенных Штатов является поощрение и достижение более эффективного партнерства с теми нациями, которые могут и должны разделить с нами обязательства по сохранению мира“»⁵⁹.

Некоторые явные симптомы перенапряжения в связи с войной во Вьетнаме (сокращение ассигнований на внутренние нужды, крах программы «великого общества», валютно-финансовые затруднения, сложности в отношениях с европейскими союзниками и т. д.) заставили президента более внимательно отнестись к идеям «разделения ответственности» с союзными и «дружественными» государствами в локальных конфликтах. Анализ общей тенденции к возрастанию количества конфликтов в развивающихся странах показывал, что для Соединенных Штатов было бы практически невозможно в одиночку «контролировать» эти конфликты, в то время как они вели затяжную войну во Вьетнаме. Немаловажное значение для эволюции подхода США к конфликтам в развивающихся странах на этом этапе приобрели и стратегические соображения: резкое осложнение советско-американских отношений в связи с «воздушной» войной против ДРВ, рост противоречий с союзниками по НАТО и, в частности, с Францией из-за вьетнамской войны (летом 1966 г. во время поездки в Камбоджу де Голль высказался в пользу нейтрализации Индокитая). Известное влияние на усиление позиций сторонников идей «разделения ответственности» в джонсоновской администрации оказали военные перевороты, направленные против прогрессивных сил в Индонезии (1965 г.) и в Гане (1966 г.).

Эти новые элементы в политике администрации Джонсона проявились в ее подходе к арабо-израильскому конфликту в мае—июне 1967 года. Главным, что тревожило США на *Ближнем Востоке* в это время, были рост и укрепление прогрессивных сил в арабском мире. На юге Аравийского полуострова победила революция в Йемене и достигла новых успехов борьба Национального фронта Южного Йемена. В Сирии в феврале 1966 года укрепилось баасистское правительство, провозгласившее своей целью построение социализма. В Ираке к власти пришло правительство Н. Талеба, объявившее программу прогрессивных преобразований. Недовольство Соединенных Штатов ростом прогрессивных тенденций в арабских

странах отвечало интересам сионистской верхушки Израиля. В речи Макнамары в Монреале израильские лидеры увидели для себя возможность усиления связей с США на почве антиарабских действий. В связи с намерением США «полагаться на дружественные державы для предотвращения прямого вмешательства Америки в локальные конфликты, — отмечала газета «Нью-Йорк таймс», — Израиль считает, что он подходит под это определение»⁶⁰. Соглашение о поставке Израилю 100 самолетов «Скайхок», заключенное во время визита израильского министра иностранных дел Аббы Эбана в Вашингтон в феврале 1966 года, и другие меры по усилению Израиля указывали на то, что администрация Джонсона была готова оказать ему косвенную поддержку в вооруженной борьбе против прогрессивных режимов в Египте и Сирии⁶¹. В вооруженной агрессии руководители Израиля, со своей стороны, видели возможность вернуться к несостоявшимся в 1956 году планам территориальной экспансии.

Получив от США крупную военную помощь и обещание политической поддержки, Израиль начал серию провокаций на границе с Сирией, используя в качестве предлога борьбу против «терроризма». Правящие круги США были осведомлены о предполагаемой агрессии. В мае 1967 года газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Израильские лидеры решили, что применение силы против Сирии должно быть единственным средством прекратить терроризм»⁶². В июне 1967 года уже после «шестидневной войны» журнал «Ньюсуик» сообщил о существовании плана, по которому ожидалось, что «комбинация израильской мощи и сладкоголосия США принесет в высшей степени положительные результаты»⁶³.

Концентрация израильских войск на границе с Сирией представляла собой прямую угрозу безопасности этой страны. Чтобы сорвать попытку агрессии против Сирии, Египет ввел свои войска на Синайский полуостров, закрыл судоходство через Тиранский пролив и попросил Генерального секретаря Организации Объединенных Наций вывести войска ООН, размещенные на египетской территории вдоль израильской границы после урегулирования конфликта 1956 года. Египет не собирался начинать боевых действий⁶⁴; вместе с тем египетское правительство не могло оставаться безучастным перед непрерывными провокациями Израиля против Сирии и Иордании зимой и весной 1967 года. Сильное давление на На-

сера оказывали и феодальные режимы в арабских странах, обвинявшие его в «бездеятельности» перед лицом «сионистской агрессивности». Все же президент Насер считал, что ему удастся не допустить военного взрыва. Несмотря на угрозы со стороны США, которые попытались в мае организовать «международную карательную экспедицию» для открытия Тиранского пролива, американские дипломаты уверяли Насера, что Соединенные Штаты употребят свое влияние для предотвращения агрессии со стороны Израиля. Однако во время визита начальника израильской разведки в Вашингтон 2—4 июня было принято совместное решение об ударе Израиля по Египту и Сирии. 5 июня, когда вице-президент Египта Захария Мохиэддин по предварительной договоренности должен был вылететь в Вашингтон с предложениями по урегулированию кризиса, израильские войска нанесли удар по Синайскому полуострову.

Ход военного конфликта между Израилем и арабскими странами в июне 1967 года известен. Израиль оккупировал Синайский полуостров, сектор Газы, западный берег реки Иордан, арабскую часть Иерусалима, Голанские высоты. Однако главная цель агрессии не была достигнута: прогрессивные режимы сохранились и в Египте, и в Сирии. Эффективная помощь Советского Союза арабским странам не только содействовала сохранению прогрессивных режимов, но и в значительной мере способствовала тому, что агрессия Израиля, несмотря на активную поддержку США, не трансформировалась для этих стран в какие-либо ощутимые политические преимущества. Наоборот, особое недовольство в политических кругах США вызвало то, что им пришлось более энергично, чем это предполагалось идеями «разделения ответственности», вмешаться в конфликт, предпринять некоторые агрессивные акции (демонстративные действия 6-го флота) и активно поддержать Израиль в ООН, где его агрессия получила всеобщее осуждение. США оказались втянутыми в новый сложный и опасный конфликт, грозивший им потенциальным столкновением с Советским Союзом. Некоторые наиболее критически настроенные публицисты (например, А. Лилиенталь) вообще считали, что США проиграли войну на Ближнем Востоке.

Очевидная «сверхвовлеченность» США в конфликты в развивающихся странах в период администрации Джонсона превратилась в один из основных вопросов полити-

ческой борьбы в Соединенных Штатах. Центральное место в этой борьбе занимало отношение к войне во Вьетнаме. Острый внутривластный кризис вследствие антивоенных выступлений и краха программ «великого общества», рост финансовых трудностей, бюджетной задолженности и начало инфляции — все эти последствия вьетнамской войны для американского общества вызвали ожесточенную борьбу внутри политической элиты. Отставка Макнамары, командующего войсками США во Вьетнаме генерала Уэстморленда, смена почти всех советников президента, отчуждение между президентом и демократическим большинством в конгрессе и другие аспекты этой борьбы значительно ухудшали положение президента Джонсона и его шансы на переизбрание в кампании 1968 года.

В январе 1968 года началось знаменитое «новогоднее» наступление Народных вооруженных сил освобождения *Южного Вьетнама*, когда патриоты при широкой поддержке местного населения успешно атаковали 34 провинциальных и 64 районных центра и многие другие населенные пункты. Наступление позволило командованию патриотических сил прочно захватить инициативу в боевых действиях, нанести американским агрессорам и сайгонскому режиму ощутимые потери в живой силе и технике. С целью удержания наиболее важных городов и военных баз американское командование было вынуждено пойти на эвакуацию ряда крупных баз. Успешные наступательные действия НВСО коренным образом изменили соотношение сил в политических кругах США в пользу сторонников политического урегулирования, привели к краху политического курса администрации. В статье, посвященной анализу этих событий, Г. Киссинджер писал: «Цепь событий, приведших к началу переговоров (в Париже. — В. К.), началась с приезда генерала Уэстморленда в Вашингтон в ноябре 1967 года. Во время этого посещения генерал заявил на совместном заседании обеих палат конгресса, что на войне дело идет к военной победе... Он перечислил даже «признаки» наблюдающегося прогресса... Но вскоре наступление Вьетконга (название НФО ЮВ в западной печати. — В. К.), приуроченное к празднованию лунного Нового года, разнесло в пух и прах все посылки американской стратегии»⁶⁵.

В конце марта 1968 года в Белом доме была собрана Высшая группа советников по Вьетнаму⁶⁶, на заседани-

ях которой, сообщает Т. Хупс, «к концу бескомпромиссного и жесткого спора Л. Джонсон уже не мог сомневаться, что большинство его советников считали проводимую политику бесперспективной и стратегические интересы США требовали ее фундаментального пересмотра»⁶⁷. Особое влияние оказал на президента новый министр обороны К. Клиффорд, который высказался против посылки дополнительных континентов войск во Вьетнам. В результате было принято решение начать подготовку к коренному пересмотру политики администрации во Вьетнаме. 31 марта Джонсон объявил о прекращении бомбардировок ДРВ к северу от 20-й параллели, предложил начать переговоры об урегулировании конфликта и заявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на пост президента на выборах 1968 года. Для президента это было политической катастрофой. Публично отказавшись от надежд на военное решение вьетнамской проблемы, которая была «первой серьезной попыткой со стороны США найти военное решение господствующих политических и социальных проблем нашего века»⁶⁸, президент признал сокрушительное поражение стратегии «глобального интервенционизма».

13 мая 1968 г. в Париже начались предварительные переговоры между США и ДРВ, а с 1 ноября администрация была вынуждена объявить о прекращении воздушных бомбардировок, обстрела с моря, артиллерийского огня и всех других действий, связанных с применением силы против ДРВ. 25 января 1969 г. в парижском Доме международных конференций на авеню Клебер состоялось первое пленарное заседание четырехстороннего совещания по Вьетнаму в составе делегаций ДРВ, НФО ЮВ, США и сайгонской администрации.

Это была крупная победа вьетнамского народа, стран социалистического содружества, всех прогрессивных сил. «Героическая борьба вьетнамского народа против интервентов, — говорил Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году, — слилась воедино с решительной и эффективной военной и экономической помощью СССР и других стран социализма, с широким народным движением солидарности с жертвами агрессии, развернувшимся почти во всех странах мира, включая и США»⁶⁹.

Новая республиканская администрация США, приступившая к исполнению обязанностей в январе 1969 года

на волне антивоенных настроений, обещала избирателям «почетный выход» из вьетнамской войны путем политического урегулирования конфликта. Однако, уступая давлению правых кругов, новый президент Р. Никсон на деле пошел на затягивание урегулирования во Вьетнаме. В статье, опубликованной журналом «Форин афферс», в противовес «глобальному интервенционизму» он выдвинул другой подход в отношении локальных конфликтов, который был положен в основу политики его администрации во Вьетнаме. «Я не утверждаю, — писал Р. Никсон в статье, — что окончательно прошло время, когда США прибегали к использованию своих вооруженных сил в случае возникновения коммунистической угрозы в менее стабильных районах мира... Однако другие государства должны понять, что в будущем роль США как мирового полицейского ограничена». Никсон считал, что США должны направлять свои вооруженные силы для участия в локальных конфликтах, если их союзники «будут предпринимать самостоятельные коллективные военные действия против возможной угрозы, и эти усилия не дадут должного результата» или «последует коллективная просьба о помощи США»⁷⁰. Иными словами, новый президент одобрил идеи «разделения ответственности» в локальных конфликтах с «дружественными» странами и режимами.

В январе 1969 года Г. Киссинджер, который занял пост специального помощника президента по вопросам национальной безопасности в новой администрации, изложил программу республиканской администрации во вьетнамском конфликте. Он высказался за дальнейшее укрепление сайгонского режима и перепоручение ему функций вооруженной борьбы по мере вывода из Южного Вьетнама некоторой части американских войск. 8 июля 1969 г. после встречи с Тхиеу президент Никсон объявил о выводе из Южного Вьетнама первой группы — 25 тыс. американских солдат. 25 июля 1969 г. на острове Гуам во время поездки по ряду стран Азии президент выступил с программным заявлением, в котором, в частности, указывал, что США будут «участвовать в обороне и развитии» своих союзников, но они не могут разрабатывать все планы, все программы, выполнять все решения и брать на себя во всем объеме обязательства по их «защите». Перед Соединенными Штатами, говорил президент, стоит один вопрос: как наиболее действенно, «вы-

полняя обязательства, оградить свои интересы». Ответ на это он видел в том, что: во-первых, США, безусловно, выполняют уже взятые обязательства; во-вторых, если какая-то ядерная держава станет угрожать неядерной, США будут считать себя несущими «особую ответственность»; наконец, что касается других «опасностей», ответственность в борьбе против них ложится прежде всего на ту страну, к которой они имеют непосредственное отношение. Так была сформулирована «гуамская доктрина»⁷¹, которая явилась ответом новой администрации на острую дискуссию в США по вопросам «глобального интервенционизма».

Республиканцы были вынуждены отказаться от генеральной линии своих предшественников, нацеленной на прямое вмешательство силами и средствами США в дела освободившихся государств. Тем самым они признали провал курса на «глобальный интервенционизм», стремясь смягчить остроту внутреннего кризиса и сохранить престиж США за границей. Одновременно глава новой администрации сопровождал обещания пересмотреть курс на «глобальный интервенционизм» различными оговорками и обещаниями сохранить «жесткость», адресуя их реакционному крылу политических кругов (выступления президента Никсона против «неоизоляционистов»), активными консультациями с союзниками и заверениями зависимых режимов в продолжении поддержки со стороны США (блицвизит президента по странам Азии в июле 1969 г., поездка вице-президента С. Агню по странам Азии в конце 1969 г. и т. п.). Однако, несмотря на всю непоследовательность, с которой новая администрация приступила к пересмотру «глобального интервенционизма», было ясно, что острый внутренний и внешнеполитический кризис США в результате поражения во Вьетнаме потребовал от правящих кругов внести существенные коррективы в политику по отношению к конфликтам в развивающихся странах на рубеже 70-х годов.

Эволюция политического курса США по отношению к конфликтам в развивающихся странах в 1945—1970 годах динамична и в то же время, внутренне противоречива. Как одно из направлений политики укрепления позиций американского империализма в освободившихся государствах, этот политический курс в условиях неви-

данного размаха освободительной борьбы народов, дальнейшего роста могущества мирового социализма и ослабления общих позиций империализма со временем занял видное место во внешнеполитических приоритетах правящих кругов США. Это особенно наглядно проявилось в 60-е годы, когда США предприняли вооруженную агрессию против Вьетнама, Панамы, Доминиканской Республики, угрожали Кубе, поддержали нападение на арабские страны. Политика по отношению к конфликтным ситуациям в развивающихся странах стала в это время важной частью общего агрессивного внешнеполитического курса США.

Она была направлена на решение стратегических задач американского империализма в зоне национально-освободительного движения и использовалась для достижения преимуществ и выигрыша в борьбе с мировой системой социализма, для демонстрации угроз в ее адрес. «Политика авантюр в сочетании с фактом накопления главными империалистическими державами запасов оружия массового уничтожения, — отмечал на международном Советании коммунистических и рабочих партий Л. И. Брежнев, — делает империализм наших дней постоянной угрозой миру во всем мире, угрозой для жизни многих миллионов людей, для существования целых народов»⁷².

Рост значения данного направления в общеполитическом курсе США на международной арене проявлялся главным образом в увеличении военно-политических и географических масштабов их вовлеченности в конфликтные ситуации в развивающихся странах. «Вовлеклись в агонию мировых конвульсий — войны, внутренние конфликты и восстания, — отмечалось на страницах американской печати, — наша страна только три календарных года за послевоенный период: 1956, 1957 и 1959, находилась в мире, а ее вооруженные силы не участвовали в конфликтных ситуациях за рубежом»⁷³. Главными показателями этой военно-политической вовлеченности США являются формы их участия в конфликтах в развивающихся странах в период 1945—1970 годов. К основным формам такого участия можно отнести:

1. локальную войну против освободительных движений;
2. отдельные боевые операции американских вооруженных сил против освободительных движений в под-

держку реакционных проимпериалистических группировок в развивающихся странах;

3. поддержку проимпериалистических группировок в вооруженном конфликте с ограниченным применением силы («демонстрации силы», транспортные перевозки, активная военная помощь и т. п.);

4. поддержку реакционных группировок с применением скрытых средств вмешательства (поставки вооружений, финансирование секретных операций и т. п.);

5. дипломатическую поддержку одной из сторон конфликта (в ООН, в региональной организации, содействие политическому урегулированию в интересах поддерживаемой стороны и т. п.).

Интенсификация участия США в конфликтных ситуациях в развивающихся странах в 1945—1969 годах сопровождалась и расширением его географических рамок. В таблице 5 (см. с. 149) сгруппированы наиболее известные случаи вмешательства США в эти ситуации, в соответствии с основными формами такого вмешательства.

Таким образом, к концу 60-х годов политика США в отношении конфликтов в развивающихся странах превратилась в одно из важнейших по характеру, объему затрат и масштабам деятельности направлений внешней политики. Именно на этом направлении наиболее быстрыми темпами происходило втягивание США в бесчисленные и дорогостоящие военные авантюры.

Вместе с тем росту вовлеченности США в конфликтные ситуации в развивающихся странах были присущи глубокие внутренние противоречия, которые привели «глобальный интервенционизм» и общий внешнеполитический курс США к острому кризису на рубеже 70-х годов. Во-первых, это относится к целям политики США в конфликтах развивающихся стран. Критики «глобального интервенционизма», в особенности сторонники либеральной ориентации (в академических кругах к ним можно отнести Р. Барнета, Э. Ахмада, Г. Колко, Т. Фарера и др.), отмечали, что одной из главных целей этой политики была поддержка наиболее реакционных и консервативных политических сил и режимов, природа и политика которых противоречили объективным тенденциям «модернизации» развивающихся стран даже в рамках буржуазно-демократических преобразований. Следовательно, эта политика противодействовала в том числе и интересам самих США, стремившихся направить раз-

витие стран Азии, Африки и Латинской Америки по капиталистическому пути. Эта противоречивость американской политики, по мнению критиков, объективно стимулировала тенденции к революционным переменам в освободившихся странах и содействовала усилению позиций революционно-демократических сил.

Таблица 5

Годы	Формы участия США				
	1	2	3	4	5
1945— 1949	—	Китай	Южная Корея, Филиппины	Турция, Сирия, Индокитай, Парагвай	Иран, Израиль— арабские страны, Индонезия
1950— 1954	—	Пуэрто- Рико, Гватемала	Индокитай	Египет, Иран	Коста-Рика, Никарагуа
1955— 1959	Ливан	—	Иордания, Лаос, Венесуэла	Таиланд, Южный Вьетнам, Индонезия	Ближний Восток
1960— 1964	Южный Вьетнам	Лаос, Панама, Куба (1962)	Конго, Йемен	Доминиканская Республика, Куба (1961), Гватемала, Колумбия, Бразилия, Гайана	Индия— КНР, Гаиланд— Камбоджа, Кипр
1965— 1969	Доминиканская Республика	—	Израиль— арабские страны	Боливия, Перу, Таиланд, Южный Вьетнам— Камбоджа	Конго, Индия— Пакистан

Во-вторых, более умеренные критики «глобального интервенционизма» (Ч. Боулс, Г. Моргентау, Б. Броди) отмечали противоречие между социально-политическим характером проблем, решавшихся в ходе конфликтов в освободившихся странах, и тенденцией правящих кругов рассматривать их в основном как военную проблему. Так, бывший посол США в Индии Ч. Боулс, выступая с критикой послевоенной азиатской политики США, отмечал: «Недооценивая новые революционные настроения в Азии, мощную движущую силу которых образуют люди и идеи, мы упрямо придерживались убеждения, будто американская военная мощь может позволить нам предложить этим странам нашу собственную политическую программу»⁷⁴. Попытки правящих кругов США ответить на острейшие социальные противоречия и конфликты развивающихся стран с помощью вооруженной силы, восприятие конфликтных ситуаций, возникавших на почве столкновений прогрессивных тенденций с обскурантизмом правящих прослоек в развивающихся странах, как «вызова» со стороны «международного коммунизма» создавали острое противоречие между целями и средствами политики США. По мере усиления политики вмешательства и роста числа вооруженных интервенций США возрастала общая неустойчивость в странах Азии, Африки и Латинской Америки, отодвигая в область недостижимого цели «проамериканской стабилизации» этих стран.

В-третьих, острое противоречие развилось между реальными возможностями США и масштабами политики «глобального интервенционизма». Непонимание природы и характера конфликтов в развивающихся странах, их истинной глубины, сложности и подлинных размеров породили среди правящих кругов США переоценку собственных сил и возможностей. Соединенные Штаты формально обязались в двустороннем или коллективном плане оказывать помощь в борьбе против революционных движений 24 развивающимся государствам⁷⁵, распространили скрытые «контрпартизанские» операции более чем на 50 стран мира. Это привело к значительным перерасходам бюджета (война во Вьетнаме, содержание специальных и обычных вооруженных сил на базах в развивающихся странах, военная и экономическая помощь зависимым режимам), что во многом содействовало общему ухудшению состояния американской эконо-

мики к концу 60-х годов. Противоречие между возможностями Соединенных Штатов Америки и истинными масштабами объекта политики интервенционизма в развивающихся странах вызвало острую дискуссию о перенапряжении ресурсов и серьезные расхождения в политических кругах.

Совокупность этих противоречий на рубеже 70-х годов под влиянием поражения во Вьетнаме привела к общему кризису внешней политики США. В ней резко проявились существенные диспропорции распределения активности на международной арене, нарушение равновесия между отдельными направлениями внешнеполитического курса и взаимозависимости между ними. Правые критики администрации Джонсона указывали, что, увлекшись вмешательством в «периферийные» конфликты (многие из них считали конфликтом такого рода и Вьетнам, поскольку «центральный» конфликтом, с их точки зрения, была конфронтация с Советским Союзом) и не достигнув при этом успеха, США подорвали свой престиж за рубежом, утратили ведущее положение в области стратегических вооружений. А это, по их мнению, может изменить всю международно-политическую ситуацию не в пользу США. Главные союзники США (страны Западной Европы и Япония) также были крайне недовольны сверхвовлеченностью Вашингтона на «периферии», считая, что от этого страдает их собственная безопасность, под угрозой находятся их позиции в развивающихся странах.

В целом одним из главных итогов 60-х годов для системы приоритетов внешней политики США считалось смещение в сторону относительно второстепенных направлений, и основную причину здесь политические противники администрации демократов видели в «глобальном интервенционизме».

Администрация Никсона под влиянием сокрушительного поражения США во Вьетнаме, ожесточенной политической борьбы и критики в адрес «глобального интервенционизма» в США была вынуждена начать свою деятельность в сфере внешней политики с декларацией о пересмотре этого политического курса. «Гуамская доктрина», как первое значительное мероприятие администрации Никсона по пересмотру курса «глобального интервенционизма», предусматривала лишь частичное решение выявленных противоречий: сокращение «сверх-

вовлеченности» США в конфликтные ситуации в развивающихся странах, в первую очередь — за счет вывода американских войск из Вьетнама и снижения расходов на эту войну. Своей главной задачей администрация Никсона считала «утихомирить страсти» в самих Соединенных Штатах и развязать себе руки для решения более важных задач внешней политики. В то же время новая администрация обещала обеспечить интересы Соединенных Штатов Америки в развивающихся странах, переложив бремя вооруженной борьбы против освободительных процессов в основном на зависимые режимы.

**ПОВОРОТ К РАЗРЯДКЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАПРЯЖЕННОСТИ И УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА
ПОЛИТИКИ ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х ГОДОВ**

Республиканская администрация, на долю которой пришелся пересмотр некоторых основ американского внешнеполитического курса в первой половине 70-х годов, была вынуждена уделить значительное внимание и проблемам «глобального интервенционизма». Пересмотр этого политического курса в целом развивался в направлении сокращения прямой вовлеченности США в конфликтные ситуации. Стремясь исправить таким образом диспропорции, появившиеся в общем внешнеполитическом курсе, администрация вместе с тем учитывала мнения тех, кто считал, что, «если США отступят слишком далеко от глобальной роли, какую они взяли на себя после второй мировой войны, результатом может быть опасный сдвиг в мировом балансе и целый ряд новых кризисов»¹.

Сокращая вовлеченность в развивающемся мире за счет «разделения ответственности» с союзниками, администрация республиканцев одновременно стремилась обеспечить стратегические интересы США в Азии, Африке и Латинской Америке путем повышения маневренности политического курса в конфликтных ситуациях и сосредоточения основных усилий на проблемах глобального порядка. Этот подход концептуально был сформулирован Г. Киссинджером в коллективной монографии ведущих американских ученых-международников «Повестка дня для нации». «Региональные группировки, поддерживаемые США, — писал он, — должны взять на себя основную ответственность за свои непосредственные районы, в то время как Соединенные Штаты будут уделять основное внимание задачам сохранения мирового порядка»².

Администрация республиканцев, объявив о пересмотре «глобального интервенционизма», пошла и на опре-

деленное смягчение напряженности в отношениях с Советским Союзом.

В первую очередь, это объяснялось трезвым учетом изменений в глобальном соотношении сил в пользу социализма и национально-освободительного движения, хотя известную роль здесь сыграло и субъективное стремление новой администрации повысить гибкость американской внешней политики за счет прекращения отношений конфронтаций на главных направлениях своей политики.

Вашингтонская администрация надеялась таким образом отделить проблемы дальнейшей борьбы за руководство освободившимися странами от проблем отношений с главными противниками США, а может быть, и попытаться найти «взаимопонимание» с ними в некоторых развивающихся странах.

Однако любые попытки использовать разрядку международной напряженности и процессы нормализации в советско-американских отношениях для повышения свободы маневра США в локальных конфликтных ситуациях натолкнулись на принципиальную и последовательную позицию СССР в вопросах поддержки национально-освободительного движения. «Советский Союз, — заявил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — полностью поддерживает законные устремления молодых государств, их решимость полностью избавиться от империалистической эксплуатации, самим распоряжаться своими национальными богатствами»³.

Поэтому пересмотр правящими кругами США политики по отношению к конфликтным ситуациям в развивающихся странах имел вынужденный характер и был обусловлен кризисом политики вооруженного вмешательства.

Действия администрации по пересмотру некоторых наиболее скомпрометированных сторон «глобального интервенционизма» предпринимались в обстановке острых дискуссий в американских политических кругах, начавшихся во второй половине 60-х годов под влиянием поражения во Вьетнаме, продолжавшихся в течение первого периода администрации Никсона (1969 — 1972 гг.) и отчасти захвативших середину 70-х годов. В этих дискуссиях было высказано немало соображений, которые были учтены администрацией при переходе к более гибким формам борьбы против национально-освободительного движения.

Дискуссии в американских политических кругах по вопросам вмешательства в дела развивающихся стран

Конфликты в развивающихся странах на рубеже 70-х годов продолжали занимать большое место в их политической жизни, определяли уровень устойчивости общеполитической ситуации, представляли удобный канал воздействия на нее в интересах США. Поэтому и военные, и политические ведомства США проявляли повышенный интерес к дискуссиям в политических и научных кругах по вопросам политики в отношении этих конфликтов, считая, что сокращение общей вовлеченности Соединенных Штатов в развивающемся мире может быть компенсировано повышением эффективности их действий в ключевых ситуациях.

Поражение во Вьетнаме дало убедительный ответ на вопрос, должны ли США и дальше стремиться к повсеместному прямому вмешательству в конфликтные ситуации в развивающихся странах. Поэтому в спорах по проблемам политики в отношении этих конфликтных ситуаций преобладал вопрос: каким образом могут США использовать их в своих целях, избегая при этом повторения «вьетнамского опыта»?

Естественно, что важное место в поисках ответа на этот вопрос занял критический разбор практики интервенционизма. Критики «глобального интервенционизма» в целом отрицали его пригодность, полагая, что прямое вмешательство США в конфликтные ситуации в развивающихся странах вело к возникновению острых международных кризисов, грозящих всеобщей «мировой стабильности» и более общим интересам США. С одной стороны, они расценивали рост оборонного могущества Советского Союза в области стратегических вооружений и обычных видов вооруженных сил как фактор, объективно благоприятствующий силам национального освобождения, поскольку в этих условиях, по их мнению, военный разгром революционных сил с помощью прямой интервенции становился недостижимым. Одновременно критики интервенционизма считали, что именно вмешательство США в борьбу против национально-освободительного движения являлось причиной обращения развивающихся стран за помощью к социалистическим странам⁴.

С другой стороны, попытки правящих кругов оказать военное давление на Советский Союз в ходе локальных интервенций (например, с помощью приведения в боевую готовность своих стратегических сил) оборачивались угрозой безопасности самих Соединенных Штатов, ибо возникала опасность глобального столкновения. Это, как показал опыт, вызывало в политических кругах США особенно сильные разногласия, отрицательную реакцию их главных союзников, подрывало единство западного мира и престиж его лидера. Таким образом, проблематичность выигрыша, вследствие прямого вмешательства в локальный конфликт, сопровождалась, по мнению критиков интервенционизма, неизбежным обострением всей системы международных отношений, при котором США могли ожидать существенные потери.

Коренные изменения в соотношении сил в мире, наглядно продемонстрировавшие сужение возможностей США, объективно содействовали усилению роли той части политических кругов, которая пыталась критически переосмыслить неудачи политики «глобального интервенционизма», реалистично оценить масштабы урона, который несет их страна, развязывая международно-политические кризисы; наконец, трезво взвесить ту огромную угрозу, какую они представляют для самих Соединенных Штатов. Представители этой части американских политиков все чаще приходили к выводу, что в современных условиях лежащая в основе «глобального интервенционизма» военная сила, как правило, не трансформируется в политическое влияние и не может принести успеха США ни на глобальном, ни на локальном уровнях. Мысли подобного рода высказывались как в фундаментальных научных исследованиях специалистов по вопросам стратегии (К. Норр, Б. Броди), так и в выступлениях видных политических деятелей (бывший представитель США в ООН Ч. Йост, сенаторы У. Фулбрайт, Э. Кеннеди, Дж. Макговерн).

Большое внимание в США вызывали некоторые конструктивные идеи относительно природы конфликтов в развивающихся странах на современном этапе, а также предложения по пересмотру отношения США к этим ситуациям. Обусловленная поражением во Вьетнаме прагматизация общего отношения политических кругов США к конфликтам в развивающихся странах содействовала появлению среди определенной части американ-

ской политической элиты более объективного взгляда на характер освободительных процессов в развивающемся мире и понимания необходимости отказаться от лобового подхода к ним с антикоммунистическими мерками. Такова была позиция представителей школы «политического реализма». В частности, в своей книге «Новая политика для Соединенных Штатов» Г. Моргентгау отмечал: «Что уже совершенно неприемлемо для нас, так это утверждение, будто сегодня в мире существует революционная ситуация. Эта революционная ситуация существовала бы, даже если бы мы никогда не слышали о коммунизме... То, что эти национальные и социальные революции у нас связывают с влиянием коммунизма, является результатом неспособности Запада поддержать их морально и материально»⁵.

Призывы отказаться от антикоммунистических взглядов на освободительные процессы в развивающихся странах и попытаться найти компромисс с ними воспринимались далеко не всеми в политических кругах США. Однако и те, кто продолжал считать главной причиной освободительных движений подрывную деятельность коммунизма, в то же время признавали огромную роль неурегулированности социально-экономических и политических проблем в этих странах в сохранении политической неустойчивости и возникновении конфликтов.

В ряду этих сложных явлений в освободившихся государствах и в их отношениях со странами развитого капитализма на рубеже 70-х годов значительно возрос удельный вес и таких проблем, как «продовольственный кризис», «демографический взрыв», борьба за контроль над эксплуатацией ресурсов, накопление капитала и т. п. Признание этих реальностей выводило некоторых специалистов на позиции резко негативного отношения к политике администрации. Например, специалист по продовольственным проблемам Л. Браун прямо обвинил администрацию в неумении понять значение острого «продовольственного кризиса» в некоторых развивающихся странах для «глобальной неустойчивости»⁶.

Оценивая по достоинству значение внутренних проблем в возникновении конфликтных ситуаций, некоторые специалисты и политические деятели признавали и негативную роль в этом политики США. Тот факт, что Соединенные Штаты сыграли значительную роль в подрыве внутренней стабильности в развивающихся странах, в

частности, фигурировал в брошюре Американской ассоциации содействия ООН «Контролирование конфликтов в 70-е годы». Там указывалось, что США, проводившие политику создания «дружественных правительств», сделали известный «вклад» в дестабилизацию общей обстановки в освободившихся странах⁷.

Дискуссии в политических и академических кругах США относительно природы и характера конфликтных ситуаций в развивающихся странах сводились в основном к оценке их международно-политического значения. Некоторые наиболее последовательные сторонники «объективистского» взгляда на эти конфликты выступали против сыгравшего большую роль в становлении политики интервенционизма тезиса о «вакууме в деколонизированных странах», который должны были заполнить США, предотвратив тем самым их «захват коммунистами». Отрицательное отношение к идеям «коммунистического заговора» как первопричине политической неустойчивости в развивающихся странах выводило некоторых американских специалистов и на позиции отрицания значимости этих проблем для США. Например, в коллективной монографии «Внешняя политика США: перспективы и предложения на 70-е годы» отмечалось: «Развивающиеся страны находятся в состоянии динамичной нестабильности... Комбинация большого населения и высокой степени внутренней неустойчивости проявляется во внутренних беспорядках, но не в силе внешнего влияния»⁸. Однако большинство специалистов и политических деятелей не разделяли этой точки зрения, считая, что «хаос» в развивающихся странах угрожает стабильности капиталистического мира.

Противоречивость оценок международно-политического значения конфликтов в развивающихся странах проявилась и в дискуссии по проблемам реагирования США. Например, авторы упоминавшейся выше монографии «Внешняя политика США» считали, что «было бы лучше ослабить связь между национальными интересами США и событиями в развивающихся странах... и уклоняться от вовлечения в эти события»⁹. Авторы этой монографии предлагали ориентироваться на «уравнительную» стратегию в развивающихся странах без выделения среди них районов особых интересов. Весьма показательна также позиция некоторых американских специалистов-международников, принявших участие в

опросе, организованном журналом «Уор/пис рипорт». Среди вопросов, на которые предлагалось ответить этим специалистам, был и вопрос о перспективах политики США на период 1973—1977 годов в отношении конфликтов в развивающихся странах. Большинство из 151 опрошенных специалистов сочло, что наиболее динамичным и конфликтным явлением в системе международных отношений в течение исследуемого периода будут оставаться события в странах Азии, Африки и Латинской Америки (борьба за национальное освобождение, внутренние войны, конфликты между отдельными странами и т. п.). Тем не менее они рекомендовали воздерживаться от вмешательства в эти события¹⁰.

Однако большинство в политических кругах, соглашаясь с необходимостью пересмотра политики интервенционизма, все же считало, что США не должны полностью «уходить» из районов развивающихся стран. «Недавний опыт и происходящий в настоящее время пересмотр политики США, — писал, например, С. Хантингтон, — превращают лозунг «Больше никаких Вьетнамов» в вероятную основу американской политики в обозримом будущем. В то же время Соединенные Штаты ни в коем случае не должны возвращаться к довоенному изоляционизму, и нам следует сохранить своё присутствие в других странах»¹¹. Это мнение поддержали и другие специалисты, придерживающиеся теории «политического развития». В частности, известный исследователь «энергетического кризиса» Р. Хантер писал в связи с угрозой наступления стран — членов ОПЕК на позиции международных монополий, что «вряд ли Соединенным Штатам удастся удержаться в стороне» от вмешательства в конфликт с нефтедобывающими странами¹².

Единодушие среди сторонников продолжения политики вмешательства, разумеется, не было. Некоторые из них, считая, что США должны каким-либо образом следить за обстановкой в развивающихся странах, в то же время признавали: «В 70-х годах ни дипломатия канонерок, ни дипломатия доллара не принесут особых успехов Соединенным Штатам»¹³. Другие, в частности к ним относились и сторонники «политического развития», полагали, что США должны сделать упор в стратегии вмешательства в развивающихся странах на экономические средства, подключив к этому транснациональные корпорации. Ряд политических деятелей, поддерживая

идеи переноса акцента в политике вмешательства в конфликтные ситуации на невоенные средства, рекомендовали усилить роль «политического руководства». В частности, они выступали в пользу помощи США развивающимся странам в вопросах завершения их «первичной стабилизации» (укрепление государственного механизма, инфраструктуры, решение территориальных вопросов и т. п.). Поборником идей такого рода, названных «новым интернационализмом», выступил сенатор У. Фулбрайт, предложивший усилить «миротворческие» действия США и оказать реальную помощь развивающимся странам в урегулировании сложных международных и внутренних конфликтов (Ближний Восток, Кипр), используя при этом и механизм ООН. В этом же направлении выступали политические и общественные деятели, группирующиеся вокруг Ассоциации содействия ООН, отчасти — некоторые члены первой администрации Никсона.

Именно среди сторонников таких идей высказывались мнения о необходимости согласовывать действия США по отношению к конфликтным ситуациям в развивающихся странах с процессами разрядки напряженности в отношениях с Советским Союзом. В пользу этого неоднократно высказывался Л. Блумфилд, считавший, что нет более «высокой цели», чем добиться согласования между великими державами курса на ограничение конфликтов в «кризисных зонах»¹⁴. На необходимость придерживаться духа «Основ взаимоотношений между СССР и США» указывал в своих выступлениях и Ч. Йост. Эта относительно немногочисленная, но влиятельная группировка ставила вопрос о логичности распространения разрядки на все сферы конфликтных интересов великих держав. Тот факт, что администрация была вынуждена пойти на подписание пунктов документа об «Основах взаимоотношений между СССР и США», относящихся к проблемам локальных конфликтных и кризисных ситуаций, подчеркивал значимость позиций этой группировки.

Главные дискуссионные баталии в этот период развернулись вокруг проблем вооруженного вмешательства США в конфликты в развивающихся странах. Даже среди тех деятелей, кто выступал за усиление роли невоенных средств политики в отношении этих конфликтов, большинство все же считало, что военные методы не

должны быть полностью исключены из внешнеполитического арсенала. Другие более последовательно выступали за сохранение методов вооруженного вмешательства, настаивая при этом на целом ряде оговорок и условий. В результате дискуссии по вопросам вооруженного интервенционизма в развивающихся странах шли вокруг проблем «селективности» военного вмешательства. На общий ход этих дискуссий большое влияние оказали критический разбор «глобального интервенционизма» и некоторые важные исследования по стратегическим вопросам, появившиеся в США на рубеже 70-х годов.

Практически единодушное признание провала «глобального интервенционизма» ставило естественные пределы дискуссиям по вопросу о вооруженном вмешательстве в развивающихся странах, ограничивая их вопросами краткосрочных вооруженных интервенций, не грозящих США втягиванием в затяжные войны. Исследования по политико-стратегическим вопросам (работы Г. Киссинджера, Г. Моргентау, З. Бжезинского, А. Раппорта, С. Хоффмана и др.), в которых проводилась мысль о необходимости переориентации центра внешнеполитических усилий США на глобальные проблемы, смещали акцент в вопросах вооруженной борьбы против освободительных движений в развивающихся странах на учет более общих соображений «баланса сил» в Европе, Средиземноморье, Юго-Восточной Азии, на Дальнем Востоке.

Особое значение в этом плане приобрели проблемы вооруженного вмешательства в Азии, на «периферии» Китая. Учитывая некоторые особенности внешнеполитического курса пекинского руководства к концу 60-х годов, целый ряд специалистов и политических деятелей настоятельно требовали пересмотра проблем вооруженного вмешательства в конфликтные ситуации в этом районе. Здесь, считали они, безоглядное продолжение практики «глобального интервенционизма» было способно помешать США использовать сложившуюся расстановку сил для консолидации своих позиций в свете поражения в Индокитае. В пользу пересмотра политики вооруженного вмешательства в Азии с этой точки зрения высказались еще в 1968 году участники дискуссии о трехсторонних отношениях в Азии (США — Китай — Япония), организованной Центром исследования демократических институтов (Калифорния). С критикой в адрес вооружен-

ного вмешательства в этом плане выступил известный американский специалист по проблемам азиатской политики Б. Гордон, который считал, что США должны отказаться от ставки на вооруженный конфликт как средство урегулирования проблем своей «безопасности» в отношениях с Китаем¹⁵.

Среди работ американских ученых, предлагавших новые подходы к проблемам вооруженного вмешательства, в первой половине 70-х годов известное внимание привлекли статьи П. Уорнке и Л. Гелба «Безопасность или конфронтация: предложения по политике обороны», Г. Аллисона, Э. Мэя и А. Ярмолинского «Пределы вмешательства» и некоторые другие. Общим для всех этих работ было убеждение в необходимости пересмотра принципов вооруженного вмешательства США за рубежом, главным образом в развивающихся странах. Вместе с тем в подходах разных авторов были и некоторые расхождения.

Так, в статье Г. Аллисона, Э. Мэя и А. Ярмолинского предлагалось пересмотреть практику вооруженного интервенционизма, приближая ее к договорным и другим формальным обязательствам, которые уже имелись у Соединенных Штатов. Авторы предлагали брать за основу определения возможной военной реакции США следующую степень угрозы в локальном конфликте: 1) прямая «агрессия» со стороны коммунистической державы против союзника США; 2) прямая агрессия со стороны одного государства против другого, не союзного США; 3) внутренняя вооруженная борьба в дружественном США государстве без прямого участия иностранного государства¹⁶. В зависимости от этого авторы предлагали определять конкретный образ действий — от военной помощи до посылки американских войск, ограничивая таким образом стремление военных кругов к безоглядному вмешательству.

П. Уорнке и Л. Гелб в принципе отвергали сложившуюся систему договоров, которые обязывали США приходить на помощь союзникам в случае «агрессии», и предлагали руководствоваться исключительно интересами США. Эти интересы, по их мнению, и должны определять в каждом конкретном случае, следует ли США вмешиваться в тот или иной конфликт (и в какой степени). Эти авторы стремились «американизировать» внешнюю политику США, освободить ее от бремени

внешних обязательств, вынуждавших, как это считалось, Америку иногда вмешиваться, независимо от того, выгодно это самому Вашингтону или нет¹⁷. Данный подход, разумеется, был продиктован популярными среди определенной части политических деятелей соображениями «национального эгоизма», однако он был отрицательно встречен более широкими политическими кругами, поскольку грозил США полным развалом «союзного мира» и подрывом их глобального престижа.

С критикой обеих концепций выступил бывший советник сенатской комиссии по иностранным делам Р. Пол. Он считал, что концепция Г. Аллисона, Э. Мэя и А. Ярмолинского не учитывает важности американских интересов в конфликтах, затрагивающих интересы «друзей» США, с которыми не было в то время прямых соглашений «о безопасности» (например, Израиль). Предложения П. Уорнке и Л. Гелба, по его мнению, были также неприемлемы из-за их игнорирования сложившейся системы «обеспечения безопасности» США и их союзников. Р. Пол предложил свой подход к решению вопросов вооруженного вмешательства, который учитывал бы как интересы США, так и главные интересы их союзников. В качестве основы оценки целесообразности прямого вмешательства США Р. Пол предложил следующие критерии: 1) соответствие интересов, затронутых в конкретном конфликте, характеру действий, предпринимаемых США; 2) возможность достижения поставленной цели с помощью предпринимаемых действий; 3) возможность выйти из конфликтной ситуации, если действия не увенчались успехом; 4) возможность предотвращения превышения «стоимости» действий США над отстаиваемыми в конфликте интересами¹⁸.

Значительный вклад в разработку проблемы военного вмешательства был сделан в рекомендациях известного специалиста по вопросам внешней политики Р. Стила. Во-первых, Р. Стил считал необходимым проявить терпимость по отношению к революционным движениям в развивающихся странах. По его мнению, США должны были стремиться доказать революционным режимам, что они больше выиграют, «живя в дружбе с Америкой, нежели ссорясь с ней». Во-вторых, он рекомендовал прекратить военную и политическую поддержку реакционных и репрессивных режимов. Не пользуясь поддержкой собственного населения, считал автор, эти режимы дер-

жались у власти с помощью США, что грозило последним перспективой бесконечного вмешательства в дела таких стран. В-третьих, Р. Стил подчеркивал необходимость избегать прямого вооруженного вмешательства во внутренние дела других стран, в особенности в гражданские войны. «Если только самоопределение, о котором мы трубим на каждом углу, как о нашем ведущем принципе, — писал он, — что-нибудь да значит, мы должны признать, что нации имеют право сами разрабатывать свое внутреннее устройство, каким бы неприемлемым оно для нас ни было». В-четвертых, он предлагал пересмотреть отношение к военным союзам, которые вовлекали США в конфликтные ситуации, нередко противоречащие интересам Америки. В-пятых, Р. Стил рекомендовал рассматривать вопросы возможного военного вмешательства США только в том случае, если налицо была «прямая агрессия», ставившая под угрозу их существенные интересы¹⁹.

Рекомендации Р. Стила заслуживают особого внимания. Они были наиболее близки по духу к настроениям, господствовавшим в США в первой половине 70-х годов. В опубликованном в 1975 году опросе общественного мнения, проведенном Чикагским советом по внешним сношениям, была дана оценка отношения американцев к вооруженному вмешательству за рубежом. Опрашивались отдельно представители рядовых американцев («общественность») и политические деятели («лидеры»). Результаты ответов (в процентах) на вопрос «какова должна быть реакция США в случае нападения на дружественные страны?» выглядели следующим образом²⁰:

	„общественность“	„лидеры“
1. Оказать военную и экономическую помощь, в том числе направить войска	23	34
2. Оказать только военную и экономическую помощь	37	47
3. Оказать только экономическую помощь	22	6
4. Не оказывать никакой помощи	9	1
5. Не дали определенного ответа	9	12

Эти настроения оказывали определенное влияние и на развитие теоретической мысли в США. В целом на этом направлении в первой половине 70-х годов укорени-

лись взгляды, отстаивавшие идеи «дозированного» и «выборочного» применения силы со стороны США в конфликтных ситуациях. Наиболее полно были сформулированы они в упоминавшейся коллективной монографии «Границы силовой дипломатии», авторы которой подчеркивали необходимость более активного применения политических средств при вмешательстве в конфликтные ситуации. «Некоторые теоретики и практики, — писал в этой книге А. Джордж, — придерживаются свехупрощенного, примитивного взгляда на силовую стратегию, которая полагается исключительно на угрозы... Необходимо отличать силовую дипломатию от просто силы; эта дипломатия включает возможность ведения переговоров, заключения сделок и компромиссов и в то же время использование угроз»²¹. В пользу «выборочного» применения силы высказались и другие специалисты-конфликтологи Т. Шеллинг, У. Шварц, Р. Фишер, В. Рок, Х. Трайверс и другие.

Эти соображения оказывали известное влияние на военные ведомства США, так как в них учитывалось появление и принятие на вооружение целого ряда новых военно-технических средств, позволявших вооруженным силам перейти к более гибким и избирательным акциям: повышению мобильности войск вследствие принятия на вооружение новой авиатранспортной техники, насыщению войск «кризисного реагирования» более эффективными огневыми средствами, внедрению электронных средств ведения войны и т. п. В результате в практических аспектах политики США в конфликтных ситуациях усилились элементы осторожности в отношении военной вовлеченности и ориентации на более гибкие «техничизированные» методы борьбы. «Уроки Вьетнама усилили самые варварские и разрушительные компоненты стратегии «контрпартизанских» войн, — писал об этом Э. Ахмад. — Похоже, что сейчас она практикуется в самой последней и пересмотренной форме, которая подчеркивает важность тоталитарного контроля над населением, массивных переселений и разорения крестьян, быстрых и беспощадных репрессий с максимальным использованием техники: бомбежек, напалма, дефолиантов, но не сухопутных сил»²².

Таким образом, в дискуссиях в политических и научных кругах США по проблемам конфликтов в странах Азии, Африки и Латинской Америки в первой половине

70-х годов нашел отражение такой важный и определяющий момент, как реакция американских политиков на провал стратегии «мирового полицейского», потрясший до основания всю систему внешнеполитических интересов США. Под влиянием этого провала определенная часть американских политиков и военных находилась в состоянии растерянности, другие — искали всевозможные пути выхода из этого острого кризиса. Среди этой, последней части политиков лишь относительно немногочисленная группа сумела увидеть выход на путях более обширного международного урегулирования: сочетания разрядки напряженности в отношениях с Советским Союзом с прекращением агрессивных действий в развивающихся странах. Большинство же в политических кругах (и к ним чаще всего прислушивались в администрации), даже признавая необходимость разрядки напряженности на главных направлениях политики, изыскивало пути и средства продолжения борьбы против социального прогресса в развивающихся странах, пытаясь при этом перенести сюда главное поле борьбы между двумя мировыми системами или навязать Советскому Союзу в качестве «условия» разрядки согласие на сохранение статус-кво в освободившихся государствах.

В целом эти дискуссии служили фоном, по-разному отражавшим мероприятия республиканской администрации в области перестройки политики интервенционизма в развивающихся странах. Они использовались администрацией для проверки отдельных идей и концепций, определения общественной реакции на некоторые нововведения. Администрация, в особенности в первый период пребывания Р. Никсона на посту президента, уделяла необходимое внимание этим дискуссиям, надеясь через такой диалог с широкими политическими кругами восстановить подорванную войной, во Вьетнаме поддержку официального курса со стороны общественности.

Разработка политики в отношении конфликтов в развивающихся странах администрацией республиканцев

«Доктрина Никсона» разрабатывалась республиканской администрацией на протяжении нескольких лет. Поэтому в ней при сохранении традиционных принципов

альных положений, сформулированных еще в «гуамской доктрине», по мере реализации отдельных внешнеполитических целей происходило постепенное смещение акцентов, свидетельствовавшее об эволюции некоторых взглядов администрации на очередность приоритетов внешней политики. При ретроспективном анализе этой доктрины можно выявить некоторые главные моменты, относившиеся к той сфере вопросов, которые определяли политику республиканцев в отношении конфликтов в развивающихся странах и практически не изменились до последнего времени.

В феврале 1970 года в послании конгрессу по вопросам внешней политики президент Никсон остановился на основных принципах политического курса своей администрации и выделил три главных направления, по которым предполагал перестроить внешнюю политику США. Прежде всего «доктрина Никсона» исходила из идеи «партнерства». Президент указывал, что в отличие от прошлых времен Соединенные Штаты обладают «более сильными союзниками», которые «обрели способность самостоятельно решать местные конфликты», поэтому США смогут добиться успеха не за счет «вмешательства в дела других», а путем «поощрения других стран на внесение собственного вклада». «Наращивание силы» — это второе направление американской политики, провозглашенное Никсоном. До тех пор, пока существуют «страны, угрожающие нашим интересам и интересам наших союзников военной силой, — говорилось в послании, — мы сами должны быть сильными». В то же время США требуется сила в «определенном соотношении с силой союзников». Третье направление — это готовность вести переговоры. В партнерстве с союзниками США, по словам президента Никсона, будут выявлять те области, в которых возможно достичь договоренности о «преодолении соперничества»²³.

Практически все три направления новой доктрины затрагивали проблемы политики США в отношении конфликтов в развивающихся странах. Президент подчеркивал мысль о том, что, не желая истощать США участием в «периферийных» конфликтах, его администрация будет крайне осторожно относиться к проблемам вовлечения, содействуя росту способности союзников США решать такие конфликты самостоятельно. В то же время «доктрина Никсона» ясно давала понять, что возмож-

ность новых случаев вмешательства Соединенных Штатов Америки в локальные конфликты полностью не исключена, если этого потребуют интересы поддержания «глобального баланса сил». Остановившись более конкретно на проблемах борьбы против повстанческих движений, президент Никсон отверг доктрину «контрпартизанских» войн, как ее понимали его предшественники. «Опыт показал, — писал он, — что лучшим средством борьбы с повстанческими движениями является их предотвращение с помощью экономического развития и социальных реформ, а также использования полицейских, полувоенных и военных действий тем правительством, которому это движение угрожает»²⁴. Поэтому президент обещал перенести упор на военную и экономическую помощь США в целях «высвобождения» из глубокой вовлеченности в развивающихся странах. Тональность и формулировки первого послания президента показывали, что администрация намерена идти по линии прагматизации отношения к конфликтам в развивающихся странах и повышения роли «национальных интересов» США.

Последующие послания президента развивали эти положения. Так, в послании по вопросам внешней политики 1971 года Никсон отмечал: «Новые нации обрели самоопределение и уверенность в себе и действуют самостоятельно на мировой арене. Они в состоянии нести большую долю ответственности за свою безопасность и благосостояние»²⁵. Внешнеполитическое послание 1972 года еще больше усиливало акцент на партнерстве с союзниками США в политике подавления революционных и освободительных движений, подчеркивая готовность администрации содействовать косвенными средствами проамериканской «стабилизации» стран Азии, Африки и Латинской Америки, в частности путем применения средств «помощи»²⁶.

Таким образом, «доктрина Никсона», исходя из необходимости снизить вовлеченность США в конфликты развивающихся стран, поставила первоочередную задачу усиления союзников из числа этих стран, с тем чтобы перенести на них часть бремени по борьбе против освободительных и революционных движений. Это позволило администрации, во-первых, обещать американцам сократить военную вовлеченность в локальные конфликты; во-вторых, попытаться согласовать реакцию на эти ост-

рые ситуации с новым долгосрочным курсом США, направленным на усиление общих позиций империализма в освободившихся государствах.

Конкретная реализация положений «доктрины Никсона» относительно политики в конфликтных ситуациях в развивающихся странах в связи с этим в первую очередь коснулась проблем «помощи» иностранным государствам. Никсон отказался от взгляда на помощь этим странам как на средство давления на правительства «непокорных клиентов». Такая политика помощи в целом себя не оправдала, что привело к резкому ее сокращению в 1969 году. В послании конгрессу по вопросам иностранной помощи 15 сентября 1970 г. президент Соединенных Штатов переформулировал главные цели и очередность приоритетов в программе американской помощи развивающимся странам.

На первое место Никсон поставил помощь «в целях безопасности» (с тем, писал президент, чтобы «усиливать нашу национальную безопасность, поддерживая безопасность других»). На втором месте шла «благотворительная» помощь (продовольствие, медикаменты и разные виды помощи в случаях стихийных бедствий), на третьем — помощь «развитию»²⁷.

Переориентация программ помощи на военное и экономическое усиление союзников США под предлогом высвобождения из вовлеченности в развивающихся странах вызвала положительную реакцию в политических кругах. С одобрения конгресса иностранная помощь США возросла с 1,26 млрд. долл. в 1969 году до 1,62 млрд. в 1971 (на двусторонней основе) и с 804 млн. долл. до 1029 млн. за тот же период на многосторонней основе²⁸. Размеры помощи продолжали увеличиваться в последующие годы. Основная доля иностранной помощи предоставлялась на строго выборочной основе странам, имевшим ключевое значение в качестве «заместителей» США в отдельных районах Азии, Африки и Латинской Америки. В 1970/71 финансовом году из 43 стран, получивших помощь США, 70% всей военной и экономической помощи пришлось на девять стран: Южный Вьетнам, Израиль, Камбоджа, Иран, Таиланд, Южная Корея, Португалия, Турция и Греция²⁹. Президент Никсон и министры его администрации неоднократно подчеркивали, что помощь, предоставляемая союзникам из числа развивающихся стран, будет сопровождаться требовани-

ями проведения некоторых социально-экономических реформ, с тем чтобы содействовать «стабилизации» этих стран.

В программах помощи возросло значение военных аспектов. Если администрация Кеннеди, разрабатывая свою стратегию помощи развивающимся странам, рассматривала ее как дополнение к усилиям самих США в области «контрпартизанских» войн, то республиканцы, наоборот, рассматривали военную помощь союзникам как основной вклад в обеспечение их «безопасности». В соответствии с этим в начале 1971 года в рамках министерства обороны было образовано Управление по оказанию помощи в области безопасности и обороны, которое заменило бывшее Управление по оказанию помощи и поставкам вооружений. Назначенный директором управления Дж. Сейниес заявил: «Если мы хотим добиться успеха в претворении в жизнь доктрины Никсона, нам потребуются несколько иной подход к задачам обороны, которые ставят перед собой наши союзники, по сравнению с задачами США. Иными словами, массированное размещение сухопутных сил США в союзных странах становится менее желательным. Мы окажем помощь союзникам поставками вооружений или их продаж, стремясь к достижению их самообеспеченности»³⁰.

Политическое значение военной помощи в рамках «доктрины Никсона» объяснялось концепцией «тотальной силы», которая предусматривала, что вооруженные силы США и стран-союзниц учитывались в «балансе сил» отдельных регионов как единое целое. Военная помощь, отмечал С. Джилберт, превратилась в еще более «интегральный и важный элемент внешней политики США, в особенности по отношению к развивающимся странам»³¹. Концепция «тотальной силы» предусматривала также активизацию существующих и подготовку новых военно-политических блоков для подавления национально-освободительных революций, поставки вооружения, подготовку военно-командного и технического персонала для развивающихся стран. США активизировали поставки оружия в развивающиеся страны и только за период 1970—1974 годов продали его на сумму в 20 млрд. долл.³², оказали помощь в обучении военнослужащих 34 странам, в том числе Ирану, Саудовской Аравии, Таиланду, странам Латинской Америки.

Расширение военной помощи союзникам США из

числа развивающихся стран рассматривалось авторами «доктрины Никсона» как путь к сокращению присутствия США в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Администрация стремилась заставить своих партнеров нести часть «бремени», связанного с выполнением жандармских функций, и тем самым обеспечить возможность сократить некоторое количество американских войск в этих районах, не затрагивая основ системы американских обязательств. «Я не думаю, что наши договорные обязательства слишком широки, — заявил в 1970 году государственный секретарь У. Роджерс, — и я не думаю, что их следовало бы изменить. Я считаю, что должно быть сокращено наше присутствие за границей»³³. Уже в первые годы администрации Никсона американские войска в развивающихся странах были сокращены на 300 тыс. человек (около двух третей из них приходилось на войска, выведенные из Южного Вьетнама). Были также сокращены войска и персонал военных баз в Таиланде, Южной Корее, на Филиппинах и Окинаве, в Центральной Америке. В странах Азии и Дальнего Востока к 1976 году планировалось доведение численности вооруженных сил США до 150 тыс. человек³⁴. Сокращая сухопутные войска, расположенные в странах Азии и Центральной Америки, администрация вместе с тем сохраняла мобильные контингенты в ключевых точках наиболее важных для США районов (Тайвань, Южная Корея, Япония, Таиланд, зона Панамского канала), а в ряде случаев шла и на их увеличение (например, увеличение военно-морского присутствия в зоне Индийского океана).

Таким образом осуществлялось «выравнивание» военного присутствия США. Одним из главных элементов этой политики было более равномерное распределение интервенционистского потенциала в развивающихся странах на случай возможного *вооруженного вмешательства*, которое в принципе не отрицалось «доктриной Никсона». Администрация руководствовалась советами специальной группы, которая еще при президенте Джонсоне разработала основные положения «Политики внешней и внутренней обороны США на 70-е годы». В рекомендациях группы, в частности, указывалось:

— США по ряду политических, военных и экономических причин могут прийти к выводу, что в будущем может возникнуть такое положение, когда американские

интересы сделают крайне нежелательным успех революции в том или ином государстве. США должны будут ликвидировать создающуюся угрозу вооруженным путем;

— если вмешательство будет сочтено важным и реально осуществимым, США должны стремиться организовать многостороннее вмешательство и привлечь к этому международные организации либо заинтересованных союзников и лишь в крайнем случае им следует действовать в одностороннем порядке;

— подрывная деятельность, успех которой может привести к контролю враждебного государства над дружественной страной, может вполне рассматриваться как угроза национальным интересам США. В таком случае американская военная сила также может приводиться в действие;

— если внутренние затруднения в той или иной стране не угрожают подлинным и жизненно важным интересам США, то США должны держаться в стороне и разве что предоставить ограниченную военную помощь³⁵.

Эти рекомендации были использованы при разработке стратегии «реалистического сдерживания». Министр обороны в первой администрации Никсона М. Лэйрд отмечал, что в «субрегиональных» или локальных войнах американские союзники будут «сами нести главное бремя, в особенности путем предоставления живой силы». Однако, добавил он, если американские интересы или обязательства окажутся «поставленными на карту, мы должны быть готовы оказать надлежащее содействие путем предоставления военной и экономической помощи тем нациям, которые готовы принять на себя свою долю ответственности за их собственную оборону. В соответствующих случаях требуемая помощь будет в основном состоять из тылового обеспечения и военно-морской и военно-воздушной боевой поддержки. В некоторых специальных случаях она может также включать боевую поддержку сухопутными силами»³⁶. По мере вывода американских войск из Вьетнама в заявлениях представителей администрации все чаще делался акцент на готовности США к дальнейшему вооруженному вмешательству в конфликтные ситуации в развивающихся странах. Так, комментируя речь президента Никсона во время его вступления в должность на второй срок, Г. Кан с удовлетворением заявил: «Речь президента является хоро-

шим изложением его политики. В сущности, он приемлет идею, что мы должны оставаться «мировым полицейским», только без такого же быстрого и легкого вовлечения, как раньше»³⁷.

Вместе с тем именно в этих вопросах администрация испытывала сильное давление со стороны конгресса, демократическое большинство которого было намерено ограничить свободу деятельности президента в ведении боевых действий за рубежом. В ходе завершения прямого участия США в индокитайском конфликте конгресс отменил «тонкинскую резолюцию» 1964 года, предоставлявшую президенту неограниченное право направлять войска во Вьетнам и отдавать распоряжения о ведении боевых операций. Конгресс также установил жесткий финансовый контроль над расходами на военные операции в Индокитае, а в августе 1973 года принял резолюцию о прекращении финансирования бомбардировок Камбоджи. В ноябре 1973 года конгресс одобрил резолюцию, согласно которой президент может вести несанкционированные конгрессом военные действия за границей только в течение трех месяцев.

Готовность администрации республиканцев к продолжению вооруженного вмешательства в конфликтные ситуации развивающихся стран, хотя такое вмешательство и оговаривалось целым рядом условий, трансформировалась в разработку новых официальных концепций и принципов ведения локальных войн, среди которых важное место заняли усиление технического арсенала, повышение мобильности войск, «морская стратегия» (создание военно-морских сил, пригодных для подавления революционных и национально-освободительных движений), «вьетнамизация» (более активное использование вооруженных сил зависимых режимов) и др.³⁸ Военно-технический прогресс повысил способность американского империализма оказывать силовое давление в кризисных и конфликтных ситуациях при более выборочном и оперативном образе действий. Администрация в широких масштабах применяла бомбардировочную авиацию во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже на заключительном этапе войны в Индокитае, демонстрацию силы с помощью ВМС (иорданский кризис 1970 г., индо-пакистанский конфликт 1971 г., война 1973 г. на Ближнем Востоке).

В вооруженных силах США ускорилась разработка

военной техники по линии увеличения мобильности и универсальности войск, предназначенных играть роль первого эшелона силового участия в локальном конфликте. Силы оперативного реагирования могли быть выделены из дислоцированных в непосредственной близости от вероятного района боевых действий войск морской пехоты в Атлантическом и Тихом океанах, Средиземном море, 82-й воздушно-десантной дивизии в США, одной бригады 25-й пехотной дивизии на Гавайях или 8-й пехотной дивизии в Европе. В качестве поддержки этих сил выступали дивизии морской пехоты с приданными авиационными крыльями на восточном и западном берегах США и одна бригада на Гавайях с входящей в ее состав авиационной поддержкой. Вооруженные силы США приступили также к созданию типовой дивизии «тройных способностей» («трайкэп дивижн»), сочетающей характеристики аэромобильной, мотопехотной и бронетанковой, для повышения универсальности резерва войск «первого эшелона»³⁹.

Представители вооруженных сил США за рубежом начали оказывать правительствам «дружественных» стран более активную помощь по сбору разведывательных сведений, касающихся подготовки антиправительственных выступлений, восстаний, антиамериканских переворотов. Для офицеров армии США были открыты специальные учебные центры (в частности, в Форт-Брагге), в программах которых делался упор на приобретение опыта выявления зачатков внутреннего конфликта и предупреждения правительства соответствующей страны, с тем чтобы оно своими силами могло пресечь его еще в начальной стадии. Была предусмотрена более тесная координация действий с дипломатическими представителями США за границей и карательными органами (полицией, военными, разведкой) союзной страны. Исследовательские центры продолжали разработку «индикаторов подготовки восстания» в наиболее важных для США странах.

Обещая политическим кругам ограничить масштабы и характер вовлечения в локальные конфликтные ситуации и стремясь сделать свое вмешательство более гибким и маневренным, администрация Никсона создала специальный *бюрократический механизм* по разработке политики в отношении конфликтных ситуаций, в том числе и в развивающихся странах. Этот механизм занимал-

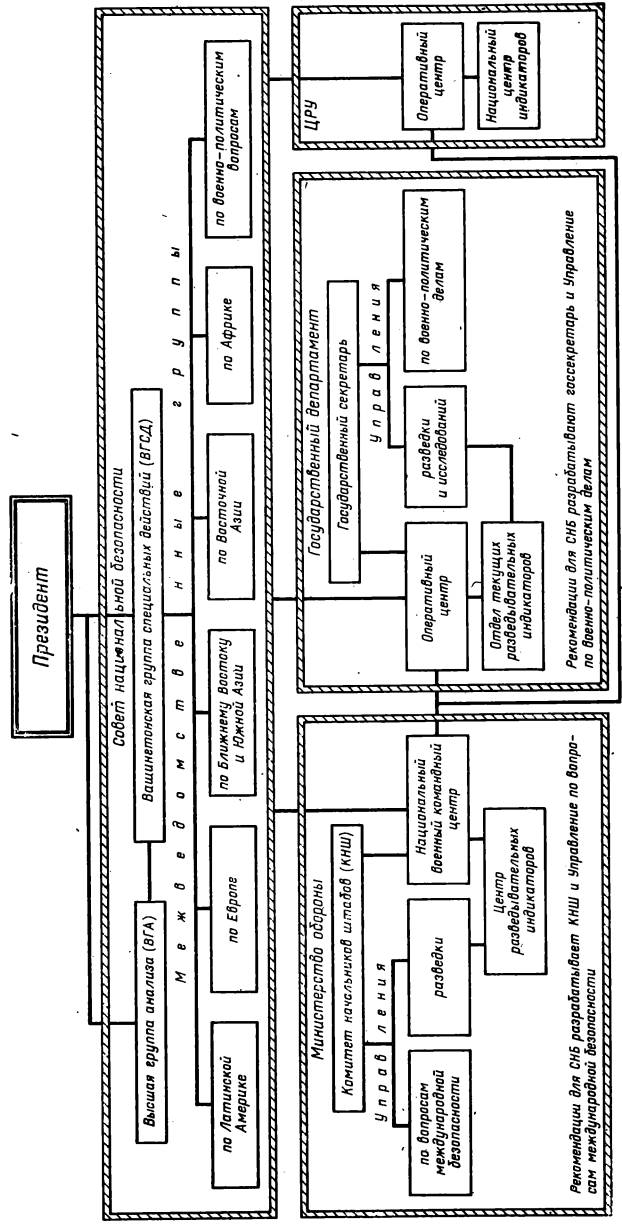
ся оценкой целесообразности вовлечения США в локальные конфликтные ситуации и разработкой мер как против перерастания локального конфликта в острый международно-политический кризис, так и на случай такой эволюции. Члены республиканской администрации, идя на урегулирование некоторых особо сложных и острых вопросов в отношениях с Советским Союзом, отдавали себе отчет в опасности силового маневрирования в локальных конфликтах, если оно заранее не было скоординировано с долгосрочными интересами США и не увязано с их целями в отношении СССР и Китая. Именно в силу этих соображений «кризисная» политика США (в том числе вмешательство в конфликтные ситуации в развивающихся странах) была поставлена под непосредственный контроль президента и его ближайших сотрудников в рамках Совета национальной безопасности (СНБ).

Создание механизма разработки «кризисных» решений началось с образования Вашингтонской группы специальных действий (ВГСД) в апреле 1969 года. В ее состав первоначально вошли: помощник президента по вопросам национальной безопасности (Г. Киссинджер — председатель группы), заместитель государственного секретаря, заместитель министра обороны, председатель Комитета начальников штабов и директор Центрального разведывательного управления. Во время конкретных кризисных ситуаций к работе группы привлекались специалисты по региональным проблемам (помощники государственного секретаря, сотрудники аппарата министра обороны и Комитета начальников штабов). В систему органов «кризисного реагирования» в рамках аппарата СНБ были включены созданные в 1966 году межведомственные региональные группы, которые координировали работу ведомственных центров сбора и обработки информации при госдепартаменте, Пентагоне и ЦРУ (см. табл. 6).

Система специализированных органов для разработки рекомендаций и альтернативных решений президента воплощала в жизнь более гибкий подход республиканской администрации к проблемам вовлечения в конфликтные ситуации в развивающихся странах. Она демонстрировала более широким политическим кругам намерение администрации снизить возможность непродуманных, рискованных действий в конфликтных ситуа-

Таблица 6

Органы обработки информации и разработки рекомендаций по «кризисным ситуациям»
(администрация Никсона)

циях со стороны США. Сообщая о создании ВГСД, президент Никсон в своем послании конгрессу в 1970 году писал: «Эта группа разрабатывает планы на случай непредвиденных обстоятельств, интегрируя политические и военные аспекты действий во время кризиса. Группа детально планирует распределение ответственности за принятие мер между правительственными ведомствами и заблаговременно возлагает конкретную ответственность в согласованной последовательности исполнения»⁴⁰. Как неоднократно отмечали исследователи внешнеполитического механизма республиканской администрации, «система Никсона — Киссинджера» в качестве основы своей работы активно использовала планирование внешнеполитических операций. Она исходила из того, пишет сотрудник Принстонского университета И. Дестлер, что основные внешнеполитические мероприятия «должны планироваться, а не выработываться под давлением кризиса»⁴¹. В целом с приходом в Белый дом Р. Никсона возобладала тенденция к централизации планирования политики на высшем уровне.

Планирование в области политики по отношению к конфликтным ситуациям в развивающихся странах шло, во-первых, по линии разработки возможных действий в текущих конфликтных ситуациях (Индокитай, Ближний Восток, Индостанский субконтинент) и, во-вторых, прогнозирования «потенциальных конфликтов» (в «отдельных театрах» вооруженных конфликтов или в «подтеатрах») ⁴². Организационно-методические преобразования в области политики в отношении конфликтных ситуаций были направлены и на их «профилактическое» решение. В своем внешнеполитическом послании 1970 года президент Никсон заявил, что одной из основных задач внешнеполитического планирования будет «предвидение развития кризисной ситуации в том или ином районе мира и, по возможности, ее предотвращение, а также подготовка детальных планов решения и урегулирования кризиса на тот случай, если его не удастся предотвратить» ⁴³.

Основной формой разработки политики США в острых конфликтных ситуациях в развивающихся странах, а также планов на случаи «чрезвычайных ситуаций» была подготовка меморандумов об исследованиях в области безопасности. В период становления новой системы (1969—1971 гг.) было подготовлено около 140 такого рода меморандумов, из которых 64 прямо касались разви-

вающихся стран, а целый ряд других (вопросы иностранной помощи, иностранных инвестиций, региональной политики и т. п.) — косвенно. Из этих 64 меморандумов около 50 рассматривали различные вопросы, касающиеся кризисных ситуаций: общие проблемы Индокитая (2), Вьетнам (8), Лаос (3), Ближний Восток (8), Израиль (4), Латинская Америка (10) и т. д.⁴⁴ Меморандумы об исследованиях в области безопасности, на деле представляющие собой тщательно отработанные «кризисные планы», готовились всеми органами, занимающимися вопросами безопасности: их разделы подготавливались в госдепартаменте, министерстве обороны, ЦРУ или в других органах и поступали в межведомственные группы СНБ. После доработки в межведомственных группах меморандумы поступали в Высшую группу анализа (ВГА), созданную в составе СНБ на уровне заместителей министров под председательством Г. Киссинджера. Именно эта группа окончательно одобряла содержание меморандумов⁴⁵.

Таким образом, общее направление мероприятий республиканской администрации в области политики в отношении конфликтных ситуаций в развивающихся странах сместилось в сторону снижения роли прямого военного вмешательства США и увеличения различных методов косвенного вмешательства. Этот сдвиг в политике Вашингтона имеет важное значение: он свидетельствует о стремлении правящих кругов США приспособиться к новой расстановке сил на международной арене, в которой неизмеримое усиление позиций социализма и национально-освободительного движения значительно сузило возможности империализма в области вооруженной конфронтации с освободительными движениями, вынудило его перейти к *политике маневрирования*. Это проявлялось и в стремлении США более тщательно сочетать свои действия в различных локальных конфликтах с интересами «большой» политики, в особенности — их отношений с Советским Союзом, а также Китаем.

Переход к менее «идеологизированному» видению мировых событий, характерный для поиска никсоновской администрацией выхода из кризисного состояния американской внешней политики на рубеже 70-х годов, позволял различать в окружающем мире не просто столкновение двух разных миров и идеологий, а совокупность более конкретных противоречий между разными груп-

пами стран и отдельными странами (в том числе и между США и их союзниками), образующих основные узлы конфликтов и соперничества в современных международных отношениях. В условиях вынужденного отказа от роли «мирового полицейского» правящие круги США уделили повышенное внимание этим узлам противоречий в международных отношениях и сделали попытку возродить некоторые методы политики «баланса сил», которые могли бы им помочь законсервировать сложившееся после поражения во Вьетнаме положение на мировой арене, пока сами США совершали «организованный отход» на новые позиции. В этой политике они видели и средство более активного наступления на единство мирового революционного движения в целях ослабления международных позиций мировой социалистической системы.

Теория «баланса сил», сориентированная на более прагматическое восприятие природы международных конфликтов, в целом отрицательно относилась к прямой повсеместной вовлеченности США в локальные конфликты, считая, что это ограничивает их возможности в маневрировании на международной арене. В связи с этим она рекомендовала рассматривать проблемы вовлеченности в развивающихся странах главным образом с точки зрения их значимости для положения США по отношению к другим «центрам силы» (СССР или Китаю). Такие рецепты отвечали необходимости повысить «порог вовлечения» в конфликтные ситуации в освободившихся странах в связи с поражением в Индокитае, а также более активно использовать эти ситуации в отношениях с великими державами, добиваясь в одних случаях улучшения своих позиций за счет выгодного для себя решения локального конфликта, в других — его замораживания, чтобы не допустить усиления позиций своих противников. Из всей совокупности прежних узкорегиональных направлений внешней политики администрация выделила несколько главных: политику в отношении СССР, КНР, а также основных американских союзников — Западной Европы и Японии. Концентрация усилий на главных направлениях внешней политики рассматривалась как «высвобождение из сверхвовлеченности в периферийные дела».

Локальные конфликты теперь уже чаще рассматривались как поле маневрирования США в «глобальном ба-

лансе сил», сфера усилий по достижению более выгодной стратегической ситуации в первую очередь в отношениях с Советским Союзом. Администрация Никсона неоднократно использовала обострение конфликтных ситуаций в развивающихся странах, получавших помощь СССР, для оказания прямого давления и угрозы силой. Твердая и последовательная позиция Советского государства в вопросах поддержки своих союзников, революционных и освободительных движений в развивающихся странах и его действия по осуществлению Программы мира, получившей признание во всем мире, в том числе и в США, вынудили администрацию республиканцев проявлять осторожность в использовании локальных конфликтных ситуаций для создания выгодного США «баланса сил». Во время пребывания президента Никсона в Москве в мае 1972 года были подписаны «Основы взаимоотношений между СССР и США», в третьем пункте которых было зафиксировано обязательство обеих держав «делать все от них зависящее, чтобы не возникало конфликтов или ситуаций, способных усилить международную напряженность»⁴⁶.

Эти положения были развиты в подписанном во время визита Л. И. Брежнева в США Соглашении о предотвращении ядерной войны. Обе стороны — СССР и США — взяли на себя обязательство «воздерживаться от угрозы силой или ее применения против другой стороны, против союзников другой стороны и против других стран в обстоятельствах, которые могут поставить под угрозу международный мир и безопасность»⁴⁷. В совместном советско-американском коммюнике от 3 июля 1974 г. после третьей советско-американской встречи на высшем уровне также было зафиксировано обязательство обеих держав содействовать устранению источников международной напряженности и военных конфликтов⁴⁸. Обязательства, принятые администрацией в сфере отношений с СССР, существенно ограничивали свободу действий США в развивающихся странах, в особенности в ситуациях, расценивавшихся как угроза международному миру и безопасности.

Особенно отчетливо проявились принципы политики «баланса сил» в подходе США к проблемам локальных конфликтов в отношениях с КНР. Признав необходимым изменение политики в отношении народного Китая в сторону нормализации, правящие круги США понимали в

то же время, что их многолетнее вмешательство в конфликтные ситуации по периметру границ этой страны является существенной помехой на пути такого изменения. Поэтому они, не отказываясь от использования этих ситуаций для сохранения рычагов контроля над обстановкой в Восточной и Юго-Восточной Азии, пытались найти общие точки соприкосновения с КНР в вопросах локальных конфликтов и кризисов.

В «шанхайском» коммюнике об итогах визита президента Никсона в КНР в феврале 1972 года стороны изложили занимаемые каждой из них позиции по вьетнамскому вопросу, положению Тайваня, объединению Кореи, индо-пакистанскому конфликту, признав общие принципы, на которых должны строиться отношения между государствами: уважение суверенитета и территориальной целостности всех государств, ненападение на другие государства, невмешательство во внутренние дела других стран, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и разрешение международных споров без применения силы или угрозы силой⁴⁹.

Вместе с тем признание этих общих принципов не мешало правительству Соединенных Штатов продолжать фактически прежнюю политику в отношении тайваньской проблемы, откладывая на неопределенное будущее решение вопроса об установлении дипломатических отношений с КНР. Не изменили свою позицию США и в вопросе объединения Кореи. Обострение некоторых территориальных споров в зоне Восточной и Юго-Восточной Азии в первой половине 70-х годов лишь усилило в правящих кругах США стремление использовать локальные конфликты для усиления политики маневрирования вокруг местного «баланса сил». Курс на использование кризисных ситуаций для замораживания выгодной для США расстановки сил в этом районе был закреплен в «тихоокеанской» доктрине президента Форда.

Далеко не все в политических кругах США одинаково благожелательно воспринимали подход администрации к сочетанию политики в отношении «центров силы» и локальных конфликтов с позиций «баланса сил». Наиболее трезво мыслящие ученые и политики опасались, что стремление использовать локальные конфликтные ситуации для маневрирования в отношениях с Советским Союзом и Китаем, а также для игры на международных противоречиях ведут к сохранению очагов напряженности

и — потенциально — появлению угрозы нового вовлечения США. Другие опасались последствий этого курса для системы союзных связей США, так как американские союзники могли счесть, что их рассматривают как «разменную монету». «Целью Никсона и Киссинджера было смещение упора в подходе к революционным режимам во всем мире с позиций идеологической оценки на позиции национального интереса, — писал, например, журнал «Тайм». — Но при всех успехах этой политики в ней были явные просчеты... Одной из слабостей политики баланса сил является то, что она оставляет незначительное место для роли менее крупных наций...»⁵⁰

Таким образом, республиканская администрация попыталась разработать комплекс мероприятий разного уровня и характера, направленных на повышение способности США к более гибкому и разностороннему маневрированию в конфликтных ситуациях, сохраняя в то же время интерес к контролю над общей расстановкой сил в развивающихся странах в пользу сторонников проамериканской ориентации. Это рассматривалось и как попытка восстановить общее соотношение сил в мире в пользу США, и как средство «стабилизации» внутренней обстановки в самих США.

Политика республиканской администрации в отдельных конфликтных ситуациях в 1970 — 1976 годах

Политика администрации республиканцев по отношению к конфликтам в странах Азии, Африки и Латинской Америки в первой половине 70-х годов на практике осуществлялась под преимущественным влиянием вовлеченности в Индокитае и на Ближнем Востоке. Решая проблемы выхода из войны во Вьетнаме и «балансирования» в арабо-израильском конфликте, администрация была вынуждена ограничивать свое участие в других конфликтных ситуациях, что, однако, еще не означало коренного пересмотра американскими политическими кругами и официальными органами общего отношения к этим конфликтным ситуациям. При анализе образа действий США в первую очередь обращал на себя внимание вынужденный характер некоторых предпринятых ими позитивных действий, а также сохраняющееся стрем-

ление и в этих условиях использовать конфликтные ситуации для усиления своих позиций, достижения односторонних преимуществ.

Несмотря на обещания покончить с войной в *Индокитае*, администрация Никсона затянула урегулирование конфликта, надеясь с помощью стратегии «вьетнамизации» снизить отрицательное воздействие поражения США на их общие позиции в Азии и во всем мире. Объявив о выводе первых контингентов американских войск из Южного Вьетнама и о переходе к «вьетнамизации» войны, республиканцы приступили к активному маневрированию вокруг конфликта в Индокитае, которое включало затягивание переговоров в Париже, усиление сайгонского режима, расширение театра военных действий на соседние страны, возобновление массированных варварских бомбардировок ДРВ. Последнее направление тесно увязывалось с попытками оказать давление на страны, поддерживающие народы Индокитая в отражении американской агрессии, с целью вынудить их ослабить свою помощь и политическую поддержку борющимся народам. Определенные расчеты администрация строила и на заинтересованности Советского Союза в развитии процессов разрядки.

Накануне визита президента Никсона в СССР в мае 1972 года журнал «Экономист» писал: «Президент Никсон плюсует надежды на отношения с Советским Союзом ко всему капиталу, вложенному им во вьетнамскую войну».⁵¹ Администрация была готова и угрожать процессу нормализации отношений с СССР ради достижения более выгодной позиции во Вьетнаме.

Маневрирование силой и переговорами в отношении ДРВ рассматривалось администрацией как центральный канал воздействия на ситуацию в Индокитае. Отделяясь обещаниями политического урегулирования и угрожая возобновлением бомбардировок, США стремились выиграть время для укрепления позиций проамериканских сил в странах Индокитая, в первую очередь сайгонского режима, по мере вывода американских войск. В случае успеха этой политики США получили бы возможность косвенного контроля над конфликтом, добившись его «почетного» урегулирования. Это отмечали и противники политики администрации внутри США. «Было бы неправильно, — писал обозреватель газеты «Вашингтон пост» С. Карноу, — называть политику Никсона

«мирным планом», как называет ее он сам. В действительности его подход обещает превратить эту войну в затяжной конфликт между самими вьетнамцами»⁵². У. Фулбрайт считал, что политика администрации в Индокитае направлена к тому, чтобы США по-прежнему «оставались господствующей военной силой в этом районе и после формального ухода»⁵³.

После объявления летом 1969 года «гуамской доктрины» администрация приступила к резкому усилению сайгонского режима. Во-первых, было принято решение интенсифицировать программу социально-экономических преобразований и политических реформ в *Южном Вьетнаме*, что несколько расширило бы социальную базу режима. В марте 1970 года под давлением США в Южном Вьетнаме был принят закон об аграрной реформе и часть помещичьих земель передана безземельным крестьянам. В конце августа 1971 года состоялись «выборы» нижней палаты сайгонского парламента, 3 октября Тхиену был «переизбран» на пост президента.

Во-вторых, США усилили военно-полицейский аппарат сайгонских властей. Полиция, насчитывавшая всего 16 тыс. человек в 1963 году, к 1971 увеличилась до 160 тыс. Во второй половине 1970 года сайгонская регулярная армия была доведена приблизительно до 500 тыс. человек. На 150 тыс. была увеличена численность территориальных воинских частей, достигнув приблизительно 550 тыс. Сайгонский режим резко расширил и численность так называемых частей «гражданской самообороны». С середины 1968 года по вторую половину 1970 года в эти силы были насильственно завербованы более 3500 тыс. мужчин, женщин и детей. США снабжали регулярную сайгонскую армию самым современным вооружением, что обходилось им приблизительно в 2 млрд. долл. в год.

В-третьих, США использовали остающиеся в Южном Вьетнаме американские войска для военной поддержки режима. Специальные силы предприняли ряд операций против политических кадров НФО (операция «Феникс»), а сухопутные войска провели в 1969—1971 годах ряд военных операций для стабилизации позиций сайгонской армии.

Наибольшее значение для всего конфликта в Индокитае на этом этапе имело расширение фронта вооруженной борьбы в Камбодже и Лаосе. Уже с 1969 года

американская авиация начала проводить секретные бомбардировки территории *Камбоджи* в целях давления на правительство Н. Сианука с тем, чтобы подтолкнуть его к отказу от поддержки НФО ЮВ. Активизировались вторжения на камбоджийскую территорию американо-сайгонских войск. Используя переживаемые Камбоджей экономические и финансовые затруднения, правые силы в стране во главе с генералом Лон Нолом и принцем Сирик Матаком при помощи ЦРУ организовали государственный переворот. 18 марта 1970 г. было объявлено о смещении Н. Сианука с поста главы государства, а 19 марта госдепартамент сообщил о признании правительства Лон Нола — Сирик Матака. 30 марта 1970 г. Белый дом заявил, что американскому командованию в Южном Вьетнаме предоставлено право «санкционировать вторжение американских войск на территорию Лаоса или Камбоджи в случае военной необходимости». 16 апреля новые камбоджийские власти обратились к Соединенным Штатам Америки с просьбой о предоставлении им военной помощи. Через два дня после этого в Камбоджу начали прибывать американские самолеты с оружием и снаряжением.

Военный переворот в Камбодже был прелюдией к вторжению американских и сайгонских войск. Администрация намеревалась распространить военный контроль на эту стратегически важную страну в Индокитае, приобрести нового партнера по вооруженной борьбе во Вьетнаме и расширить фронт борьбы против национально-освободительного движения. Вместе с тем при организации интервенции в Камбодже предусматривались и цели, прямо обусловленные «доктриной Никсона». Во-первых, вторжение должно было послужить демонстрацией силы, призванной уравновесить сокращение численности американских войск во Вьетнаме. Во-вторых, предполагалось путем вынесения фронта за пределы Южного Вьетнама создать более спокойные условия для проведения «вьетнамизации». В-третьих, в Камбодже предполагалось провести проверку боеспособности сайгонских вооруженных сил. Вторжение было сравнительно тщательно подготовлено в организационном и техническом отношении. Вашингтонская группа специальных действий подготовила комплексный план ввода войск в Камбоджу, а также военного, политического и дипломатического обеспечения этой агрессии. 30 апреля

50-тысячная группировка войск США и сайгонского режима вторглась на территорию Камбоджи.

Агрессивная акция США в Камбодже вызвала бурную ответную реакцию в мире и в самих Соединенных Штатах и привела к резкому обострению международной напряженности. Решительное предупреждение агрессорам, сделанное Советским правительством⁵⁴, активный протест всех миролюбивых сил сочетались с действенным боевым отпором патриотов Камбоджи. В сложившейся обстановке Вашингтон был вынужден отдать приказ о выводе из Камбоджи к 30 мая 1970 г. сухопутных войск США, хотя действия сайгонских войск, поддерживаемые американской авиацией, там еще продолжались. В целом же вторжение в Камбоджу потерпело неудачу, так как камбоджийские патриоты вскоре восстановили контроль над районами, временно оккупированными американскими и сайгонскими войсками, и успешно продолжили борьбу.

Администрация пыталась использовать оставшиеся в Южном Вьетнаме войска и для того, чтобы распространить стратегию «вьетнамизации» на *Лаос*. Под влиянием позиции конгресса администрация Никсона не могла использовать на этот раз сухопутные силы США и приняла решение направить в *Лаос* сайгонские войска. 8 февраля 1971 г. 20-тысячная сайгонская группировка при поддержке полутора тысяч американских самолетов и 600 вертолетов вторглась на территорию *Лаоса*. В специальном заявлении госдепартамента США прямо указывалось, что «эта операция будет содействовать обеспечению безопасности американских и союзнических вооруженных сил в Южном Вьетнаме» и «осуществлению программы вьетнамизации»⁵⁵. Как известно, вторжение в *Лаос* окончилось полным провалом: интервенты потеряли ранеными и убитыми 15 тыс. солдат и офицеров, было уничтожено и повреждено 496 американских самолетов и вертолетов, 318 бронетранспортеров и танков⁵⁶.

Агрессивные действия США в Камбодже и *Лаосе* в 1970—1971 годах затормозили ход переговоров в Париже. Рассчитывая на успех этих акций, администрация Никсона затягивала завершение переговоров и только после того, как ее военные планы не оправдались, была вынуждена возвратиться к поискам политического урегулирования. Ведение переговоров с делегацией ДРВ с 1972 года взял на себя Г. Киссинджер. Стремление США

сочетать маневрирование на переговорах с осуществлением «вьетнамизации» и тем самым оказывать постоянное давление на делегации ДРВ и ВРП РЮВ было парализовано наступлением Народных вооруженных сил освобождения Южного Вьетнама в апреле 1972 года, которое убедительно продемонстрировало дальнейшее изменение соотношения сил в Южном Вьетнаме в пользу Временного революционного правительства. Ответом администрации на резкую перемену обстановки в Южном Вьетнаме была угроза вновь «эскалировать» конфликт: были возобновлены бомбежки ДРВ и начато минирование вьетнамских портов и побережья. Однако в конечном счете США пришлось согласиться на достижение политического урегулирования.

Осенью 1972 года, учитывая приближение новых президентских выборов, администрация Никсона согласилась перейти к завершению переговоров о политическом урегулировании во Вьетнаме. В ходе закрытых переговоров между Г. Киссинджером и делегацией ДРВ в Париже был разработан текст четырехстороннего мирного соглашения по Вьетнаму. Несмотря на возражения сайгонского режима, что явилось причиной новой задержки в завершении переговоров, Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме было подписано 27 января 1973 г., а через два месяца — к 29 марта были выведены последние американские боевые части из Южного Вьетнама. Это соглашение, отмечал Л. И. Брежнев, — «большая победа вьетнамского народа сплоченного вокруг Партии трудящихся Вьетнама, большая победа сил мира, победа реализма и разума в международных делах»⁵⁷.

Парижское соглашение могло явиться основой мирного урегулирования индокитайской проблемы. Оно встретило поддержку во всем мире, наметило положительные изменения в странах Индокитая. 21 февраля 1973 г. между Патриотическим фронтом Лаоса и вьентьянской стороной было подписано Соглашение о восстановлении мира и достижении национального согласия в Лаосе. 14 сентября 1973 г. между ними был подписан протокол к Вьентьянскому соглашению, по которому намечались конкретные меры к его выполнению. Было достигнуто согласие по вопросам формирования Временного правительства национального единства и Национального консультативного политического совета из

представителей трех политических сил — Патриотического фронта, вьетнянской стороны и нейтраллистов. В феврале 1974 года административная, военная и полицейская власти во Вьетьяне и Луангпрабанге были переданы под контроль Центральной совместной комиссии из представителей трех политических сил. 5 апреля окончательно был утвержден состав нового правительства и Консультативного совета, и перед Лаосом открылся путь к нормализации внутреннего положения.

Однако в Южном Вьетнаме, несмотря на усилия ВРП РЮВ и ДРВ, обстановка продолжала оставаться весьма сложной. Поощряемый США, сайгонский режим повел дело к возобновлению гражданской войны. США в нарушение Парижского соглашения оказали ему огромную военную помощь и авиационную поддержку⁵⁸. В течение 1973—1974 годов режим Тхиеу получил около 2 млн. тонн оружия и боеприпасов, свыше 600 танков и бронетранспортеров, 500 самолетов и вертолетов и многие другие виды вооружения. Эта помощь позволила сайгонским войскам перейти в ряде районов Южного Вьетнама к наступательным операциям.

На усиление нового этапа гражданской войны в Южном Вьетнаме определенное влияние оказывала ситуация в Камбодже. После вывода американских войск в 1970 году здесь продолжались активные боевые действия между Национальным единым фронтом Камбоджи (НЕФК) и пномпеньским режимом, получавшим военную помощь и поддержку от США, южновьетнамских и тайландских войск. Положение в Камбодже значительно осложнялось действиями экстремистских элементов, стремившихся подчинить своим интересам борьбу патриотических сил страны. Несмотря на то что своим решением в августе 1973 года конгресс США вынудил президента отдать приказ о прекращении бомбардировок камбоджийской территории, военная помощь пномпеньскому режиму (на уровне 400 млн. долл. ежегодно) позволяла США сохранять известное равновесие военных сил в Камбодже и поддерживать в ней «очаг напряженности».

Зимой 1974/75 года соотношение сил как в Камбодже, так и в Южном Вьетнаме окончательно изменилось в пользу патриотов. В марте 1975 года началось всеобщее наступление патриотических сил Камбоджи, которое привело к полному краху лонноловского режима.

1 апреля Лон Нол покинул Камбоджу, а вскоре был эвакуирован весь состав американского посольства. Несмотря на огромную американскую помощь, доставлявшуюся остаткам лонноловских войск в Пномпене по специальному «воздушному мосту», их сопротивление было сломлено. Параллельно развивались и события в Южном Вьетнаме. Успешное наступление НВСО в районе Дананга в апреле 1975 года переросло в общее наступление патриотических сил на Сайгон. В середине апреля началась спешная эвакуация из Южного Вьетнама всех американцев. 23 апреля пал город Бьен-Хоа, расположенный в 20 км от Сайгона; в районах, удерживаемых сайгонскими войсками, началось всеобщее восстание. 30 апреля Народные вооруженные силы освобождения вошли в Сайгон.

Полное крушение проамериканских режимов в Индокитае нанесло окончательное поражение политике США в индокитайском конфликте. И хотя для спасения престижа США предприняли отдельные агрессивные акции (демонстрация силы с помощью военно-морских сил у берегов Индокитая, операции по «спасению беженцев» из Южного Вьетнама, агрессивная акция вооруженных сил США против Камбоджи под предлогом освобождения экипажа американского судна «Майагез»), было ясно, что весь политический курс США по развязыванию гражданской войны в странах Индокитая после заключения Парижского соглашения 1973 года потерпел провал. Победа патриотических сил в Южном Вьетнаме и в Камбодже завершила многолетний индокитайский конфликт, в разжигании которого политика США сыграла столь видную и активную роль, и создала реальные предпосылки для развития стран Индокитая по мирному и независимому пути.

Вторым крупным конфликтом, на котором было сосредоточено внимание администрации республиканцев, был арабо-израильский конфликт на *Ближнем Востоке*. Администрация не скрывала своего подхода к нему в первую очередь под углом зрения советско-американских отношений и лишь потом — как к борьбе Израиля против арабских государств. В своем внешнеполитическом послании 1971 года президент Никсон писал о том, что советско-американское «соперничество» распространилось к югу от Европы, где «местный конфликт и быстрые перемены зтягивают их в новое соперничество»⁵⁹. Этот

подход определял и конкретные действия администрации, стремившейся сочетать элементы гибкости в отношениях с арабскими странами с общим курсом на сохранение военного превосходства Израиля. Конкретным проявлением этого курса при республиканцах была попытка занять место «посредника» в арабо-израильском конфликте в соответствии с предложенным государственным секретарем США 9 декабря 1969 г. «планом Роджерса». «Наша политика, — заявил У. Роджерс, — направлена на поощрение арабов, с тем чтобы они приняли постоянный мир, основанный на соглашении между ними, и мы настаиваем, чтобы Израиль вывел свои войска из оккупированных территорий, когда его территориальная неприкосновенность будет обеспечена, как это предусматривает резолюция Совета Безопасности»⁶⁰.

Направленность этой «мирной инициативы» США была вскрыта иорданским кризисом 1970 года, в ходе которого США продемонстрировали готовность к совместному с Израилем военному давлению на арабские страны. Положение в *Иордании*, где Организация освобождения Палестины (ООП) постепенно приобретала все большее политическое влияние, вызывало в Вашингтоне тревогу, поскольку возможные перемены в этой стране после значительного усиления военных потенциалов Сирии и Египта с помощью СССР, успешной антимонархической революции в Ливии (1969 г.) могли изменить общий «баланс сил» на Ближнем Востоке не в пользу Израиля и США. Воспользовавшись резким обострением положения в стране в сентябре 1970 года в связи с захватом «коммандос» из Народного фронта освобождения Палестины американского, английского и швейцарского пассажирских самолетов и их пассажиров в качестве заложников, администрация решила поддержать действия по разгрому ООП в Иордании. Одновременно США разработали свою операцию «по спасению» заложников с помощью воздушного десанта, если бы королевские войска не справились с поставленной задачей. Была также достигнута договоренность с Израилем о вооруженном вмешательстве в Иордании. Вашингтонская группа специальных действий рекомендовала продемонстрировать угрозу и в адрес Советского Союза в случае американско-израильской военной акции⁶¹. Советское правительство оказало решительную поддержку усилиям арабских государств по урегулированию этого

кризиса и прекращению кровопролития в Иордании. Важную роль при этом сыграло предупреждение СССР в адрес Соединенных Штатов и Израиля о возможных опасных последствиях их вооруженного вмешательства в иорданские события⁶².

Реакция Вашингтона на события в Иордании вскрыла степень американо-израильского «партнерства». Одним из его важных показателей, кроме совместных демонстраций силы, была помощь США Израилю. Только в 1971 году военная помощь ему составила 600 млн. долл. и включала поставки истребителей-бомбардировщиков «Фантом», ракет, дальнобойной артиллерии и боеприпасов, танков М-60 и других видов вооружений⁶³. В период выборной кампании 1972 года, в которой немалое значение приобрела борьба за голоса избирателей-евреев, произраильский крен в отношении США к ближневосточному конфликту еще больше усилился. Оба кандидата на пост президента — Р. Никсон и Дж. Макговерн — стремились использовать вопросы помощи Израилю для завоевания поддержки со стороны сионистских организаций. В такой обстановке, естественно, интересы «сбалансированной» политики отошли на второе место, а на первом прочно утвердилась политика всемерного усиления военного потенциала Израиля. В ходе визита в США премьер-министра Израиля Г. Меир в марте 1973 года было достигнуто соглашение об оказании американской помощи в размере 565 млн. долл.⁶⁴

Ощущая мощную поддержку со стороны США, Израиль провел серию агрессивных акций: в феврале 1973 года над Синайским полуостровом был сбит пассажирский самолет ливийской авиакомпания; в марте израильскими «коммандос» был захвачен остров Зукар в Красном море; в апреле высадившиеся в Бейруте диверсанты организовали убийство трех лидеров палестинского освободительного движения и взрыв нескольких нефтехранилищ; летом продолжались нападения на ливанскую территорию с моря и с суши. Нараставшее военное давление на арабские государства, израильское правительство намеревалось предвосхитить намеченное на осень 1973 года обсуждение в ООН ближневосточного вопроса. В августе оно объявило о намерении форсировать темпы освоения захваченных арабских земель. Все эти действия значительно осложнили ситуацию на Ближнем Во-

стоке и встревожили некоторые политические группировки в США. «Если Соединенные Штаты действительно сохраняют какой-то реальный интерес к урегулированию на Ближнем Востоке, — писала газета «Вашингтон пост», — они не могут хранить молчание или только символически поднимать голос в момент, когда Израиль принимает решительные меры для аннексии территорий, вопрос о которых должен обсуждаться на переговорах по урегулированию»⁶⁵.

Эскалация агрессивных действий Израиля привела к новой вспышке вооруженного конфликта 6 октября 1973 г. в районе Суэцкого канала. Началась «октябрьская» война между Израилем и арабскими странами. В течение первых дней боев вооруженные силы арабских государств прорвали линию обороны израильских войск на Суэцком канале и в районе Голанских высот и нанесли агрессору ряд поражений. В целом за период боев, которые длились до 22 октября, Израиль понес весьма ощутимые потери: около трети своей авиации, большое количество танков, несколько тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Общий результат боевых действий показал возросшую мощь арабских армий и уязвимость израильских сил, расположенных на оккупированных территориях, развеял миф об их непобедимости.

В США внимательно следили за событиями на Ближнем Востоке. 7 октября по рекомендации ВГСД президент дал указание сосредоточить отдельные подразделения 6-го флота (авианосец «Индепенденс» и вертолетоносец «Гуадалканал») вблизи района боевых действий и поставить вопрос о созыве Совета Безопасности ООН. 14 октября президент принял решение о поставках Израилю самолетов «Фантом» и «Скайхок» взамен уничтоженных в ходе боев, а 16 октября начал действовать воздушный мост между США и Израилем, проходивший через Азорские острова. Проявившаяся в ходе боев неспособность Израиля нанести быстрое военное поражение арабским государствам подтолкнула американскую администрацию к попыткам возобновить мирное посредничество в ближневосточном конфликте. Трезвый анализ обстановки показывал, что успех такой акции в условиях военного столкновения зависел также от согласия Советского Союза поддержать выступление Соединенных Штатов. 20 октября, когда президент обратился к конгрессу с просьбой о выделении 2,2 млрд. долл. на

срочную помощь Израилю, Г. Киссинджер вылетел в Москву. На встрече с советскими руководителями был разработан проект совместной советско-американской резолюции о прекращении огня, которая была принята Советом Безопасности 22 октября (№ 338).

Менее чем через сутки Израиль, перегруппировав свои войска, грубо нарушил эту резолюцию и начал наступление в районе Суэцкого канала. По предложению Советского Союза Совет Безопасности в тот же день принял резолюцию № 339 с решительным требованием немедленно прекратить огонь. Предупреждение со стороны Советского Союза, как державы, предложившей проект резолюции № 338, в адрес израильского правительства⁶⁶ вызвало агрессивную ответную реакцию в Вашингтоне. Вечером 24 октября состоялось очередное заседание ВГСД, на котором было решено объявить повышенную боеготовность всех вооруженных сил США в качестве демонстрации в адрес СССР. После принятия еще одной резолюции Советом Безопасности ООН (№ 340) с серьезным предупреждением в адрес агрессора огонь на Ближнем Востоке был прекращен.

После окончания «октябрьской» войны четко выявился ряд первостепенных факторов, действующих в пользу мирного урегулирования арабо-израильского конфликта. В первую очередь возросла роль Советского Союза, помощь которого позволила арабским государствам нанести агрессору ряд ощутимых поражений. Советское государство выступило в пользу всестороннего урегулирования ближневосточного конфликта с учетом интересов всех сторон. Своими успехами в ходе войны арабские страны сумели создать атмосферу, благоприятную для политического урегулирования. Весьма активным фактором, действующим в пользу усиления арабских государств, была позиция арабских стран — экспортеров нефти, которые в октябре 1973 года объявили об ограничении добычи нефти и ее поставок в США. Республиканской администрации пришлось считаться с перспективой образования широкого фронта арабских государств, которые продемонстрировали западному миру его зависимость от их энергетических ресурсов и угрожали обратить оружие бойкота против стран, поддерживающих Израиль. Это содействовало размежеванию между США и их главными союзниками по вопросам поддержки Израиля.

Под влиянием совокупности этих факторов в политике республиканской администрации усилился элемент маневрирования. Соединенные Штаты согласились предпринять известные шаги для созыва конференции в Женеве, а также договоренности между Израилем, Египтом и Сирией по военному разъединению. На конференции в Женеве, первые заседания которой в составе министров иностранных дел СССР, США, арабских стран — участниц конфликта и Израиля начались 21 декабря 1973 г., было достигнуто общее соглашение относительно разъединения войск и продолжения переговоров между Египтом и Израилем. Окончательное соглашение было заключено во время визита Г. Киссинджера на Ближний Восток с 11 по 18 января 1974 г. По этому соглашению израильские войска были отведены на расстояние 20 миль к востоку от Суэцкого канала, а между позициями египетских и израильских войск была создана «буферная зона», контролируемая войсками ООН. 31 мая 1974 г. аналогичное соглашение о разъединении войск в районе Голанских высот было заключено между Сирией и Израилем.

Администрация республиканцев стремилась использовать процесс урегулирования на Ближнем Востоке для усиления позиций США. В ноябре 1973 года была достигнута договоренность о восстановлении дипломатических отношений между США и Египтом, затем — между США и Сирией. Вашингтон, рассчитывая на сотрудничество консервативных кругов в арабских странах, обещал значительную помощь в восстановлении разрушенных войной территорий и, в частности, в очистке Суэцкого канала. Улучшение связей с Египтом администрация рассматривала и как шаг, способный несколько сбалансировать ухудшившиеся отношения США с арабскими странами — производителями нефти. Для разрешения конфликта с ними США были готовы использовать как известные уступки (например, согласие на постепенную национализацию добычи нефти), так и угрозу прибегнуть к силе. Руководство Египта откликнулось на активные авансы со стороны Вашингтона и в августе 1975 года пошло на заключение нового, на этот раз — сепаратного соглашения с Израилем об очередном этапе разъединения. Это соглашение включало договоренность об отводе израильских войск на линию, которая оставляла оккупированными до трех четвертей территории Си-

найского полуострова, возврат Египту месторождений нефти Абу-Рудайс, размещение 200 американских специалистов на египетских постах раннего предупреждения на Синае. Египет согласился на проход невоенных грузов в Израиль и из Израиля по Суэцкому каналу. Обе стороны обязались не прибегать к угрозе применения силы или военной блокаде в отношении друг друга⁶⁷.

После заключения египетско-израильского соглашения в 1975 году США вновь приняли меры для усиления военных позиций в этом районе, дав Израилю «самое значительное американское обязательство» о помощи и поддержке. Была резко увеличена помощь Израилю: до 1,8 млрд. долл. на закупки вооружений и до 1 млрд. на экономическую помощь⁶⁸. Подписание «меморандума о соглашении» с Израилем было расценено в политических кругах США как заключение формального обязательства, чреватого «риском повторения истории с американским участием во Вьетнаме»⁶⁹.

Одновременно с политикой заигрывания с Египтом Вашингтон предпринимал меры по усилению военного контроля над арабо-израильским конфликтом под впечатлением неудачного для Израиля исхода «октябрьской» войны. Попытки усилить военно-стратегические позиции США в районе Восточного Средиземноморья проявились уже в 1974 году во время обострения кризиса на Кипре. «Арабские государства, — писал в этой связи ливанский журнал «Скетч», — опасаются, что Соединенные Штаты, убедившись в том, что Израиль более не в состоянии защищать их интересы в регионе, могут рассмотреть вопрос о прямом присутствии здесь через учреждение объединенных натовских сил на Кипре»⁷⁰.

Рост вовлеченности США в районе Ближнего Востока привел к обострению межобщинного конфликта на Кипре и кризисной обстановки в Восточном Средиземноморье. Традиционная политика США в кипрском вопросе, преследующая цели размещения американских войск на острове, получила новый стимул после «октябрьской» войны. Столкновение этих целей США с принципиальной политикой неприсоединения правительства Кипра определяет сущность затяжного кипрского кризиса, хотя на поверхности конфликт развивался между турецкой и греческой общинами острова, каждую из которых поддерживали Турция и Греция. В период зарождения межобщинного конфликта и обострения турецко-кипрских

отношений в 1963—1964 годах американская дипломатия пыталась навязать такое решение кипрской проблемы, которое привело бы к размещению на Кипре войск НАТО («план Ачесона»). При поддержке Советского Союза и неприсоединившихся стран правительство Кипра тогда добилось рассмотрения вопроса в Совете Безопасности, который направил на остров войска ООН.

В дальнейшем США неоднократно пытались использовать межобщинные разногласия на Кипре для усиления позиций НАТО в Восточном Средиземноморье, что нередко приводило к вспышкам напряженности на острове. В Заявлении ТАСС по поводу событий на Кипре в 1970 году, когда была предпринята попытка покушения на жизнь президента Макариоса, отмечалось, что активизация антигосударственной деятельности на Кипре является составной частью более общего плана, «который уже длительное время вынашивается в определенных кругах НАТО вопреки коренным интересам кипрского народа как греков, так и турок, в ущерб миру и безопасности в Восточном Средиземноморье»⁷¹. Решительная поддержка правительства республики со стороны Советского государства, неприсоединившихся стран, всех прогрессивных и демократических сил привела к срыву этих планов. Не удалось США добиться перемен во внутривосточном положении на Кипре и с помощью афинской хунты в 1971—1973 годах.

В период «октябрьской» войны 1973 года на Ближнем Востоке вопрос о Кипре приобрел для США еще большую остроту. Отказ Англии, которая опасалась повредить своим отношениям с арабскими странами, разрешить Соединенным Штатам использовать базы на Кипре для полетов разведывательных и транспортных самолетов подчеркнул для американской администрации необходимость вернуться к вопросу о размещении баз НАТО на острове. Она намеревалась создать здесь важный в стратегическом отношении участок, где действовали бы соединения 6-го американского флота, ВМС и ВВС Турции и Греции, пять эскадрилий английской стратегической авиации (из которых две оснащены ядерными бомбардировщиками «Вулкан») с мощным центром связи на Кипре⁷².

15 июля 1974 г. начался мятеж Национальной гвардии Кипра, возглавляемой греческими офицерами, против правительства президента Макариоса. В связи с

активной помощью мятежникам со стороны афинской хунты турецкие войска 20 июля высадились на острове. Возникла реальная угроза греко-турецкой войны. По инициативе Советского Союза Совет Безопасности ООН 20 июля принял резолюцию о прекращении огня, которая вступила в силу через два дня. 24 июля в Греции пало правительство военной хунты, ответственное за начало мятежа на Кипре, а 25 июля в Женеве начались переговоры между Турцией, Грецией и Англией по урегулированию кризиса. Соединенные Штаты оставались в стороне от этих событий, хотя контакты бывшего американского посла на Кипре Р. Дэвиса с нутчистами показывали, что США приняли активное участие в подготовке мятежа.

Решительное вмешательство Турции в события на Кипре внесло некоторые перемены в отношении США к этому кризису. После ряда заседаний ВГСД 20—24 июля администрация решила противодействовать «интернационализации» конфликта, в первую очередь — возникновению греко-турецкой войны. На деле же, как отмечала газета «Вашингтон пост», «американская политика сделала сильный крен в сторону Турции»⁷³. Вашингтон решил воспользоваться военными успехами Турции, с тем чтобы решить кипрский вопрос, «отдав» ей остров. В ночь на 14 августа Турция в одностороннем порядке прервала переговоры с Грецией и возобновила военные действия. Турецкие войска оккупировали северо-восточную часть острова между городами Кирения и Фамагуста. В ответ на эти действия греческое правительство заявило о выходе из военной организации НАТО. 16 августа в результате новой инициативы ООН вооруженные столкновения на Кипре прекратились.

В США такие последствия очередного этапа кипрского кризиса были расценены как «катастрофические». Газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Создается впечатление, будто государственный секретарь Киссинджер все еще не осознает масштабов катастрофы, постигшей американскую внешнюю политику в связи с кипрской трагедией». Основным итогом этого кризиса газета считала резкое усиление «нестабильности в восточной части Средиземноморья и на Ближнем Востоке» и «размывание» южного фланга НАТО⁷⁴.

Недовольство политических кругов деятельностью администрации проявилось в решении конгресса в ок-

тябре 1974 года прекратить военную помощь Турции. Несмотря на сопротивление администрации, конгресс настоял на принятии этого законопроекта. И хотя в октябре 1975 года при обсуждении очередного законопроекта об иностранной помощи это решение было отменено, обострение американо-турецких отношений затормозило решение проблемы вывода иностранных войск с Кипра, что позволило натовским кругам попытаться расколоть страну на два государства. Советское правительство, выступившее с инициативой созыва широкой международной конференции для полного и всестороннего решения кипрского вопроса⁷⁵, оказывало при этом постоянную дипломатическую поддержку законному правительству Кипра.

Значение, придаваемое администрацией республиканцев усилению военного присутствия в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке, раскрывается при анализе действий США в отношении конфликта в *Ливане*, резкое обострение которого приходится на 1975—1976 годы. Непрекращающиеся на протяжении первой половины 70-х годов агрессивные акции Израиля против Ливана, сопротивление США и Израиля решению палестинской проблемы, которое внесло бы ясность и в положение палестинцев в Ливане, поощрение и поддержка империалистическими кругами реакционных сил внутри страны — все это содействовало началу вооруженной борьбы правых проимпериалистических группировок Ливана, возглавляемых верхушкой христианской общины (ее представителем является и бывший президент С. Франжье), против отрядов палестинского движения сопротивления и ливанских национально-патриотических сил. Внутренний кризис в стране значительно осложнялся и борьбой правых сил против требований прогрессивной общественности пересмотреть устаревшую конституцию страны (1943 г.), основанную на принципах конфессионализма — разделения власти по религиозному признаку. Вооруженные акции ударной группировки правых — партии фаланги (Катаиб) привели к большим жертвам среди населения: только за 10 месяцев боев в 1975—1976 годах было убито более 15 тыс. человек и около 40 тыс. ранено. К концу 1975 года, по мере того как в вооруженную борьбу вовлекались новые группировки, и в том числе армия, возникла угроза целостности государства.

Прогрессивные группировки в стране и палестинское движение сопротивления создали объединенные национально-патриотические силы, которые оказали эффективный отпор военным группировкам правых партий. Попытки оказать влияние на стабилизацию обстановки в стране предпринимала также и Лига арабских стран. Это позволило прогрессивным и патриотическим силам страны добиться принятия поправки к конституции Ливана, которая открыла путь к выборам нового президента, что во многом содействовало бы урегулированию внутреннего кризиса. В мае новым президентом Ливана был избран Э. Саркис. Однако США, расценившие позитивные сдвиги во внутренней обстановке в стране, противоречащими своим интересам, предприняли меры, направленные на поддержку правых сил. С апреля 1976 года у берегов страны под предлогом проведения маневров началось сосредоточение оперативного соединения кораблей 6-го флота с десантом морской пехоты. В Ливан был направлен специальный представитель президента бывший посол США в Иордании Д. Браун, который провел серию консультаций с представителями правых партий. Это вмешательство содействовало новому обострению кризиса в Ливане. Как отметил Л. И. Брежнев, выступая на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС, «...тут мы имеем дело с новой попыткой мирового империализма, т. е. США и других держав НАТО, нанести удар по силам антиимпериалистической революции на Ближнем Востоке, сохранить и укрепить здесь свои позиции. Империализм идет теперь по пути провоцирования междоусобных конфликтов арабов против арабов. Возможности для этого кроются в усилившемся классовом расстройстве внутри арабских стран, в росте социально-политических различий между ними...

Советский Союз с самого начала выступал за прекращение братоубийственной войны в Ливане, за то, чтобы прогрессивные силы этой страны и палестинские патриоты были ограждены от разгрома, чтобы было сохранено государственное единство Ливана и сорван реакционный план раздела этой страны»⁷⁶.

И на Ближнем Востоке, и на Кипре администрация республиканцев активно прибегала к различного рода косвенным методам вмешательства в конфликтные ситуации. Аналогичная попытка была предпринята ею несколько раньше, в период обострения *индо-пакистанского*

конфликта в 1971 году. Конфликт между Индией и Пакистаном в этом году возник вследствие роста освободительной борьбы народа Восточного Пакистана (Народная Республика Бангладеш), на помощь которому пришло индийское правительство. Освободительное движение бенгальцев возглавила партия Народная лига во главе с Муджибуром Рахманом, которая, добившись большого успеха на первых в истории Пакистана парламентских выборах в декабре 1970 года, выдвинула программу из шести пунктов, содержащую требования широкой провинциальной автономии Восточному Пакистану, национализации банков и ведущих отраслей промышленности, ограничения крупного помещичьего землевладения и наделения крестьян землей. Военный режим Пакистана отказался признать итоги выборов и начал вооруженный террор против бенгальского народа и сторонников Народной лиги. В марте 1971 года Муджибур Рахман и многие его последователи были арестованы, а переброшенные из Западного Пакистана армейские части развернули широкие карательные операции, в которых было убито свыше миллиона человек. Около 10 миллионов, спасаясь от репрессий, устремились в Индию.

Приток миллионов беженцев поставил перед правительством Индии сложные проблемы: только в 1971/72 финансовом году предстояло израсходовать на содержание беженцев до 700 млн. долл. Газета «Вашингтон пост» в этой связи отмечала: «Как только Пакистан обрушил на Индию 10 миллионов беженцев, Индия столкнулась с провокацией, которую не могла бы игнорировать ни одна страна»⁷⁷. Правительства Советского Союза, Индии и других прогрессивных стран выступили против действий военного режима. Возникшая угроза вооруженного столкновения между Индией и Пакистаном подтолкнула Вашингтон оказать политическую поддержку своему союзнику. Индийское правительство было поставлено в известность о том, что, если оно прибегнет к вооруженной акции, США будут рассматривать это как «трагическую ошибку». 11 августа 1971 г. государственный секретарь Роджерс информировал индийского посла, что американское правительство «не могло бы оказывать экономическую помощь стране, которая начала бы войну»⁷⁸. Пользуясь поддержкой США и Китая, военный режим Пакистана начал подготовку к вооруженному нападению на Индию. 3 декабря 1971 г. паки-

станская авиация подвергла бомбардировке индийские аэродромы, на следующий день пакистанская армия перешла линию прекращения огня в Кашмире. Индия предприняла оборонительные мероприятия против пакистанских войск в Западном и Восточном Пакистане. 6 декабря 1971 г. она признала Народную Республику Бангладеш, провозглашенную сторонниками Муджибура Рахмана.

В ходе вооруженного индо-пакистанского конфликта, который длился с 3 по 16 декабря 1971 г., США заняли откровенно антииндийскую позицию. Выступая в Совете Безопасности ООН, представитель США Дж. Буш обвинил Индию в «агрессии». Была прекращена экономическая помощь США Индии. По рекомендации Вашингтонской группы специальных действий администрация направила в Бенгальский залив корабли американского 7-го флота во главе с авианосцем «Энтерпрайз» для демонстрации угрозы в адрес Индии. Советский Союз полностью поддержал справедливую позицию Индии, направленную на поддержку освободительной борьбы бенгальцев. В Заявлении ТАСС от 6 декабря 1971 г. было справедливо указано на тяжелую ответственность, которую взяли на себя руководители Пакистана, следуя опасному курсу развязывания военных действий против Индии⁷⁹. Опираясь на дружественную поддержку Советского Союза, индийское правительство оказало эффективную помощь народу Бангладеш.

Таким образом, косвенные методы вмешательства в конфликтные ситуации в развивающихся странах также не приносили видимых успехов Вашингтону. Изменившееся соотношение сил на азиатском континенте, решительная поддержка со стороны Советского Союза сил мира и прогресса в странах Азии, усилившиеся позиции освободительных движений — все это существенно прогиглодействовало попыткам республиканской администрации использовать обострение обстановки в отдельных районах континента с помощью более гибких и разносторонних методов в целях сохранения системы зависимых стран, разгрома передовых отрядов освободительного движения. Отсюда — усиление противоречий в политических кругах США, метания внешнеполитического аппарата в поисках путей к повышению эффективности «кризисной» политики. С одной стороны, отчасти возродилась тенденция к росту прямой вовлеченности, напри-

мер, на Ближнем Востоке, который занял видное место в стратегических приоритетах американского внешнеполитического курса. С другой — был вновь сделан упор на «секретные» операции (помощь правым силам в Индии, координация действий с подрывными акциями экстремистов в Бангладеш, помощь фалангистам в Ливане), активизацию помощи «опорным точкам» (Израиль, Иран, Саудовская Аравия, Южная Корея), политическое маневрирование вокруг внутренних конфликтов и пограничных столкновений в странах Юго-Восточной Азии (Таиланд, Филиппины, Малайзия, Бирма, Индонезия).

Переходя в первой половине 70-х годов к новым методам политики в разных районах развивающегося мира: «низкому профилю», «малозаметному присутствию» и т. п., США придавали особое значение очагам напряженности, различным локальным конфликтам, существование которых, как полагали в Вашингтоне, могло обеспечить более гибкие формы контроля над политической ситуацией на азиатском континенте. Соединенные Штаты продолжали ориентироваться на использование этих конфликтных ситуаций, чтобы не допустить образования единого антиимпериалистического фронта азиатских государств (например, в районе Персидского залива) и внутренней консолидации стран, занимающих антиимпериалистические позиции, прилагали усилия для обеспечения исхода этих конфликтов в пользу «дружественных» сил. Бесспорно, что в политике США преобладало стремление избегать прямого вовлечения в эти конфликтные ситуации, однако и «гибкое маневрирование» вокруг них, блокирование с реакционными силами сохраняло обстановку напряженности в ряде районов континента и усиливало надежды Вашингтона на создание выгодного «баланса сил», стабилизацию обстановки в благоприятном для США направлении.

«Заимствованная администрацией Форда «доктрина Никсона», — писал Ш. Саймон, — пытается добиться стабильности с помощью разрядки, а не конфронтации»⁸⁰. Это относилось в первую очередь к попыткам использовать локальные конфликтные ситуации в странах Азии (конфликт из-за Парасельских островов, переворот в Бангладеш, давление на Бирму и др.), чтобы усилить позиции США в начавшихся процессах нормализации отношений с великими державами. Объявленная в де-

кабре 1975 года президентом Фордом «тихоокеанская» доктрина поставила целью замораживание обстановки вокруг имеющихся конфликтных ситуаций.

Усиление элементов маневрирования проявилось и в отношении США к конфликтным ситуациям в странах Африки. Во второй половине 60-х годов из-за вовлеченности во Вьетнаме США воздерживались от активного участия в конфликтных ситуациях в этом районе мира, что проявилось хотя бы в их «нейтралитете» по отношению к гражданской войне в Нигерии. Президент Никсон неоднократно ссылаясь на отсутствие фактов открытого вмешательства США в Африке, объявляя о переходе своей администрации к «мирному» образу действий в конфликтных ситуациях в развивающихся странах. «Нерешенные проблемы Африки, — говорил он, — не должны использоваться как предлог для вмешательства со стороны неафриканцев»⁸¹. Позиция США заключалась в стремлении избегать прямого, но в то же время использовать различные формы косвенного вмешательства, в том числе поощрять действия расистских режимов. Такая тактика объяснялась учетом двух комплексов факторов.

С одной стороны, США не могли игнорировать рост солидарности африканских народов и усиление антиимпериалистических тенденций в Африке. Организация африканского единства выступила против США, Великобритании, Франции и ФРГ, осудив их политику помощи Португалии в колониальных войнах, оказала активную поддержку движениям за независимость португальских колоний, народам Зимбабве и Юга Африки, стремилась оградить независимую Африку от грубого вмешательства империалистических держав. С другой — США устраивал «баланс сил», складывавшийся в Африке между национально-освободительным движением и расистскими режимами Юга, а также португальским колониализмом. Значительный потенциал Южно-Африканской Республики, репрессивная политика режима «белого меньшинства» в Родезии, а также — до лета 1974 года — колониальные войны Португалии сдерживали масштабы национально-освободительного движения африканских народов.

Некоторые признаки постепенных перемен в пользу освободительных процессов в Африке подталкивали в отдельных случаях политические круги в США зондировать вопрос о более активной помощи расистским режимам,

которые «нуждались в друзьях за границей»⁸². Однако официальный Вашингтон воздерживался от каких-либо демонстративных акций и ограничивался косвенными мерами, в основном помощью Лиссабону. Переворот в Португалии в апреле 1974 года и деколонизация бывших португальских колоний в Африке нарушили этот сложившийся «баланс сил»: «Положение Родезии, — комментировал журнал «Тайм» перспективы деколонизации португальских территорий, — может стать неустойчивым, если Мозамбик станет враждебным и ее коммуникации с морем будут нарушены. Южная Африка также опасается создания недружественных черных правительств в странах к северу от ее границ»⁸³. Визит в Вашингтон в 1974 году начальника штаба вооруженных сил Южно-Африканской Республики адмирала Гуго Бирмана и его неофициальные встречи с бывшим председателем КНШ адмиралом Мурером показали, что этих военных руководителей «свела вместе общая забота о последствиях недавнего переворота в Португалии»⁸⁴.

В уравнениях «баланса сил» в Африке большое значение придавалось Вашингтоном роли «умеренных» режимов, которые должны были уравновесить влияние «экстремистов» на общий политический климат на африканском континенте. Однако развитие освободительных процессов в странах Африки привело к ослаблению положения этих режимов. Небывалая засуха, поразившая в 1969—1974 годах 16 африканских стран, расположенных южнее Сахары, явилась одной из причин, резко обострившей существующие там социальные противоречия. В Эфиопии широко развернувшаяся борьба за аграрные реформы привела в конечном счете к ликвидации в 1974 году монархического режима, считавшегося одним из надежных союзников Вашингтона в Африке. Американская администрация, занимавшая до этого, по мнению Л. Брауна, «любопытную позицию» безразличия к продовольственным проблемам в Африке, решила более активно вмешаться в стабилизацию положения с продовольствием. В своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 1974 года президент Форд обещал увеличить помощь странам, пострадавшим от засухи.

Для восстановления «баланса сил» в Африке Вашингтон предпринял попытку использовать обострение внутреннего положения в Анголе в результате вооруженной

борьбы против прогрессивного руководства страны реакционных группировок ФНЛА и УНИТА, а также вооруженную агрессию ЮАР и империалистических наемников на юге республики. Администрация оказала помощь поставками вооружения раскольническим группировкам и ЮАР, несмотря на возражения со стороны конгресса, и пыталась оказать давление на некоторые африканские страны, чтобы обеспечить поддержку и политическое прикрытие агрессии против Анголы. Однако всесторонняя помощь правительству НРА со стороны Советского Союза, Кубы и других социалистических стран, его поддержка со стороны африканских стран привели к срыву этих попыток и сокрушительному разгрому интервентов и их пособников.

В выступлении Л. И. Брежнева на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечается: «Победа Анголы стала вдохновляющим стимулом для сил прогресса на африканском континенте. Усилилась борьба народов против таких бастионов расизма и реакции, ставленников мирового империализма, как Южная Африка и Родезия. Антиимпериалистические силы в Африке почувствовали себя увереннее»⁸⁵. Соотношение сил между освободительным движением и расистскими режимами, обеспечивающими совокупные позиции империализма в Африке, начало коренным образом меняться в пользу народов континента. В обострившемся в связи с этим на юге континента конфликте США решили оказать более активную поддержку расистским режимам и другим проимпериалистическим силам под предлогом борьбы против «советской агрессии».

Во время визита Г. Киссинджера в Африку в апреле 1976 года, когда был провозглашен «новый курс» Вашингтона в этом районе мира, для США прояснилась расстановка сил на континенте. В частности, итоги визита показали, что США не могут рассчитывать на какую-либо поддержку своей политики со стороны независимых стран Африки, и единственным их надежным союзником остаются расистские режимы, в особенности — ЮАР. Встречи Г. Киссинджера с премьер-министром расистского режима ЮАР Й. Форстером в ФРГ и в Швейцарии показали истинное направление эволюции «новой» африканской политики Соединенных Штатов. В свою очередь, расистский режим, ощутив поддержку США, перешел к более грубым методам подавления освободительного

движения. Расстрел мирных демонстраций в пригороде Йоганнесбурга — Соуэто и в других районах Южной Африки, усиление репрессий, агрессивные приготовления на границах с независимыми странами служат демонстрацией готовности режима взять на себя функции жандарма всего юга Африки. Поэтому, отмечалось в Заявлении ТАСС по поводу событий в ЮАР, «ответственность за действия южноафриканских расистов несут и те империалистические круги, которые, игнорируя решения международных органов, продолжают сотрудничать с режимом ЮАР, таким образом поощряя его к проведению бесчеловечной политики»⁸⁶.

Среди конфликтных ситуаций в *Латинской Америке* наибольшее внимание республиканской администрации привлекла борьба реакционных группировок против правительства Народного единства в Чили. Администрация придавала особое значение событиям в Чили, поскольку мероприятия правительства Сальвадора Альенде, оставившего суверенитет и экономическую независимость страны, получили широкую поддержку как среди радикальных группировок, так и среди умеренных националистических сил стран Латинской Америки. Перу, Боливия, Венесуэла, Панама и некоторые другие государства последовали примеру Чили в ограничении позиций американского капитала в своих странах. Панама вновь поставила вопрос о пересмотре договора 1903 года и добилась его рассмотрения на специальном заседании Совета Безопасности ООН.

В связи с этим администрация, стремившаяся избежать характерной для президента Джонсона прямолинейности в борьбе против прогрессивных преобразований в латиноамериканских странах, перенесла акцент на помощь реакционным силам в латиноамериканских государствах. В первую очередь это относилось к политике США в Чили. Президент Никсон не скрывал значения, придаваемого им чилийским событиям. Во внешнеполитическом послании 1971 года он заявил: «Избрание президента-социалиста в 1970 году может иметь важные последствия не только для Чили, но и для межамериканской системы». Он предупреждал, что США будут «внимательно следить» за эволюцией положения в этой стране⁸⁷. С 1970 года США начали активную скрытую борьбу с помощью ЦРУ и некоторых монополий против правительства президента Альенде. ЦРУ ассигновало свыше

10 млн. долл. на различные подрывные мероприятия⁸⁸. Факты проведения скрытых операций в Чили признавал Г. Киссинджер, который во время слушаний по поводу его назначения на пост государственного секретаря заявил, что начиная с 1970 года США «содействовали укреплению демократических партий» в Чили⁸⁹. США подготовили условия для успеха военного переворота в сентябре 1973 года, когда к власти в стране пришел фашистский режим Г. Пиночета, и оказали этому режиму широкую и всестороннюю помощь.

Перейдя к скрытым формам вмешательства во внутренние конфликтные ситуации в странах Латинской Америки, Соединенные Штаты в то же время уделили особое внимание поощрению роли Бразилии в качестве своего «доверенного лица» на южном континенте. На Конференции неприсоединившихся стран в Алжире в 1973 году Фидель Кастро отмечал: «Латинская Америка с беспокойством следит за тем, как под покровительством США Бразилия превращается в военную державу, мощь которой выходит за рамки потребностей правителей этой страны, использующих убийства, пытки и тюрьмы против своего народа. Очевидная цель создания этой мощи состоит в том, чтобы превратить Бразилию в военный анклав в центре Латинской Америки, находящийся на службе североамериканского империализма. Правительство Бразилии, которое вместе с правительством Соединенных Штатов участвовало во вторжении в Санто-Доминго, в свержении прогрессивного правительства Боливии и способствовало недавнему насаждению реакционной диктатуры в Уругвае, не только является орудием Соединенных Штатов, но и постепенно превращает свою страну в империалистическое государство»⁹⁰.

События в Панаме, Перу, Венесуэле, Колумбии и других странах, где формируется сильная оппозиция политике Соединенных Штатов, показывают, что масштабы потенциального политического конфликта между США и странами южноамериканского континента, несмотря на временное поражение прогрессивных сил в Чили, продолжают распространяться. Выступления демократических и прогрессивных сил, интересы национальной буржуазии, средних слоев, в отдельных случаях церкви в латиноамериканских странах направлены против позиций США и трансформируются в массовые антиамериканские настроения. Таков медленный, но неуклонно

развивающийся объективный процесс в общей системе межамериканских отношений.

В первой половине 70-х годов в политике США по отношению к конфликтам в развивающихся странах произошли определенные изменения. Республиканская администрация была вынуждена разработать целую систему мероприятий, с тем чтобы сократить прямую военную вовлеченность США в эти ситуации и в то же время, стремясь повысить гибкость реагирования на них, усилить эффективность политики «контролирования» конфликтов. Эти мероприятия были подчинены главной задаче, стоявшей в этот период перед американским внешнеполитическим курсом в развивающемся мире: сдерживать волну освободительных и антиимпериалистических движений, которая угрожала позициям американского империализма в итоге его поражения во Вьетнаме.

Разработка и осуществление этих мероприятий американской администрации происходили под лозунгом «стабилизации» положения в Азии, Африке и Латинской Америке за счет сохранения и укрепления позиций зависимых от США стран и режимов и, одновременно, навязывания Советскому Союзу своих требований: отказаться от поддержки освободительных движений, координировать с США политику в развивающихся странах, предоставить Вашингтону свободу действий в «сферах влияния» и т. п. Влиятельные политические круги в США настаивали на включении этих «правил игры» в американскую концепцию разрядки напряженности, сделать их условием согласия США на позитивные шаги в области отношений с великими державами. Советское государство, как известно, отвергло этот нереалистический подход и противопоставило ему идеи Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, которые предусматривали ликвидацию военных очагов и содействие их политическому урегулированию на основе уважения законных прав государств и народов, подвергшихся агрессии; отпор любым актам агрессии и международного произвола, отказ от применения силы и угрозы ее применения для решения спорных вопросов⁹¹.

Эта принципиальная и последовательная позиция Советского государства, учитывающая насущные нужды народов и существенные перемены в соотношении сил на мировой арене, привела к дальнейшему углублению

кризиса политики вмешательства в конфликтные ситуации в развивающихся странах. Под воздействием политических мероприятий Советского Союза США были вынуждены взять на себя определенные обязательства по соблюдению международного мира и проявить известную осмотрительность на Ближнем Востоке, Кипре, Индо-останском субконтиненте, в Анголе.

Политика разрядки международной напряженности создала объективные предпосылки и для урегулирования некоторых сложных международных проблем. Так, к примеру, именно эта политика Советского Союза содействовала образованию благоприятных внешних условий для завершения борьбы патриотических сил в странах Индокитая. «Успешному развитию заключительной фазы освободительной борьбы на Индокитайском полуострове, — отмечал член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, — в значительной мере способствовало то обстоятельство, что она протекала в новых условиях, в обстановке, сложившейся в мире под влиянием процесса международной разрядки, начало которому было положено активными внешнеполитическими действиями СССР, всего социалистического содружества»⁹².

Углубление кризиса политики интервенционизма в первой половине 70-х годов, несмотря на стремление американских правящих кругов приспособиться к новой расстановке сил на международной арене, а также внутри Соединенных Штатов, безуспешные попытки Вашингтона в нынешних условиях использовать конфликтные ситуации для укрепления своих позиций в Азии, Африке и Латинской Америке, новые победы освободительных движений — все это отражало усиливающееся влияние позитивных сдвигов в мировом соотношении сил на сужение возможностей американского империализма в борьбе против сил прогресса, демократии и национальной независимости. Явные признаки этого процесса — победы народов Индокитая, Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау, укрепление солидарности народов Азии и Африки, успехи стран социалистической ориентации — вызвали и продолжают вызывать раздражение среди политических кругов Вашингтона, служат предлогом для наиболее реакционной их части требовать отказа от политики разрядки напряженности и усиления вооруженной борьбы против народов развивающихся стран.

Позитивные сдвиги на международной арене создают благоприятные условия для освободительной борьбы народов, для борьбы против военной опасности, для разрядки напряженности во всех частях мира. Внешнеполитическая деятельность Советского государства и других стран социалистического содружества, международное коммунистическое и рабочее движение, выступления миролюбивых сил во всем мире, направленные против агрессии и войны, способствуют успешной борьбе народов против неокOLONиализма, всех форм национального угнетения, продвижению вперед по пути к независимости и социальному прогрессу.

XXV съезд КПСС, развивая и продолжая Программу мира, выдвинутую XXIV съездом партии, принял Программу дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. В этой программе намечены главные задачи, решения которых в современных условиях требуют интересы мира и безопасности, прогресса человечества. Среди них — урегулирование сложных международных конфликтных ситуаций в развивающихся странах, и прежде всего на Ближнем Востоке, обеспечение безопасности освободившихся государств, ликвидация очагов напряженности и конфликтов.

Это — действенная помощь КПСС и Советского государства народам, борющимся за свободу и независимость. «Мы боремся за мир и безопасность на всей земле, — заявил на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — С этой трибуны мы горячо приветствуем всех участников национально-освободительного движения, вновь заявляем о своей неизменной поддержке их справедливой борьбы за свободу, независимость и прогрессивное развитие своих стран»¹.

Конференция коммунистических и рабочих партий Европы в своем итоговом документе ясно высказалась в поддержку борющихся народов. Участники конференции

выступили за ликвидацию очагов военной опасности путем переговоров, строгого выполнения достигнутых соглашений, и прежде всего за полное и справедливое урегулирование конфликта на Ближнем Востоке. Они поддержали народы Вьетнама, Лаоса и Кампучии в их усилиях по ликвидации ущерба, нанесенного им агрессивной войной, в их борьбе за мирное, демократическое развитие своих стран. Представители коммунистических и рабочих партий высказались также в поддержку правительства и народа Народной Республики Анголы, за освобождение всех чилийских демократов и патриотов, за немедленное прекращение террора и репрессий в отношении коммунистов и других демократов в Уругвае, Парагвае, Гватемале и ряде других латиноамериканских стран.

Большое значение имеет выступление участников конференции в поддержку антиимпериалистической борьбы арабских народов, народов Южной Африки, Намибии и Зимбабве, всех борцов против колониализма и расизма, всех жертв агрессии.

Поддержка народов развивающихся стран со стороны Советского Союза и всего социалистического содружества значительно сузила возможности империализма разжигать конфликты. Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС, «активные шаги предпринимаются с нашей стороны в поддержку справедливых требований развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки о перестройке на началах равноправия **международных экономических отношений**, об устранении всех форм эксплуатации капиталистическими государствами более слабых партнеров в «третьем мире». В этой области, как и во многих других, интересы социалистических и развивающихся стран сходятся»².

Для империалистических государств конфликты, связанные с борьбой развивающихся стран против системы неравноправных отношений между ними и странами развитого капитализма, являются полем прямого противостояния. Империалистические государства, и в первую очередь США, не отказались от мысли использовать свое военное и экономическое превосходство для удержания развивающихся стран в состоянии зависимости. Велико также их стремление использовать любые конфликтные ситуации для торможения процессов становления новых

государств, разрушения их солидарности, разжигания внутренних распрей и междоусобиц, провоцирования международных столкновений.

В некоторых развивающихся странах, а также в отдельных регионах Азии, Африки и Латинской Америки до последнего времени сохраняется взрывоопасная обстановка, борьба за экономический и социальный прогресс нередко связана с необходимостью противодействия агрессивным акциям империализма или его ставленников. Правящие круги Соединенных Штатов продолжают сохранять активный интерес к ситуациям такого рода, все еще рассчитывают, что вмешательство в конфликтные ситуации даст им возможность добиться осуществления своих неокOLONиальных целей. Вместе с тем под влиянием поражения в Индокитае, перемен в общем соотношении сил, перспектива резкого обострения противоречий между США и освободившимися государствами, способного приобрести «пропорции глобальной классовой войны», сейчас отрезвляюще действует на политические круги Вашингтона. Они не могут не видеть, что прямая агрессия против народов Индокитая, не принеся успеха США, существенно подорвала их позиции на международной арене, восстановила против США широкие слои населения развивающихся стран, содействовала росту антиамериканских настроений среди националистически настроенной буржуазии и правящих кругов в освободившихся государствах. В политических кругах Соединенных Штатов все чаще раздаются требования более глубоко и серьезно разобраться в существе американских интересов в развивающихся странах и определить менее «воинственные» пути их обеспечения. В ряде случаев администрация готова прислушаться к этим требованиям. Так, например, государственный секретарь Г. Киссинджер заявил в июле 1975 года: «США готовы поддерживать диалог по проблемам развития с новыми государствами и обсуждать с ними их заботы, касающиеся сырьевых материалов, перспектив развития, деятельности транснациональных корпораций и других вопросов»³.

Однако империалистический характер политики США в отношении развивающихся стран неизменен. И поэтому, даже пересматривая отчасти некоторые наиболее агрессивные методы своего внешнеполитического курса, правящие круги США по-прежнему намерены ориенти-

роваться на использование политической неустойчивости и конфликтов в развивающихся странах, делают ставку на обострение противоречий между ними в будущем вследствие неравномерности их экономического развития. Расчеты на размывание единого фронта развивающихся стран занимают большое место в политике Вашингтона. Не меньшее значение в борьбе против прогрессивных преобразований в развивающихся странах Соединенные Штаты придают и надеждам на укрепление связей с националистическими группировками, которые, выступая на международной арене с антиимпериалистических позиций, способны пойти на союз с империализмом в борьбе против прогрессивных сил внутри своих стран.

Очевидно, что эта политика не учитывает главных тенденций современного этапа общего кризиса капитализма, для которого характерно неуклонное и поступательное усиление позиций миролюбивых сил во всем мире, развитие процессов национального самоопределения, социального и экономического прогресса, стабилизации системы международных отношений на основе принципов равенства, взаимного уважения и сотрудничества всех стран. Решение задач ликвидации остающихся военных очагов, прекращения гонки вооружений, углубления разрядки международной напряженности, обеспечения безопасности в Азии, ликвидации всех остатков системы колониального угнетения, очагов колониализма и расизма создает благоприятные условия для общей нормализации международной обстановки в развивающемся мире, сдерживает агрессивность империализма и неоколониализма, способствует решению наиболее острых проблем на путях политического урегулирования, делает реальными возможности справедливого разрешения конфликтов в развивающихся странах без вмешательства со стороны империалистических держав.

Введение

- ¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.
- ² Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1975, с. 834.
- ³ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 13.
- ⁴ Там же, с. 12.
- ⁵ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства, с. 615.
- ⁶ «Правда», 1 июля 1976 г.
- ⁷ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 16.
- ⁸ Там же, с. 21.
- ⁹ Л. Л. Клочковский. Экономическая экспансия США в Юго-Восточной Азии. М., 1970; В. Ф. Ли. Стратегия и политика неоколониализма США. М., 1971; Р. А. Ульяновский. Неоколониализм США и слаборазвитые страны Азии. М., 1963; Э. М. Федотова. США и неприсоединившиеся страны. М., 1975; Н. Г. Федулова. США: политика в Юго-Восточной Азии, М., 1975 и др.
- ¹⁰ «Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость». М., 1974; В. В. Журкин. США и международно-политические кризисы. М., 1975; «Международные конфликты». М., 1972; Г. И. Мирский. «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976; Ю. Я. Михеев. Американцы в Индокитае. Критика противоправной доктрины и политики США. М., 1972.

Глава I

- ¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, с. 287—288.
- ² См. N. Brown. Underdevelopment As a Threat To World Peace. — «International Affairs», vol. 47, 1971, No. 2.
- ³ «Правда», 1 июля 1976 г.
- ⁴ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, с. 29.
- ⁵ «Известия», 26 февраля 1976 г.
- ⁶ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 12.
- ⁷ «Правда», 1 июля 1976 г.
- ⁸ «The Department of State Bulletin», Jan. 27, 1975, p. 97—106.
- ⁹ G. Thayer. The War Buziness. The International Trade in Armaments. N. Y., 1969, p. 35.
- ¹⁰ См. «Volkswirt», 2. Jan. 1970.
- ¹¹ См. «Paris-jour», 7 Jan. 1970.
- ¹² См. «US News and World Report», July 27, 1970.
- ¹³ См. «Washington Post», Aug. 10, 1974.
- ¹⁴ См. «Express», 1972, No 1111, p. 14—15.
- ¹⁵ См. «International Affairs», vol. 47, 1971, No. 4, p. 327.

- ¹⁶ См. I. K e n d e. Local Wars in Asia, Africa and Latin America. 1945—1969. Budapest, 1972, p. 12.
- ¹⁷ «Express», 1971, No 1065, p. 24.
- ¹⁸ «The New York Times», March 31, 1970.
- ¹⁹ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 14.
- ²⁰ «Материалы XXIV съезда КПСС», с. 18.
- ²¹ См. И. П. Б е л я е в, Е. М. П р и м а к о в. Египет: время президента Насера. М., 1974, с. 160—161.
- ²² А. И. Л е в к о в с к и й. «Третий мир» в современном мире. М., 1970, с. 33.
- ²³ См. «Вооруженная борьба народов Африки за свободу и независимость», с. 20—76 (далее: «Вооруженная борьба народов Африки...»).
- ²⁴ См. Д ж е к У о д д и с. «Новые» теории революции. Критический анализ взглядов Ф. Фанона, Р. Дебре, Г. Маркузе, М., 1975.
- ²⁵ B. G r i f f i t h. Peking and People's Wars. An Analysis of Statements by Official Spokesmen of the CCP on the Subject of Revolutionary War. N. Y., 1966, p. 50, 60—61.
- ²⁶ См. М. В. Ф о м и ч е в а, А. С. К р а с и л ь н и к о в. Китай и Африка. М., 1976, с. 99—101.
- ²⁷ См. L. B. J o h n s o n. The Vantage Point. N. Y., 1971, p. 134—135.
- ²⁸ «The International Regulation of Civil Wars». L., 1971, p. 7.
- ²⁹ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 12.
- ³⁰ A. L a m b. Asian Frontiers. L., 1968, p. 10, 74.
- ³¹ В. Г. Г р а ф с к и й, Б. А. С т р а ш у н. Федерализм в развивающихся странах. М., 1968, с. 33—34, 221—222.
- ³² «Newsweek», March 4, 1974, p. 21.
- ³³ См. Я. Я. Э т и н г е р. Международные организации стран Азии и Африки. М., 1976, с. 101.
- ³⁴ «Известия», 3 июля 1976 г.
- ³⁵ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 13.
- ³⁶ См. «International Security. Reflections on Survival and Stability», L., 1971.
- ³⁷ См. «On the Creation of a Just World Order». N. Y., 1975, p. 151—152.
- ³⁸ См. «The New York Times», June 11, 1966.
- ³⁹ M. H o w a r d. Studies in War and Peace. N. Y., 1971, p. 219.
- ⁴⁰ F. H. H i n s l e y. Nationalism and the International System. L., 1973, p. 154—157.
- ⁴¹ «SIPRI Yearbook of World Armaments and Disarmament. 1968/1969». Stockholm, 1969, p. 359.
- ⁴² D. W o o d. Conflict in the Twentieth Century. L., 1968.
- ⁴³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 49, с. 369—370.
- ⁴⁴ См. «Международные конфликты», с. 35.
- ⁴⁵ См. «Вооруженная борьба народов Африки...», с. 227—228.
- ⁴⁶ См. D. K a u s h i k. The Indian Ocean. Towards a Peace Zone. N. Delhi, 1972, p. 20—21.
- ⁴⁷ «Правда», 14 июня 1976 г.
- ⁴⁸ «Вооруженная борьба народов Африки...», с. 224—225.
- ⁴⁹ «Armed Forces Journal», 1973, Jan., p. 29.
- ⁵⁰ «Survival», vol. XIX, 1972, No. 6, p. 268—272.
- ⁵¹ «Иностранное участие» И. Кенде определяет как: (1) активное участие вооруженных сил иностранной державы в боевых действиях; (2) военное вмешательство со стороны иностранного государства, в том числе оказание помощи; (3) неофициальное вмеша-

тельство иностранной державы (спецподразделения); (4) вмешательство под видом войск ООН (Корея, Конго); (5) войны колониальных держав. — I. Kende. *Op. cit.*, p. 27—28.

⁵² R. Barnett. *Intervention and Revolution. America's Confrontation with Insurgent Movements Around the World.* N. Y., 1968, p. 10.

Глава II

¹ E. Chester. *Clash of Titans. Africa and US Foreign Policy.* N. Y., 1974, p. 95.

² *Ibid.*

³ C. Julien. *L'empire américain P.*, 1968, p. 55.

⁴ M. Gurtov. *The United States Against the Third World.* N. Y., 1974, p. 84.

⁵ «Orbis», vol. XIV, 1971, No 4, p. 1013.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 38.

⁷ G. Kolko. *The Politics of War. The World and US Foreign Policy. 1943—1945.* N. Y., 1968, p. 243.

⁸ «The Nation», March 3, 1969.

⁹ P. Seabury. *The United States in World Affairs.* N. Y., 1973, p. 108—109.

¹⁰ G. Kolko. *Op. cit.*, p. 268.

¹¹ В своем исследовании «США против „третьего мира“» американский историк М. Гуртов отмечает, что одной из основ подхода США к проблемам стабильности в развивающихся странах было убеждение, что «внутреннее спокойствие в США зависит от безопасности и стабильности за границей». M. Gurtov. *Op. cit.*, p. 4.

¹² См. Г. А. Трофименко. *Стратегия глобальной войны.* М., 1968, с. 21.

¹³ G. Kolko. *Op. cit.*, p. 617.

¹⁴ «The Yale Review», vol. LX, 1971, No. 3, p. 321.

¹⁵ H. Feis. *From Trust to Terror. The Onset of the Cold War.* Norton, 1970, p. 53.

¹⁶ R. Clough. *East Asia and US Security.* Wash., 1975, p. 8.

¹⁷ R. Barnett. *Op. cit.*, p. 9, 60.

¹⁸ Т. Ноорес. *The Devil and John Foster Dulles.* Boston, 1973, p. 115.

¹⁹ Цит. по: J. Slater. *Intervention and Negotiation. The US and Dominican Revolution.* N. Y., 1970, p. X.

²⁰ Цит. по: Г. А. Трофименко. *Указ. соч.*, с. 38—39.

²¹ У. Помрой. *Становление американского неокOLONИализма.* М., 1973, с. 12.

²² Г. А. Трофименко. *Указ. соч.*, с. 21.

²³ G. Kolko. *Op. cit.*, p. 607.

²⁴ См. «Развивающиеся страны в мировой политике». М., 1970, с. 60—61.

²⁵ L. H. Battistini. *The United States and Asia.* N. Y., 1955, p. 300—303.

²⁶ См. Ю. М. Мельников. *Внешнеполитические доктрины США.* М., 1970, с. 202—205, 209—223.

²⁷ Цит. по: Б. Дмитриев. *США: политики, генералы, дипломаты.* М., 1971, с. 64—75.

²⁸ W. Kauffman. *The McNamara Strategy.* N. Y., 1964, p. 27.

²⁹ G. Kolko. *The Roots of American Foreign Policy.* Foston, 1969, p. 28.

³⁰ R. Barnett. *Op. cit.*, p. 12.

- ³¹ См. А. Н. Яковлев. Идеология американской «империи». М., 1967, с. 333—370.
- ³² R. Thompson. Revolutionary War in World Strategy. 1945—1969. N. Y., 1970, p. 32.
- ³³ «The New York Times», May 19, 1966.
- ³⁴ См. M. Farley. US Relations with Southeast Asia. N. Y., 1955, p. 5—10.
- ³⁵ T. Schelling. The Strategy of Conflict. Cambr., 1960, p. 253.
- ³⁶ M. Halperin. Limited War in the Nuclear Age. N. Y., 1966, p. 2.
- ³⁷ Цит по: W. Kauffman. Op. cit., p. 74—75.
- ³⁸ См. T. Sorensen. Kennedy. N. Y., 1965, p. 682.
- ³⁹ «U. S. News and World Report», Aug. 3, 1970, p. 66.
- ⁴⁰ «Journal of Conflict Resolution», vol. 9, 1966, No. 4, p. 324—326.
- ⁴¹ См. Г. А. Трофименко. Указ. соч., с. 152—159; И. Л. Шейдина. США: «фабрики мысли» на службе стратегии. М., 1973, с. 150—184.
- ⁴² O. Young. The Intermediaries. Third Parties in International Crises. Princeton, 1967; O. Young. The Politics of Force. Bargaining During International Crises. Princeton, 1968; J. Burton. Conflict and Communication. N. Y., 1969; L. Bloomfield and A. Leiss. Controlling Small Wars. N. Y., 1969; L. Bloomfield, C. Gearin, J. Foster. Arms Control and Local Conflict. Cambr., 1970; C. Hermann. Crises in Foreign Policy. N. Y., 1969.
- ⁴³ H. Kissinger. American Foreign Policy. Three Essays. N. Y., 1969, p. 80.
- ⁴⁴ L. Bloomfield, C. Gearin, J. Foster. Anticipating Conflict—Control Policies. Cambr., 1971, p. 30.
- ⁴⁵ R. Beattie, L. Bloomfield. CASCON — Computer-Aided System for Handling Information on Local Conflicts. Cambr., 1969, p. 56.
- ⁴⁶ «Orbis», vol. XVI, 1973, No. 4, p. 1011.
- ⁴⁷ «The Nation», Aug. 2, 1971.
- ⁴⁸ A. George, D. Hall, W. Simons. The Limits of Coercive Diplomacy, Boston, 1971, p. 9—11.
- ⁴⁹ H. Sidey. John F. Kennedy, President. N. Y., 1964, p. 73—74.
- ⁵⁰ S. Deitchmen. Limited War and American Defense Policy. Cambr., 1969.
- ⁵¹ «Foreign Affairs», Oct., 1964, p. 76, 83—84.
- ⁵² R. Thompson. Op. cit., p. 90—95.
- ⁵³ «Armed Insurrection». N. Y., 1970; A. Campbell. Guerrillas. N. Y., 1962; N. Leites, C. Wolf. Rebellion and Authority. Analytic Essay of Insurgent Conflicts. Chi., 1970.
- ⁵⁴ Например, «план Бриггса» (начальника специальных операций при верховном комиссаре Малайи), по которому около 200 тыс. крестьян в 1950 году были перемещены в более крупные селения. — См. В. С. Руднев. Очерки новейшей истории Малайи. М., 1959, с. 91.
- ⁵⁵ «Orbis», vol. XVI, 1972, No. 3, p. 646.
- ⁵⁶ «The Politics of Developing Areas». Princeton, 1960.
- ⁵⁷ См. «Congressional Record», Aug. 25, 1965, p. 20905—20925.
- ⁵⁸ «World Politics», vol. XVIII, 1966, No. 2, p. 213.
- ⁵⁹ S. Huntington. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968; L. Binder, J. Coleman, J. Lapalombara, L. Pye, S. Verba, M. Weiner. Crises and Sequences in Political Development. Princeton, 1971.
- ⁶⁰ «Между проявлениями насилия в развивающихся странах, — писал

Р. Макнамара, — и экономическим положением государств существует прямая и постоянная связь... С 1958 года 87% очень бедных, 69% бедных и 45% стран со средним уровнем доходов были ареной серьезных проявлений насилия... Среди 38 государств с годовым доходом на душу населения менее 100 долларов в 32 произошли значительные конфликты». — R. McNamara. *Essence of Security*. N. Y., 1968, p. 145—146.

⁶¹ «The Yale Review», vol. LX, 1971, No. 3, p. 326.

⁶² «World Politics», vol. XXVI, 1973, No. 1, p. 143.

⁶³ См. «Military Review», Apr. 1973, p. 37—43.

⁶⁴ См. N. Choucri, M. Laird, D. Meadows. *Resource Scarcity and Foreign Policy*. Cambr., 1972 (mimeo).

⁶⁵ См. «World Politics», vol. XXV, 1972, No. 1, p. 9—11.

⁶⁶ W. Connor. *Nation — Building or Nation — Destroying?* — «World Politics», vol. XXIV, 1972, No. 3, p. 319—320.

⁶⁷ «World Politics», vol. XXIII, 1971, No. 4, p. 665—683.

⁶⁸ «Survival», vol. XIV, 1972, No. 2, p. 62.

⁶⁹ H. Morgenthau. *A New Foreign Policy for the United States*. N. Y., 1971, p. 154.

Глава III

¹ См. Э. М. Федотова. США и неприсоединившиеся страны. М., 1975, с. 8—9.

² Цит. по: Ф. И. Шабшина. Южная Корея, 1945—1946. Записки очевидца. М., 1974, с. 84.

³ См. G. Kolko. *The Politics of War*, p. 607.

⁴ См. Т. Атаёв. США, НАТО и Турция. М., 1973, с. 114—116.

⁵ «The Annals of American Academy of Political and Social Science». Philadelphia, July 1970, p. 99—100.

⁶ См. J. Cable. *Gunboat Diplomacy. Political Applications of Limited Naval Force*. N. Y., 1971, p. 205—209.

⁷ См. О. Борисов. Советский Союз и маньчжурская революционная база. М., 1975, с. 116—120, 124—125.

⁸ В. Б. Воронцов. Дело «Амерэйша». М., 1974, с. 75.

⁹ См. «Newsweek», Sept. 23, 1974, p. 13.

¹⁰ M. Farley. *US Relations with Southeast Asia*. N. Y., 1955, p. 3—4.

¹¹ D. Acheson. *Present at the Creation*. N. Y., 1969, p. 407—408.

¹² Разногласия между Трумэном и генералом Макартуром получили всестороннее освещение в американской историко-политической литературе. Их анализ сыграл известную роль в разработке принципов «кризисного реагирования». — См. J. Spanier. *The Truman — McArthur Controversy and the Korean War*. Cambr., 1959; D. Rees. *Korea. The Limited War*. N. Y., 1964; M. Deichterman. *To the Yalu and Back*. In: «American Civil — Military Decisions». Alabama, 1963.

¹³ A. George, D. Hall, W. Simons. *Op. cit.*, p. 2—4.

¹⁴ M. Farley. *Op. cit.*, p. 7.

¹⁵ *Ibid.*, p. 12.

¹⁶ См. Т. Ноорес. *Op. cit.*, p. 162.

¹⁷ M. Copeland. *The Game of Nations*. N. Y., 1969, p. 58.

¹⁸ В статье «Как Америка потеряла Насера» М. Хейкал отмечает, что, прибыв в 1953 году в Каир, Даллес преследовал две цели: во-первых, сыграть роль мирного посредника между арабами и израильтянами; во-вторых, продвинуть реализацию своего плана создания

- военного блока на Ближнем Востоке. Неудача Даллеса в обеих целях вызвала его резко отрицательное отношение к политике Египта. См. «Express», 1971, No 1965, p. 72—73.
- 19 R. Varnet. *Intervention and Revolution*, p. 226.
- 20 См. «Вооруженная борьба народов Африки...», с. 212—217.
- 21 «Current History», July 1969, p. 29.
- 22 См. M. Coréland. *Op. cit.*, p. 213—214.
- 23 Цит. по: «International Regulation of Civil Wars», p. 70.
- 24 *Ibid.*, p. 72.
- 25 R. Murphy. *Diplomat among Warriors*. Garden City, 1964, p. 398—404.
- 26 См. «Foreign Affairs», Oct. 1963, p. 5.
- 27 См. «International Regulation of Civil Wars», p. 85—86.
- 28 См. Ф. Сергеев. «Империя» в империи. М., 1972, с. 138—146.
- 29 «US—Vietnam Relations. 1945—1967». Wash., 1971, vol. I, p. 5.
- 30 Б. Дмитриев. Указ. соч., с. 89.
- 31 Там же, с. 91.
- 32 «US—Vietnam Relations. 1945—1967», vol. XII, p. 442.
- 33 «The New York Times», Jan. 12, 1962.
- 34 См. Г. А. Трофименко. Стратегия глобальной войны, с. 121, 123—124.
- 35 «Military Review», March 1964, p. 54.
- 36 T. Sorensen. Kennedy, N. Y., 1965, p. 641.
- 37 A. Dommen. *Conflict in Laos*. N. Y., 1964, p. 193.
- 38 См. A. George, D. Hall, W. Simons. *Op. cit.*, p. 41—42.
- 39 Ю. Я. Михеев. Указ. соч., с. 88.
- 40 «Christian Science Monitor», May 7, 1970.
- 41 Цит. по: Ю. Я. Михеев. Указ. соч., с. 95.
- 42 Э. Кордьер — американский дипломат, представитель ООН в Леопольдвиле, который организовал свержение П. Лумумбы с помощью войск ООН. — См. К. О'Брайен. В Катангу и обратно. М., 1963, с. 145—146.
- 43 T. Sorensen. *Op. cit.*, p. 630—631.
- 44 Цит. по: A. Schlesinger. *A Thousand Days. John F. Kennedy in the White House*. Boston, 1965, p. 761.
- 45 J. B. Martin. *The Dominican Crisis from the Fall of Trujilio to Civil War*. N. Y., 1966, p. 650.
- 46 К примеру, 28 мая 1965 г. президент Джонсон заявил: «Старое различие между гражданской войной и международным конфликтом утратило свой смысл». — Цит. по: R. Varnet. *Op. cit.*, p. 11.
- 47 М. Гуртов особо отмечает различие между «гибкостью» Кеннеди в вопросах общей политики в развивающихся странах и его «жесткостью» в конфликтных ситуациях. — См. M. Gurto v. *Op. cit.*, p. 49.
- 48 «The New York Post», Nov. 20, 1964.
- 49 См. T. Hoopes. *The Limits of Intervention. An Inside Account of How the Johnson Policy of Escalation in Vietnam Was Reversed*. N. Y., 1969, p. 13—32.
- 50 L. B. Johnson. *The Vantage Point*, p. 121—154.
- 51 W. Burchett. *The Second Indochina War*. N. Y., 1970, p. 165.
- 52 «US—Vietnam Relations. 1945—1967», vol. IV, p. 52.
- 53 Ю. Я. Михеев. Указ. соч., с. 132—135.
- 54 G. Kolko. *The Roots of American Foreign Policy*. Boston, 1969, p. XI.

- ⁵⁵ «США — экономика, политика, идеология», 1970 г., № 1, с. 18.
- ⁵⁶ J. W. Fullbright. *The Arrogance of Power*. N. Y., 1967, p. X.
- ⁵⁷ Цит. по: P. Seabury. *The US in World Affairs*, p. 105.
- ⁵⁸ См. «США: внешнеполитический механизм», М., 1972, с. 52—53, 88—89.
- ⁵⁹ «The New York Times», June 11, 1966.
- ⁶⁰ *Ibid.*
- ⁶¹ Израильский публицист М. Бар-Зохар признает, что администрация Джонсона была крайне заинтересована в разгроме левобаа-систского правительства в Сирии. — См. M. Bar-Zohar. *Embassies in Crisis*. Englewood Cliffs, 1970, p. 260.
- ⁶² «The New York Times», May 12, 1967.
- ⁶³ «Newsweek», June 19, 1967.
- ⁶⁴ См. И. П. Беляев, Е. М. Примаков. Указ. соч., с. 324.
- ⁶⁵ «Foreign Affairs», Jan. 1969, p. 229—230.
- ⁶⁶ Была образована в 1966 году для консультирования президента по наиболее важным решениям. В ее состав входили Д. Ачесон, Дж. Болл, М. Банди, Д. Диллон, С. Вэнс, А. Дин, Дж. Макклой, Р. Мэрфи, Г. Кэбот-Лодж, Эйб Хортас, А. Голдберг, генералы О. Брэдли, М. Риджуэй, М. Тэйлор.
- ⁶⁷ T. Hoopes. *Op. cit.*, p. 217.
- ⁶⁸ G. Kolko. *Op. cit.*, p. XV.
- ⁶⁹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства, с. 150.
- ⁷⁰ «Foreign Affairs», Oct. 1967, p. 114.
- ⁷¹ См. Ю. Н. Листвинов. Обычное оружие в ядерном веке. М., 1975, с. 60—61, 68—69.
- ⁷² Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства, с. 150.
- ⁷³ «US News and World Report», Nov. 12, 1973, p. 24.
- ⁷⁴ «Saturday Review», Nov. 6, 1971, p. 28.
- ⁷⁵ Турция, Иран, Пакистан, Филиппины, Таиланд, Тайвань, Южная Корея, Южный Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Ливан, Иордания, Израиль, Саудовская Аравия, Марокко, Дагомея, Нигер, Сенегал, Боливия, Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Панама, Сальвадор. — См. S. Deitchman. *Op. cit.*, p. 56—58.

Глава IV

- ¹ «US News and World Report», Oct. 25, 1971, p. 21.
- ² «Agenda for the Nation», Wash., 1968, p. 614.
- ³ «Материалы XXV съезда КПСС», с. 13.
- ⁴ См. «The Department of State Bulletin», Jan. 18, 1971, p. 82.
- ⁵ H. Morgenthau. *A New Foreign Policy for the United States*, p. 149.
- ⁶ «Foreign Policy», 1973/74, No. 13, p. 25—26.
- ⁷ «Controlling Conflicts in the 1970s». N. Y., 1969, p. 16.
- ⁸ «US Foreign Policy: Perspectives and Proposals for 1970s». N. Y., 1969, p. 17.
- ⁹ *Ibid.*, p. 18.
- ¹⁰ «War/Peace Report», July — Aug. 1973, p. 3—9.
- ¹¹ «No More Vietnams?», N. Y., 1968, p. 189.
- ¹² «War/Peace Report», Apr. 1971, p. 3.
- ¹³ «Foreign Policy», 1973, No. 11, p. 116.
- ¹⁴ «Bulletin of the Atomic Scientist», Apr. 1971, p. 11.

- 15 B. Gordon. *Toward Disengagement in Asia*. Englewood Cliffs, 1969, p. 2—6.
- 16 См. «Foreign Affairs», Jan. 1970, p. 248.
- 17 См. «Foreign Policy», 1970/71, No. 1, p. 7—9.
- 18 «Orbis», vol. XVI, 1972, No. 1, p. 108—113.
- 19 «Foreign Policy», 1971/72, No. 5, p. 115—117.
- 20 «American Public Opinion and US Foreign Policy. 1975». Chi., 1975, p. 17.
- 21 A. George, D. Hall, W. Simons. *Op. cit.*, p. 25.
- 22 «The Nation», Aug. 3, 1971.
- 23 «US Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report by President R. Nixon to the Congress. Febr. 18, 1970». Wash., 1970, p. 3 (далее: «US Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace»).
- 24 *Ibid.*, p. 183.
- 25 «US Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace. A Report by President R. Nixon to the Congress. Febr. 25, 1971». Wash., 1971, p. 4 (далее: «US Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace»).
- 26 См. «US Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace. A Report by President R. Nixon to the Congress. Febr. 9, 1972». Wash., 1972, p. 4—5 (далее: «US Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace»).
- 27 См. «The Department of State Bulletin», March 22, 1971, p. 397
- 28 *Ibid.*, p. 399.
- 29 «The New York Times», July 10, 1971.
- 30 «Armed Forces Journal», Nov. 1971, p. 44.
- 31 S. Gilbert. Implications of the Nixon Doctrine for Military Aid Policy. «Orbis», vol. XVI, 1972, No. 3, p. 660—661.
- 32 «Washington Post», Aug. 10, 1974.
- 33 «The Department of State Bulletin», Jan. 19, 1970, p. 53.
- 34 «Asahi Evening News», March 5, 1975.
- 35 См. «Christian Science Monitor», June 20, 1969.
- 36 «Toward National Security Strategy of Realistic Deterrence. Statement of Secretary of Defense M. Laird before the House Armed Services Committee. March 9, 1971». Wash., 1971, p. 11.
- 37 «US News and World Report», March 12, 1973, p. 42.
- 38 См. Ю. Н. Листвинов. Указ. соч., с. 30—132.
- 39 «Доктрина Никсона». М., 1972, с. 70—72.
- 40 «US Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure of Peace», p. 15.
- 41 I. M. Destler. *Presidents, Bureaucrats and Foreign Policy*. Princeton. 1972, p. 121.
- 42 См. А. А. Кокосин. *Прогнозирование и политика*. М., 1975, с. 112—114.
- 43 «US Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace», p. 281.
- 44 «Foreign Policy», 1971/72, No. 5, p. 25—27.
- 45 См. В. В. Журкин. США и международно-политические кризисы. М., 1975, с. 65—66.
- 46 «Известия», 30 мая 1972 г.
- 47 «Визит Леонида Ильича Брежнева в Соединенные Штаты Америки 18—25 июня 1973 года. Речи и документы». М., 1973, с. 87.
- 48 См. «Известия», 4 июля 1974 г.
- 49 См. «Известия», 29 февраля 1972 г.

- 50 «Time», Jan. 1, 1973, p. 12.
51 «The Economist», May 13, 1972, p. 11.
52 «Washington Post», Dec. 22, 1969.
53 «Washington Post», May 4, 1971.
54 См. «Правда», 5 мая 1970 г.
55 Цит. по: Ю. Я. Михеев. Указ. соч., с. 183—184.
56 Там же, с. 184—185.
57 Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства, с. 471.
58 См. Ю. Н. Листвинов. Указ. соч., с. 73—79.
59 «US Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace», p. 123.
60 Цит. по: «Survival», vol. XII, 1970, No. 2, p. 39.
61 См. «Доктрина Никсона», с. 91—92.
62 См. «Правда», 20 сентября 1970 г.
63 См. «National Journal», Jan. 8, 1972, p. 57, 59, 64.
64 См. «Известия», 12 марта 1973 г.
65 «Washington Post», Aug. 26, 1973.
66 См. «Известия», 24 октября 1973 г.
67 См. «Известия», 2 сентября 1975 г.
68 «Time», Sept. 8, 1975, p. 8.
69 «The New York Times», Sept. 2, 1975.
70 «Sketch», July 1974, p. 13.
71 «Известия», 18 февраля 1970 г.
72 См. «The New York Times», July 18, 1974.
73 «Washington Post», Aug. 15, 1974.
74 «The New York Times», Aug. 27, 1974.
75 См. «Известия», 23 августа 1974 г.
76 «Правда», 26 октября 1976 г.
77 «Washington Post», Jan. 6, 1972.
78 «The New York Times», Aug. 12, 1973.
79 «Правда», 7 декабря 1971 г.
80 S. W. Simon. «Asian Neutralism and US Policy», Wash., 1975. p. 11.
81 «The Department of State Bulletin», March 22, 1971, p. 387.
82 «US News and World Report», Jan. 22, 1973, p. 48.
83 «Time», May 6, 1974, p. 20.
84 «Christian Science Monitor», May 12, 1974.
85 «Правда», 26 октября 1976 г.
86 «Правда», 24 июня 1976 г.
87 «US Foreign Policy for the 1970's. Building for Peace», p. 54.
88 «Time», Sept. 30, 1974, p. 24—32.
89 «Newsweek», Sept. 23, 1974, p. 12—13.
90 «Известия», 12 ноября 1973 г.
91 «Материалы XXIV съезда КПСС», с. 29.
92 «Коммунист», 1975 г., № 14, с. 9.

Заключение

- 1 «Правда», 30 июня 1976 г.
2 «Правда», 26 октября 1976 г.
3 «Department of State Press», July 17, 1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
Глава I. Политика империализма — источник напряженности и конфликтов в развивающихся странах	11
Глава II. Формирование политики США в отношении конфликтов в развивающихся странах	48
Глава III. Эволюция политики США в отношении конфликтов в развивающихся странах в 1945—1970 годах	96
Глава IV. Поворот к разрядке международной напряженности и углубление кризиса политики интервенционизма в первой половине 70-х годов	153
<i>Заключение</i>	210
<i>Примечания</i>	214

Виктор Александрович Кременюк

ПОЛИТИКА США
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ
ПРОБЛЕМЫ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ
1945—1976

Редакторы *Ю. Н. Листвинов, И. Н. Фоми-
чев*. Оформление художника *О. Н. Коняхи-
на*. Художественный редактор *Р. А. Каза-
ков*. Технический редактор *Т. С. Орешкова*.
Корректор *О. В. Смольнова*

ИБ № 182

А 13826. Сдано в набор 26/VII 1976 г.
Подписано в печать 18/XI 1976 г. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л.
11,76. Уч.-изд. л. 12,61. Тираж 14000 экз.
Изд. № 64-И/76. Издательство «Междуна-
родные отношения» 103031, Москва К-31,
Кузнецкий мост, 24. Зак. 1152. Московская
типография № 8 Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Минист-
ров СССР по делам издательств, полиграф-
фии и книжной торговли. Хохловский
пер., 7. Цена 76 коп.

76 коп.

